

Баландинские чтения

2025 Том XIX

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

БАЛАНДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
сборник статей научных чтений памяти
Сергея Николаевича Баландина

Том XIX

Новосибирск 2025

Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосибирский государственный университет архитектуры дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, 2025. — Т. XIX. — 87: с.

ISBN 978-5-89170-362-9

Ежегодник «Баландинские чтения» учрежден в память об исследователе сибирской архитектуры Сергее Николаевиче Баландине (1930–2004), основателе Музея истории архитектуры Сибири в г. Новосибирске. Издание выходит при партнерстве Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова (НГУАДИ) и Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН).

В сборнике представлены статьи, посвященные историко-архитектурному наследию Сибири и сопредельных территорий. Авторы затрагивают различные аспекты данной тематики: исторические закономерности развития планировки и застройки поселений, кросс-культурные взаимосвязи в архитектуре и градостроительстве, новые методы в изучении наследия, выявление «забытых» памятников и потенциал их ревалоризации, новые сведения о творческом наследии сибирских архитекторов.

The *Balandin Readings* annals is dedicated to the memory of Sergey Balandin (1930–2004) — a historian of Siberian architecture and a founder of the *Museum of Siberian Architectural History* in the city of Novosibirsk. The issue is published in the partnership of *Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts* and the *Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian branch of Russian Academy of Sciences*.

The annals contain scientific articles concerned with historical and architectural heritage of Siberia and neighboring areas. The authors deal with different aspects of the subject including historical factors of developing of planning structure and architecture of settlement, cross-cultural relations in architecture and urban planning, new methods of studying heritage objects, revealing of forget monuments and opportunities for their revalorization, new facts about creative heritage of Siberian architects.

Редакционная коллегия издания:
ответственный редактор А.Е. Гашенко (НГУАДИ)
научные редакторы:
Е.А. Груздева, канд. искусствоведения (НГУАДИ)
Н.П. Журин, канд. архитектуры (НГУАДИ)
А.Ю. Майничева, д-р исторических наук (ИАЭТ СО РАН, НГУАДИ)

ISBN 978-5-89170-362-9

© Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, 2025
© Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2025
© Коллектив авторов, 2025

Содержание

Е.Д. Авдеева. Мировая практика реконструкции и реновации промышленных объектов для использования в качестве общественно-жилых пространств.....	4
Л.С. Виноградова. Реконструкция парков культуры и отдыха города Барнаула.....	14
Н.П. Журин, С.В. Филонов. Храм Сретения Господня в старом Бердске	21
Е.П. Загваздин. О планировке Тобольска XVII–XVIII вв. по материалам раскопок 2023 г.....	25
Е.В. Косинова. Системный подход к интеграции природных ландшафтов в архитектурную среду: опыт реализации «Генеральной схемы лесопаркового устройства и озеленения» достопримечательного места «Новосибирский Академгородок»	30
А.Ю. Майничева. Летописи церквей как источник для изучения православной церковной архитектуры Якутии	34
Д.А. Смирнов. Дворец пионеров в Омске как пример синтеза искусств	39
И.Р. Соколовский. Объекты, предметы и методы социальной истории архитектуры: к постановке проблемы.....	47
А.Е. Сорокин. Изучение и репрезентация утраченного архитектурного наследия города Кузнецка XIX – начала XX века в работах новокузнецкого краеведа В.П. Девятярова	60
М.А. Целищева. «Театр металлургов» в г. Новокузнецке — первое в Сибири здание, специально предназначенное для театра, памятник архитектуры, выполненный в стилистике конструктивизма XX века.....	69
К.С. Ившин, К.Д. Юрина. Проектная стратегия локального брендинга культурного наследия на примере «Музея-усадьбы П.И. Чайковского» в городе Воткинске.....	80
Сведения об авторах	86

DOI: 10.37909/978-5-89170-362-9-2025-1001
УДК 72.025.5

Е.Д. Авдеева

Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д.Крячкова
Красный пр-т., 38, Новосибирск, Новосибирская обл., 630099
kkate.avdeeva@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-7485-6491>

Научный руководитель: Е.А. Груздева, кандидат искусствоведения, доцент

Мировая практика реконструкции и реновации промышленных объектов для использования в качестве общественно-жилых пространств

Аннотация

В статье рассматриваются реализованные проекты реконструкции и реновации промышленных предприятий, прекративших свою деятельность, перепрофилированных в жилые многоквартирные комплексы и апартаменты. Для выявления методов успешной реновации акцентировано внимание на специфике объектов, подходах, применяемых в зарубежных проектах. Примеры анализируются относительно подходов к фасадным и планировочным решениям: какие элементы остаются неизменными, а какие устраняются и почему. Изучается специфика использованных материалов с акцентом на визуально-смысловое заимствование элементов промышленной архитектуры и то, как это адаптировано для жилых пространств. А также проблемные моменты, возникшие в процессе реновации и их решения.

Рассмотрен ряд реализованных объектов из США, Нидерландов, Бельгии, Дании. Все здания в прошлом являлись предприятиями различных направлений, от силосной башни до машиностроительного завода, сменили функцию и реконструированы в жилые комплексы и апартаменты.

Статья дополнена иллюстрациями примеров объектов до и после реновации, демонстрирующими современные возможности и варианты их использования.

Ключевые слова: реконструкция; реновация; промышленные объекты; жилой дом; вторичное использование

E. Avdeeva

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A.D. Kryachkov
Krasny Ave., 38, Novosibirsk, Novosibirsk Region, 630099
kkate.avdeeva@yandex.ru

ORCID:<https://orcid.org/0009-0000-7485-6491>

Scientific Supervisor: E. Gruzdeva, PhD in Art History, Associate Professor

World practice of reconstruction and renovation of industrial facilities for use as public and residential areas

Abstract

The article examines completed projects for the reconstruction and renovation of industrial enterprises that have ceased their operations and have been repurposed into residential apartment complexes and apartments. To identify methods of successful renovation, attention is focused on the specifics of the objects and approaches used in foreign projects. Examples are analyzed in relation to approaches to facade and planning solutions: which elements remain unchanged and which are eliminated and why. The specifics of the materials used are studied with an emphasis on the visual and semantic borrowing of elements of industrial architecture and how this is adapted for residential spaces. As well as problematic issues that arose during the renovation process and their solutions.

A number of completed objects from the USA, the Netherlands, Belgium, and Denmark are considered. All buildings in the past were enterprises of various directions, from a silo tower to a machine-building plant, changed their function and were reconstructed into residential complexes and apartments.

The article is supplemented with illustrations of examples of objects before and after renovation, demonstrating modern possibilities and options for their use.

Keywords: reconstruction; renovation; industrial facilities; residential building; secondary use

Введение. В XX в. по всему миру произошел скачок развития индустриализации, сопровождавшийся огромным спросом на строительство новых заводов, многие из которых выполняли градообразующую функцию. Однако, в настоящее время множество этих промышленных объектов по разным причинам прекратили свое существование и стали не востребованы. Поэтому в наше время является актуальным вопрос о приспособлении таких объектов к новой функции [Дудникова 2017].

Существование множества терминов, таких как редевелопмент, джентрификация, ревитализация и т.д., имеющих схожие значения, но акцентирующих различные тонкости и нюансы процессов реконструкции, подтверждают актуальность темы, ее востребованность.

Теоретическая база включает статьи и исследования в архитектурно-строительных и экономических журналах, а также нормативные документы и методические указания, например, пособие Ананьиной М.Ю. и книги Ильиной И.Ю., Раппопорта А.Г.

Антонова В.В. и Ерина А.П. в своих публикациях анализируют опыт перепрофилирования бывших промышленных объектов, как в общественные здания, так и в жилые комплексы.

Вопросы о целесообразности и перспективах реконструкции промышленных зданий изменяя их функцию, в том числе и адаптация под жилые комплексы рассматривались такими авторами как Глотова С.Б., Кульков А.А., Шпякина Ю.Л., Дудникова К.А. Авторы, рассматривая тему, выделяют необходимость реновации промышленных зон.

Авторы, такие как Мотунова М.С. и Биргер Е.В., исследуют методы реконструкции промышленных зданий и связанные с этим проблемы. Публикации взаимосвязаны, анализируя успехи и подходы к комплексной реконструкции.

Также хочется отметить, что в последние годы количество публикаций, связанных с темой реновации, значительно возросло.

Цель исследования: Определить методы реконструкции и адаптации промышленных объектов под общественно-жилую функцию.

Задачи исследования:

1. Выявить подходы к фасадам и планировкам, применяемые в проектах реконструкции.

2. Проследить и выявить изменения в подходах к адаптации промышленных объектов под общественно-жилые комплексы за период с 2004 по 2020 гг.

Предмет исследования: методы и технологии реконструкции и реновации промышленных объектов, переориентированных под общественные и жилые функции.

Объект исследования: Реализованные проекты реконструкции промышленных объектов в жилые комплексы и апартаменты.

Для выявления методов реновации акцент был сделан на особенностях объектов и подходах, применяемых в зарубежных проектах. Примеры детально анализируются с точки зрения фасадных и обобщенно планировочных решений, где рассматриваются как неизменные элементы, так и те, которые были устранены, а также причины этих изменений. Применен материаловедческий анализ — особое внимание уделяется используемым материалам, акцентируя на заимствованиях из промышленной архитектуры и их адаптации для жилых пространств. В исследовании также рассматриваются проблемные аспекты, возникшие в процессе реновации, и их решения.

Кроме того, для изучения среды функционирования промышленных объектов и ее влияния на реконструкцию зданий использовались историко-культурологический и контекстуальный анализ, что позволило выделить уникальные особенности каждого проекта и оценить степень сохранения исторической идентичности зданий.

Также применялся сравнительно-географический метод, который позволил сопоставить зарубежный опыт реконструкции, выявив общие тенденции и различия в подходах к решению аналогичных задач. Такой подход обеспечивает комплексное рассмотрение такого явления, как адаптация промышленных объектов к новым функциям.

Полученные результаты и их обсуждение

В качестве примеров для рассмотрения выбрано пять объектов, реконструированных в разное время в период с 2004 по 2020 гг. Все объекты являлись производствами разнонаправленных предприятий и были реконструированы и адаптированы под жилые комплексы; некоторые из которых теперь являются многофункциональными и имеют в своей структуре офисы, мастерские, галереи и иные общественные пространства.

Mitchell Wagon Factory Lofts. Был реализован первым из выбранных объектов, комплекс бюджетного класса, расположенный в г. Расин, Висконсин, США. Ранее был вагоноремонтным заводом 1910 г. постройки, имеющим важное историческое значение для города, после закрытия завода здание реконструировали Gorman & Company, Inc и в 2004 г. был открыт комплекс апартаментов [Mitchell Wagon Factory Lofts].

Внешне здание отреставрировано и не подвергалось стилистическим изменениям. Здание выполнено в стилистике, присущей промышленным сооружениям начала прошлого века, и имеет характерные для нее элементы, такие как простые, функциональные формы, большое количество окон и ис-

пользование доступных материалов: кирпича, бетона и стали. На фасадах присутствует минимальный декор, выделяющий

входную группу декоративной «рамкой» кирпичной кладки, выступающей относительно основной поверхности стены (ил. 1).

СЕВЕРНЫЙ И ЧАСТИЧНО ЗАПАДНЫЙ ФАСАДЫ

ЮЖНЫЙ ФАСАД

ПЛАНИРОВКИ ЖИЛЫХ ЯЧЕЕК

ПЛАНИРОВКА 1

ПЛАНИРОВКА 2

ПЛАНИРОВКА 3

Ил. 1. Комплекс Mitchell Wagon Factory Lofts. URL: www.mitchelllofts.com

Fig. 1. Mitchell Wagon Factory Lofts complex

Большая часть работ по реконструкции была сконцентрирована на перепланировке и адаптации пространств для размещения апартаментов; также в комплексе были размещены прачечная, спортивный зал, небольшой кино-театр и общественные пространства. Планировки просторные, открытые, с высокими потолками (4 м); однако количества окон недостаточно для хорошей инсоляции всей площади квартир (ил. 1). Так, в варианте планировок 1 в спальне нет окон, и, соответственно, естественное освещение отсутствует, как и в вариантах 2 и 3, где в одной из двух спален тоже отсутствуют окна. Также следует отметить, что планировки достаточно вытянутые, что также способствует недостаточному количеству солнечного света в квартирах. В интерьерах сохранены кирпичные стены и металлические двери, не скрываются конструктивные элементы, такие как балки, колонны, вентиляция и кирпичные стены, подчеркивая прошлое объекта [Mitchell Wagon Factory Lofts].

Благоустройство комплекса минимально и не развито (ил. 1). На территории присутствуют только парковки и деревья вдоль западной границы участка; отсутствуют зоны отдыха, способствующие социальной активности и взаимодействию между жильцами.

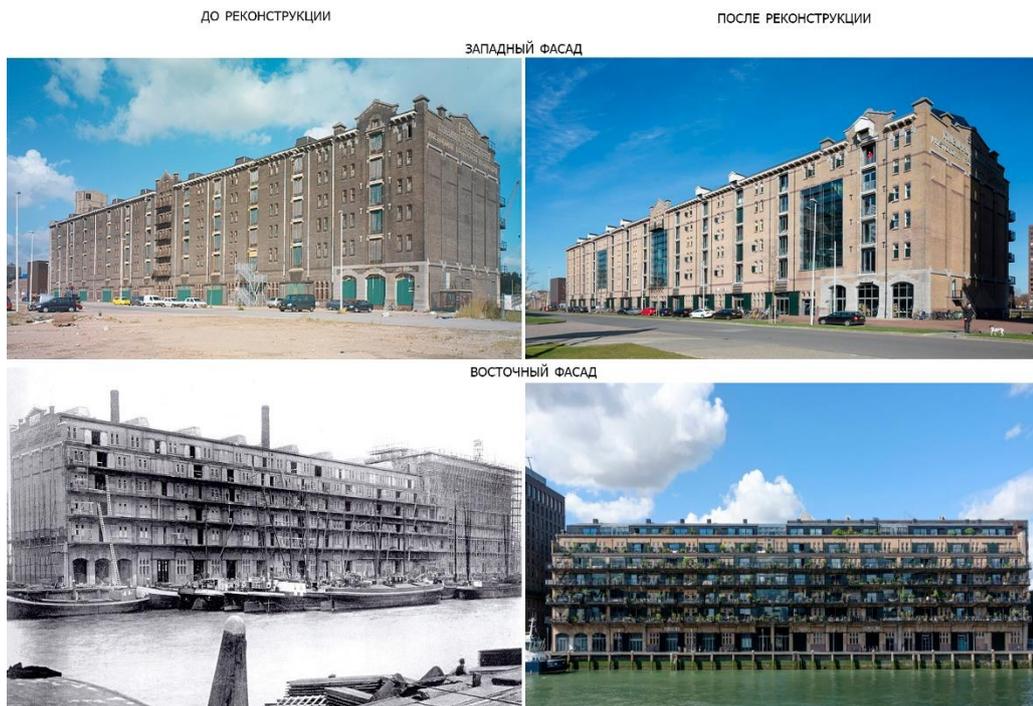
Mitchell Wagon Factory Lofts демонстрирует, как можно сохранить культурное наследие с

минимальными визуальными изменениями и вложениями. Однако при таком подходе недостатков объекта не избежать, что демонстрируют планировки с плохой инсоляцией и минимальное благоустройство.

Jobsveem. Вторым в хронологическом порядке реализован комплекс среднего класса — Jobsveem в г. Роттердам, Нидерланды. Архитекторы — Mei Architects, Wessel de Jonge Architecten BNA BV. Изначально комплекс 1913 г. постройки выполнял функцию склада. Здание имеет статус национального памятника. Реконструирован и открыт комплекс апартаментов в 2007 г.

Учитывая первоначальное назначение, здание имело закрытый и отстраненный визуальный образ, защищая товары от солнечного света, ветра и дождя. Поэтому основной задачей реконструкции было увеличить «проницаемость» здания светом для создания комфортных жилых и рабочих помещений.

До проведения реконструкции комплекс Jobsveem представлял собой промышленное здание с функциональным фасадным решением, характеризующимся ограниченным количеством декоративных элементов, типичных для периода его строительства. Фасады отличались однородностью и минимальным количеством окон, что снижало уровень естественного освещения внутри помещений (ил. 2).

Ил. 2. Комплекс Jobsveem до и после реконструкции. (Оссип ван Дуйвенбоде, интернет-ресурс: <https://mei-arch.eu/en/projects/jobsveem/>)

Fig. 2. Jobsveem complex before and after reconstruction. (Ossip van Duijvenbode, Internet resource: <https://mei-arch.eu/en/projects/jobsveem/>)

При реконструкции были добавлены новые элементы, а также переосмыслены существующие формы и композиция фасадов. Старинные кирпичные стены в сочетании с современными металлическими и стеклянными конструкциями создали визуальный облик, в котором исторические и современные элементы гармонично взаимодействуют друг с другом [Jobsveem].

Фасады были обновлены с применением более светлой цветовой гаммы. Введение стеклянных атриумов обеспечило необходимый для жилья уровень освещения и визуальную связь с окружающей средой.

Визуальные изменения также отражают функциональные улучшения: открытые пространства, гибкие планировки и удобные общественные зоны. Реконструкция склада послужила стимулом к дополнению визуального и конструктивного образа здания мансардным этажом, а также просторными и светлыми атриум-холлами, которые выполняют функцию пространства для времяпрепровождения и общения жителей [Чернобровкина 2019], [Jobsveem].

Так же, как и в предыдущем примере, недостатком объекта является скудное благоустройство. Но если у комплекса Mitchell Wagon Factory Lofts благоустройство не раз-

вого и вовсе нет. В противовес этому положительным моментом является расположение здания вблизи водоема, однако подход к нему отсутствует (ил. 6). С двух сторон от здания тротуар: с западного фасада около 8 м., а с восточного его нет. Через дорогу от комплекса есть озелененный участок — «стихийный бульвар» с вытоптанной вдоль него тропинкой. Из-за отсутствия придомовой территории в процессе реконструкции сделан большой упор на атриумы как общественное пространство.

Реконструкция комплекса Jobsveem дополнила визуальный облик и подчеркнула стилистику здания. Изменения решили проблему недостатка инсоляции и повысили эстетическую привлекательность здания.

De Mouterij. Жилой комплекс среднего класса, реконструированный в период с 2007 по 2010 гг., архитектурным бюро BOGDAN & VAN BROECK, г. Лёвен, Бельгия. Ранее комплекс был солодовней и конюшней пивного завода.

После реконструкции бывшие конюшни стали блокированным домом, солодовый склад — многоквартирным, а свободная территория у реки — шестью виллами с внутренними дворами.

Здание склада подверглось заметному внешнему изменению, но, несмотря на это, его исторический облик легко читается (ил. 3). Такое фасадное решение обусловлено

желанием автора сохранить историю, аккуратно вписав новую функцию в контекст места, а также сложностями, возникшими в процессе реновации; их было немало. Больше всего на фасадное решение складского здания повлияла изначальная высота этажей, равная всего 1,8 м., непригодная для жизни людей. Вследствие чего фасады было решено укрепить и заложить бывшие оконные проемы

кирпичом, отличным от оригинальной кладки здания, что соответствует подходу работы с историческими зданиями — отличимость новых включений от исторических. И уже после этого прорезали оконные проемы, соответствующие новой высоте этажа; помимо этого, окна выбраны зеркальные для сохранения приватности (ил. 3).

Ил. 3. Комплекс De Mouterij. URL: https://redeveloper.ru/redeveloperskie-proekty/realise_actual/zhiloy-kompleks-de-mouterij-v-lyuvene-belgiya/

Fig. 3. De Mouterij complex

Проблема приватности также актуальна для блокированных домов и для вилл из-за повышенной плотности застройки, обусловленной большими затратами на реконструкцию аварийного состояния зданий. Оконные проемы размещены определенным образом, гарантируя инсоляцию и защиту жителей от нежелательных взглядов. Расположение панорамных окон в первом ряду вилл — вдоль дороги, а во втором ряду — перпендикулярно ей, позволяет избежать прямой видимости между окнами соседних зданий, что обеспечивает приватность и комфорт для жильцов. Кроме того, стены выполнены из светлых материалов, способствующих отражению света. Такое решение внешнего вида вилл придаёт всему комплексу актуальный и современный вид, не спорящий с окружением.

С технической и инженерной сторон без сложностей также не обошлось. Для въезда на подземную парковку, расположенную под новыми зданиями вилл, построен туннель под укрепленным фундаментом солодовни.

Планировки зданий — открытые и просторные.

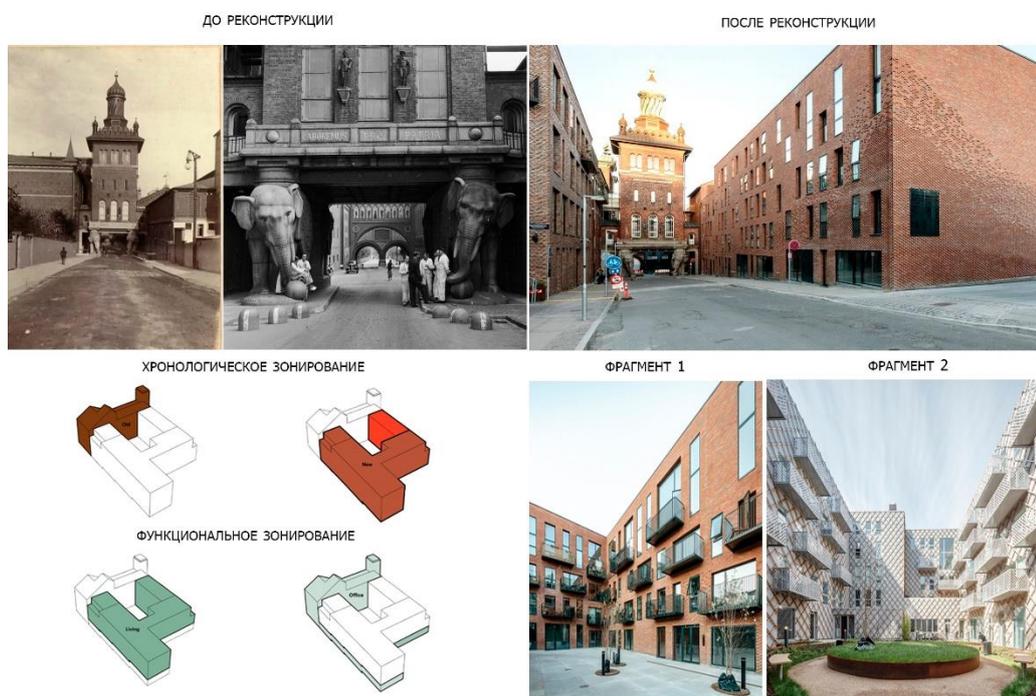
Все эти факторы и обстоятельства повлияли на внешний и конструктивный вид комплекса De Mouterij, образовав типологию зданий, представляющую собой функциональное сочетание историчности и современности фасадов, что позволяет максимизировать плотность застройки, не нарушая приватность и инсоляцию жилых ячеек. Так, развивая и используя особенности промышленных зданий, создан уникальный архитектурный образ жилого комплекса. Комплекс является отличным примером того, как можно удачно обыграть недостатки и сложности объекта.

Theodora House. Жилой комплекс элитного класса, в прошлом бывшая пивоварня в Копенгагене, Дания. До реконструкции, в течение 160 лет, была закрытой промышленной площадкой, после — оживленным районом. Объект построен в 1908 г. и внесен

в реестр культурного наследия как памятник архитектуры. Реконструкция выполнена бюро Adept в период с 2017 по 2020 гг.

К моменту реконструкции только одно крыло пивоварни подлежало сохранению — корпус дрожжевого склада. К общему объему здания добавили п-образную часть с выступом. Для гармоничного сочетания с исторической частью, новую строили ниже уровня кровли башни, тем самым дополняя и не перетягивая внимание от исторической части (ил. 4). Здания сочетаются также благодаря грамотному и тщательному подбору материалов. Цвет и характер поверхности

кирпича для облицовки внешних фасадов нового здания были подобраны архитекторами, специально чтобы соответствовать историческому фасаду и в то же время выглядеть современно. Специально для этого проекта была создана кирпичная кладка с вогнутой, с одной стороны, ложковой частью, что создало интересный объемный и светотеневой рисунок текстур, перекликающийся с более темными кирпичами исторического здания и не спорящий с ним. К оригинальной кирпичной кладке, также отсылает ритмичный рисунок окон, некоторые из которых слегка углублены в фасад здания [Фролова], [Theodora House].

Ил. 4. Комплекс Theodora House (Расмус Хьортсхой, Йенс Петер Нильсен, Томас Фредериксен). URL: <https://adept.dk/project/theodora-house>, Pastvu, <https://pastvu.com/>
Fig. 4. Theodora House complex (Rasmus Hjortshøj, Jens Peter Nielsen, Thomas Frederiksen)

Решение фасадов внутреннего двора более светлое и уютное в отличие от внешних фасадов и резко контрастирует с исторической частью здания. Решетки из деревянных реек на белом фоне, по задумке архитекторов, со временем станут «зелеными» и сольются с садом (ил. 4).

Theodora House — многофункциональный комплекс, состоящий из нескольких типов квартир, а также офисного крыла. Функционально комплекс разделен на две части: офисную и жилую (ил. 4). Офисная часть расположена в исторической части здания и на первом этаже новой части; остальные четыре этажа нового крыла занимают 58 апартаментов и 5 дуплексов, почти у всех из них есть балкон, у некоторых имеется терраса на крыше.

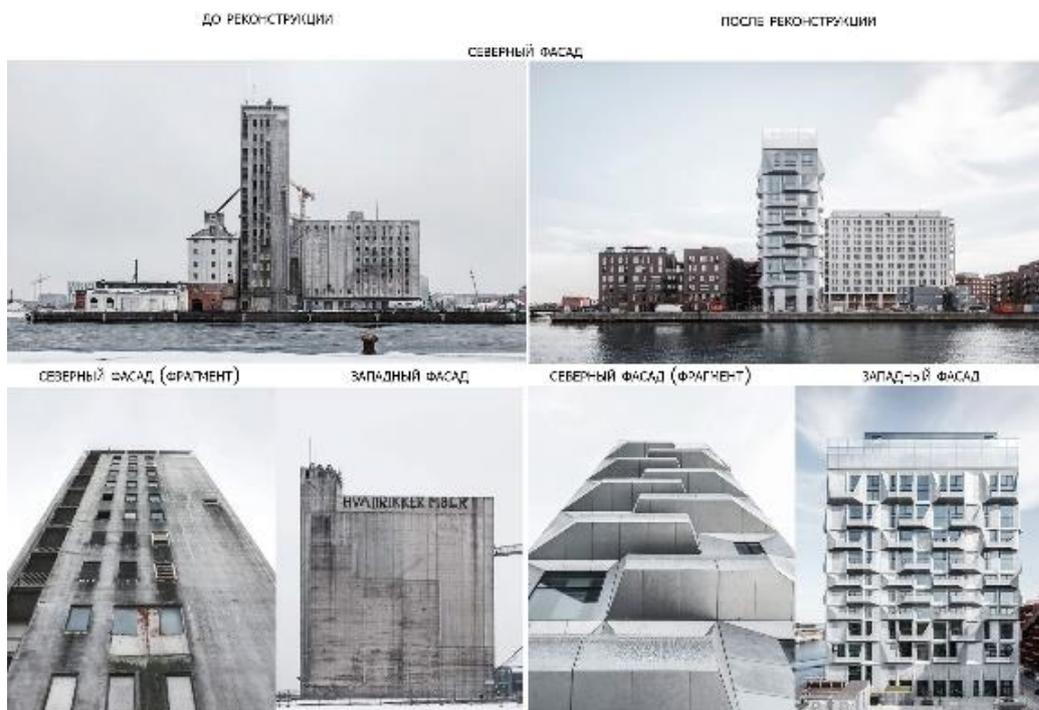
В историческом блоке здания были и проблемные моменты с шумоизоляцией и влажностью, которые решены путем установки современных изоляционных материалов и грамотной вентиляции.

Здание Theodora House в Копенгагене гармонично вписывается в кирпичную архитектуру своего окружения, а новая часть здания не выглядит инородной за счет грамотной адаптации материалов и масштаба. Тем самым реконструкция подчеркивает уникальные черты и историю места, при этом внедряя современные подходы к жилищному строительству, что создает баланс между культурным значением и современными требованиями, подчеркивая самобытность и уникальность здания.

The Silo. Жилой комплекс элитного класса, Копенгаген, Дания. Здание было построено в 1960-х и изначально выполняло функцию зерновых элеваторов. Реконструкция производилась в период с 2013 по 2017 гг. архитектурным бюро COBE. Комплекс состоит из 38 квартир площадью от 106 м² до 401 м², большая часть которых — двухуровневые, с высотой потолка 7 м. На крыше здания расположен ресторан с панорамными видами и смотровой площадкой, а первый этаж отведен под event-площадку [The silo].

Здание имеет большое значение для города, так как являлось крупнейшим промышленным зданием в Нордхавне и значительно повлияло на формирование облика гавани и культурного кода города.

В результате реновации и адаптации под новую функцию здание подверглось значительным визуальным изменениям; однако фасадные решения сохранили связь с историей здания с помощью метафорических визуальных отсылок к изначальной функции объекта. Так, переосмысляя существующее бетонное сооружение, авторы проекта стремились сохранить историю района (ил. 5).

Ил. 5. Комплекс The Silo до и после реновации (Расмус Хьортсхой). URL: <https://www.cobe.dk/projects/the-silo>

Fig. 5. The Silo complex before and after renovation. (Rasmus Hjortshøj)

Глухие бетонные стены дополнили большими окнами, прорезав для них новые проемы. Сам фасад обшили панелями из оцинкованной стали, выполняющими не только эстетическую, но и практическую функцию — утепление фасадов. А также здание дополнило панорамное остекление последнего этажа — ресторана с выходом на смотровую площадку.

Угловатые формы, использованные в проектировании фасадов, напоминают о промышленном прошлом здания. Геометрические элементы приносят в архитектурную композицию ощущение устойчивости [Власенко, 2023].

Выделение балконов в качестве выступающих элементов делает здание более интерес-

ным визуально. Балконы становятся выразительными архитектурными акцентами, привлекающими внимание и подчеркивающими динамичность обновленного промышленного пространства.

Также на восприятие объема влияет игра света и тени, которую создает перфорация металлических ограждений балконов (ил. 5). Она добавляет текстурности и глубины фасаду, создавая интересные визуальные эффекты. Когда солнечные лучи проникают сквозь перфорированные элементы, они отбрасывают тени, формируя динамичную игру света на стенах и балконах. Узор перфорации напоминает падающее зерно или металлическое сито, связывая здание с прошлым функционалом и местом в городской культурной памяти.

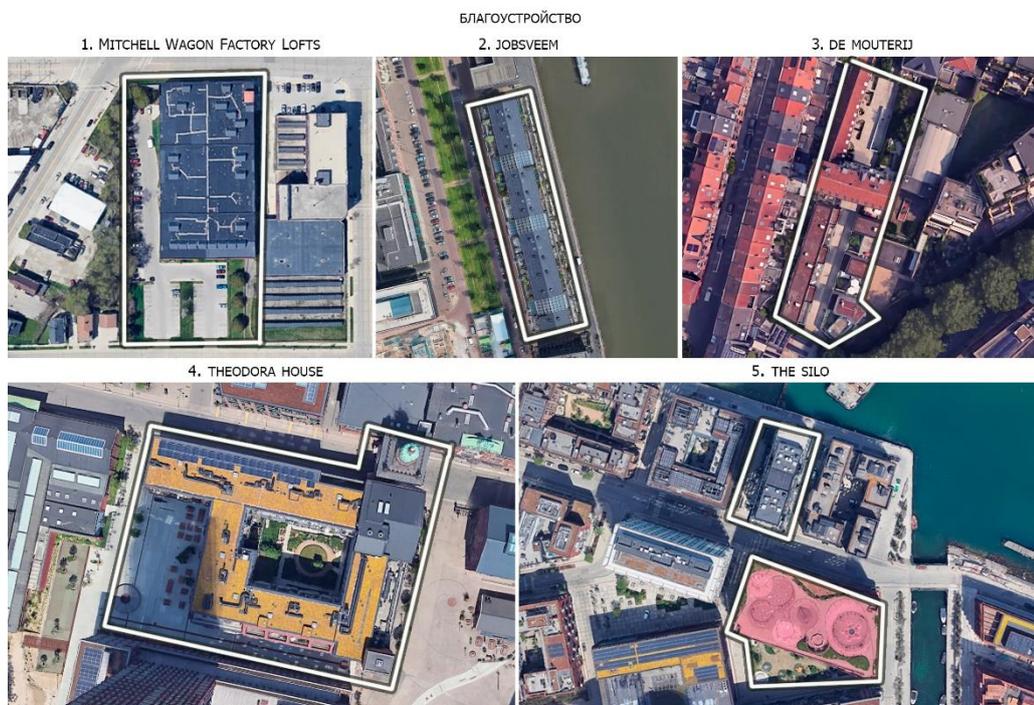
В визуальном облике здания читается подтекст, сочетающийся с темой преемственности. Изменения, меняющие форму, но оставляющие нетронутой основу и суть, посредством ассоциации с искусством оригами и листом бумаги. Верхняя часть здания как гладкий и ровный лист, средняя — основная часть здания — изгибающийся бумагу узор, нижняя часть — идет на упрощение и имеет объемный рисунок, стремящийся возвратиться к ровной поверхности (ил. 5). Такое решение символизирует гармонию и преемственность изменений здания, основанных на его изначальном облике.

Помимо этого, завершающая стеклянная часть здания, ресторан, в темное время суток отсылает к теме гавани, напоминая маяк.

Планировка жилых этажей состоит из чередование двух двухуровневых квартир и четырех одноуровневых. Верхние уровни 15/16 представлены тремя квартирами: одна с вторым светом, вторая с антресолюю, а третья с полноценным вторым этажом.

Такие планировочные решения отражают стремление автора сохранить черты промышленной архитектуры, в том числе в интерьерах, такие как высокие потолки, массивность форм, грубость материалов, поместив их в премиальную оболочку нового образа с видом на гавань [The silo].

Благоустройство комплекса аккуратное и минималистичное, но скудное в отношении зеленых насаждений, а детская площадка находится на эксплуатируемой кровле соседнего здания автомобильной парковки (ил. 6).

Ил. 6. Благоустройство комплексов. URL: <https://earth.google.com> > web

Fig. 6. Improvement of the complexes

В заключение следует отметить, что новый визуальный облик комплекса The Silo кардинально переосмысляет исторические формы, развивая его грубую красоту, при этом отталкиваясь от истории места.

Выводы

На основе вышеприведенных примеров можно выявить несколько подходов к реновации промышленных зданий и их адаптации под общественно-жилищную функцию:

1. Косметическая реставрация с минимальными изменениями внешнего вида и перепланировкой или другими мероприятиями, необходимыми для соответствия требованиям

к жилым помещениям. Такой вариант является самым бюджетным из выявленных и подходит для зданий, имеющих статус архитектурного памятника. При таком подходе здания чаще всего имеют статус бюджетного жилья, но могут быть и более высокого класса, при больших площадях.

2. Реконструкция, не являющаяся необходимой для соблюдения норм и требований к жилым пространствам, но повышающая комфорт и класс объекта, совмещающая реставрацию и перепланировку. Иногда может быть применима для памятников. Данный подход подразумевает жилье элитного и высокого класса.

3. Реконструкция (здание не является памятником) или реставрация (является памятником) основной — исторической части здания, совмещенная с новым строительством, контрастирующим или подстраивающимся под внешний вид основного здания. Так же, как и в пункте 2, жилье предполагается среднего и элитного класса.

4. Реконструкция внешнего и внутреннего вида здания, полностью меняющего его облик, но отсылающего на изначальный вид и/или исторический контекст объекта, посредством аналогии, метафор и преемственных элементов. Подход подразумевает элитный статус жилья.

5. Метафоры, смысловые и визуальные аналогии, отсылающие на изначальный вид или функцию здания, могут использоваться в любом из подходов, кроме первого.

Помимо этого, можно проследить некоторую линию развития данного направления реконструкции в зарубежных странах и прийти к выводу, что за 16 лет подход к реконструкции и адаптации зданий промышленного назначения к жилой функции стал более детализированным, осмысленным и метафоричным, старающимся сохранить и развить уникальность здания в процессе совмещения с новыми формами и современными тенденциями в архитектуре.

Данные подходы помогают приблизиться к решению задач, поставленных исследованием, таких как изучение методов реконструкции и адаптации промышленных объектов под общественно-жилой функционал и выявление факторов успешной реновации.

Изучение примеров из разных стран за рассматриваемый период позволяет выявить общемировое направление развития данной области архитектуры, а также его истоки и этапы. Подходы стали более детализированными и осмысленными, стремясь сохранить уникальность зданий в контексте современных архитектурных тенденций.

Список литературы

1. Антонова В.В. Современный опыт реконструкции объектов промышленной архитектуры // Проблемы науки. — 2018. — №2 (63). — С. 60–63.

2. Брейл О.А., Зайцева А.И., Кайзер Ф.Ю. Проблематика сохранения архитектурного наследия при реновации промышленных зон // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana) — 2018. — №4 — С. 77– 82.

3. Власенко Д.С., Скопинцев А.В. Анализ европейского опыта проектирования устойчивой архитектуры на примере преобразования бывших портово-промышленных комплексов // Инженерный вестник Дона. 2023. №5 (101), с.451–469.

4. Гурьев С.Н., Овчарова Е.В. Анализ проектных разработок отечественного и зарубежного опыта реновации промышленных предприятий // Архитектурные исследования. — 2018. — №2 (14). — С. 125–134.

5. Дудникова К.А. Предпосылки и целесообразность использования бывших производственных зданий // Architecture and Modern Information Technologies. 2017. №2 (39).

6. Золотых М.А. Реновация промышленных зон в современных условиях города // StudArctic Forum. — 2017. — №2 (6). — С. 33–46.

7. Климовская Д.В., Игнатьева А.С., Польшцева Т.А., Пузынин М.Ю., Банщиков С.Д., Гуськов Д.А. Особенности и анализ реконструкции производственных предприятий под жилые здания // E-Scio. — 2020. — №9 (48) — С. 476–483.

8. Назарова М.В. Современный опыт реконструкции объектов промышленной архитектуры под жилье (Европа, США, Австралия) // Architecture and Modern Information Technologies. — 2013. — №3 (24). — С. 1–13.

References

1. Antonova V.V. Sovremenniy opyt rekonstruktsii ob'ektov promyshlennoy arkhitektury [Modern experience of reconstruction of industrial architecture objects] // Problemy nauki. 2018. No 2(63). pp. 60–63 (in Russ.).

2. Breil O.A., Zaitseva A.I., Kaizer F.Yu. Problematika sokhraneniya arkhitekturnogo naslediya pri renovatsii promyshlennykh zon [The problem of preserving architectural heritage during the renovation of industrial areas] // Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2018. No 4. pp. 77–82 (in Russ.).

3. Vlasenko D.S., Skopinzev A.V. Analiz evropeyskogo opyta proyektirovaniya ustoychivoy arkhitektury na primere preobrazovaniya byvshikh portovo-promyshlennykh kompleksov [Analysis of European experience in designing sustainable architecture on example of transformation of former port and industrial complexes] // Inzhenernyy vestnik Dona. 2023. No5 (101). pp. 451–469 (in Russ.).

4. Gur'yev S.N., Ovcharova E.V. Analiz proyektnykh razrabotok otechestvennogo i zarubezhnogo opyta renovatsii promyshlennykh predpriyatiy [Analysis of project developments of domestic and foreign experience in the renovation of industrial enterprises] // Arkhitekturnye issledovaniya. 2018. No2 (14). pp. 125–134 (in Russ.).

5. Dudnikova K.A. Predposylki i tselesoobraznost' ispol'zovaniya byvshikh proizvodstvennykh zdaniy [Preconditions and feasibility of using former industrial buildings] // Architecture and Modern Information Technologies. 2017. No (in Russ.).

6. Zolotykh M. A. Renovatsiya promyshlennykh zon v sovremennykh usloviyakh goroda [Renovation of industrial zones in the modern

conditions of the city] // StudArctic Forum. 2017. No 2(6). pp. 33–46 (in Russ.).

7. Klimovskaya D. V., Ignat'yeva A. S., Polyntseva T. A., Puzynin M. Yu., Banshchikov S. D., Gus'kov D. A. Osobennosti i analiz rekonstruktsii proizvodstvennykh predpriyatiy pod zhilye zdaniya [Features and analysis of reconstruction of industrial enterprises into residential buildings] // E-Scio. 2020. No 9(48). pp. 476–483 (in Russ.).

8. Nazharova M.V. Sovremenniy opyt rekonstruktsii ob'ektov promyshlennoy arkhitektury pod zhilye (Evropa, SShA, Avstraliya) [Modern experience of reconstruction of industrial architecture objects for housing] // Architecture and Modern Information Technologies. 2013. No3 (24). pp. 1–13 (in Russ.).

Список литературы

1. Фролова Н. Кирпичный узор // <https://archi.ru> — URL: <https://archi.ru/world/88566/kirpichnyi-uzor> (дата обращения: 12.10.2024).

2. The silo // Cobe — URL: <https://www.cobe.dk/projects/the-silo> (дата обращения: 21.11.2024).

3. Theodora House // Adept — URL: <https://adept.dk/project/theodora-house> (дата обращения: 21.11.2024).

4. Чернобровка И. Город как наслоение времен // redeveloper.ru — 17 мая 2019 — URL: <https://redeveloper.ru/articles/gorod-kak-nasloenie-vremen.htm> (дата обращения: 22.11.2024).

5. Jobsveem // mei-arch.eu — URL: <https://mei-arch.eu/en/projects/jobsveem/>

6. Mitchell Wagon Factory Lofts, Racine, USA // redeveloper.ru — URL: <https://redeveloper.ru/redeveloperskie-proekty/realise-actual/mitchell-wagon-factory-lofts/> (дата обращения: 07.11.2024).

Материал передан в редакцию 31.05.2025

DOI: 10.37909/978-5-89170-362-9-2025-1002
УДК 712.01

Л.С. Виноградова
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
пр-т Ленина, 46, г. Барнаул, Россия, 656038
megalily@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3943-6266>

Реконструкция парков культуры и отдыха города Барнаула

Аннотация

Рассмотрены зеленые зоны города Барнаул, проведен анализ существующих городских парков по различным параметрам, определены их проблемы и недостатки. Выявлена необходимость адаптации парков к современным условиям. Предложены схемы реконструкции парков Барнаула, их модернизация в тематические. Разработаны теоретические модели формирования архитектурно-художественного пространства тематических парков и их структурных элементов в условиях континентального климата.

Ключевые слова: парк; парк культуры и отдыха; тематический парк; реконструкция парков

L. Vinogradova
Altai State Technical University named after I.I. Polzunov
Lenin Avenue, 46, Barnaul, Russia, 656038
megalily@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3943-6266>

Reconstruction of parks of culture and recreation in the city of Barnaul

Abstract

The green zones of the city of Barnaul are considered, the analysis of existing city parks by various parameters is carried out, their problems and shortcomings are determined. The need to adapt parks to modern conditions is revealed. Schemes for the reconstruction of Barnaul parks, their modernization into thematic ones are proposed. Theoretical models for the formation of architectural and artistic space of theme parks and their structural elements in the conditions of the continental climate are developed.

Keywords: park; park of culture and recreation; theme park; reconstruction of parks

Введение. Парки культуры и отдыха являются неотъемлемой частью городского пространства, выполняя множество функций — от рекреационных до социальных и культурных. Они служат местом отдыха и общения горожан, способствуют поддержанию здоровья и благополучия населения, а также играют важную роль в улучшении экологического состояния города. Однако со временем многие парки утрачивают свою привлекательность и требуют модернизации.

Барнаул — современный быстроразвивающийся город, и с каждым годом зеленых зон в городе становится все меньше, осталось лишь два действующих лесопарка — это «Изумрудный» и «Центральный» парки. Парк «Юбилейный» уже более 20 лет официально перестал существовать как парковая зона. «Лесная сказка» функционирует только как зоопарк и парк развлечений, «Эдельвейс», «Солнечный ветер» — парки аттракционов. «Нагорный парк», «Центральный парк» —

парки культуры и отдыха [Официальный сайт администрации города Барнаула].

Недостаток мест для семейного отдыха и развлечений в г. Барнауле, недостаток мест активного отдыха, детских площадках и зон для проведения массовых мероприятий, отсутствие единого крупного комплекса детского и семейного отдыха и туризма, отсутствие тематических парков, отсутствие единого подхода к формированию исследуемых пространств подчеркивают актуальность данного исследования.

В статье приведены результаты исследования крупных парков города Барнаула, проведен анализ по следующим параметрам: возраст парка, исторические аспекты создания парка, площадь парка, планировочная схема, архитектура входной группы, архитектурные доминанты, виды и количество аттракционов, художественное оформление, ландшафтный стиль, зеленые насаждения.

Анализ существующего состояния парков. Парк «Изумрудный» был основан в 1960 году и занимает площадь около 20 гектаров. Он расположен в центральной части города и является популярным местом для прогулок и отдыха горожан. Несмотря на то, что парк имеет богатую историю и значительную площадь, он страдает от недостатка современных инфраструктурных решений. Озеленение парка оставляет желать лучшего: деревья и кустарники расположены неравномерно, а некоторые участки полностью лишены зелени. Атракционы устарели и нуждаются в замене, а освещение недостаточно для обеспечения безопасности посетителей в тёмное время суток [Парк «Изумрудный». Портал в природу].

Парк «Центральный» был открыт в 1950 году и занимает площадь около 25 гектаров. Этот парк находится в историческом центре города и пользуется большой популярностью у местных жителей и туристов. Однако, как и в случае с парком «Изумрудный», здесь наблюдаются проблемы с озеленением и благоустройством. Многие дорожки и скамейки требуют ремонта, а количество атракционов и других развлечений крайне ограничено. Кроме того, отсутствует чёткое функциональное зонирование, что затрудняет ориентацию посетителей и снижает удобство использования парка.

Парк «Лесная сказка» изначально создавался как комплекс для семейного отдыха, включающий зоопарк и парк атракционов. Однако со временем акцент сместился в сторону коммерческих интересов, и сегодня этот парк функционирует главным образом как место для развлечения детей и подростков. Ландшафтный дизайн и озеленение оставляют желать лучшего, а многие атракционы давно устарели и требуют замены. Отсутствует единая концепция оформления, что делает парк менее привлекательным для широкой аудитории.

Парк «Эдельвейс» был создан в 1990-е годы и предназначен в основном для отдыха молодёжи. Здесь сосредоточено большое количество атракционов, кафе и ресторанов. Однако озеленение парка крайне скудное, а большая часть территории занята асфальтом и бетоном. Отсутствуют зоны для спокойного отдыха и прогулок, что ограничивает возможности использования этого парка различными категориями населения.

Парк «Солнечный ветер» открылся в начале 2000-х годов и стал популярным местом для отдыха благодаря большому количеству атракционов и развлечений. Однако, как и в предыдущих случаях, озеленение здесь оставляет желать лучшего, а инфраструктура требует серьёзного обновления. Атракционы морально устарели, а отсутствие единой концепции оформления приводит к тому, что парк выглядит хаотично и несистемно.

Парк «Нагорный» был основан в 1970-е годы и занимает площадь около 30 гектаров. Он расположен на возвышенности, откуда открывается прекрасный вид на город. Однако парк страдает от нехватки современных инфраструктурных решений. Озеленение и благоустройство находятся на низком уровне, а атракционы и другие объекты для досуга практически отсутствуют. Парк нуждается в серьёзной реконструкции, чтобы стать полноценным местом для отдыха и культурной деятельности.

Полученные результаты и их обсуждение. На основании проведенного анализа было выявлено, что большинство парков города Барнаула находятся в неудовлетворительном состоянии.

На основе проведённого анализа можно выделить ряд общих проблем, характерных для большинства парков культуры и отдыха города Барнаула:

- Низкий уровень озеленения. Во многих парках наблюдается недостаток зелёных насаждений, что негативно сказывается на микроклимате и привлекательности этих территорий.

- Отсутствие современной инфраструктуры. Большинство парков оснащены устаревшими атракционами и другими объектами для досуга, которые не соответствуют современным требованиям комфорта и безопасности.

- Недостаток стилистической целостности. Многие парки выглядят хаотично и несистемно, что снижает их привлекательность и затрудняет навигацию.

- Ограниченность функционала. Некоторые парки ориентированы исключительно на определённые категории населения (например, молодёжь), что ограничивает их доступность для остальных групп горожан.

- Проблемы с благоустройством. Дорожки, скамейки и другие элементы благоустройства часто находятся в плохом состоянии, что создаёт неудобства для посетителей.

- Неэффективное использование площадей. В некоторых парках значительная часть территории простаивает без использования, что свидетельствует о необходимости пересмотра функционального зонирования.

- Низкий уровень безопасности, особенно в вечернее и ночное время.

В настоящее время паркам культуры и отдыха Барнаула необходима адаптация к современным условиям.

Реконструкция парков — это сложный многоэтапный процесс, включающий в себя архитектурное проектирование, ландшафтное благоустройство, внедрение новых технологий и привлечение дополнительных ресурсов.

Изучив опыт других российских и зарубежных городов были выделены несколько ключевых направлений, которые могут быть применены при реконструкции парков г. Барнаула:

– Функциональное зонирование: разделение парка на зоны для различных видов деятельности.

– Экологическая устойчивость: использование экологически чистых материалов, создание водоемов и озеленение территории.

– Интерактивность: внедрение интерактивных элементов, таких как сенсорные экраны, аудиогиды и арт-объекты.

– Доступность: обеспечение доступности парков для всех категорий граждан, включая людей с ограниченными возможностями.

При изучении способов и приемов проектирования тематических парков были выявлены основные этапы формирования данного пространства, это выбор темы парка, построение маршрута с помощью сценарного подхода, комфортное функциональное для территории проектирования логичное размещение в контексте городской среды.

При создании концепции реконструкции парков города Барнаула особое внимание уделено возможностям трансформации парков в тематические зоны, что повысит их привлекательность для разных возрастных и социальных групп населения.

Предложены концептуальные схемы реорганизации парков культуры и отдыха Барнаула в тематические. Разработаны теоретические модели формирования архитектурно-художественного пространства тематических парков и их структурных элементов в условиях континентального климата.

Создание продуманного тематического пространства — одно из условий успешной работы тематических парков. Тематика парков г. Барнаула выбрана автором через ассоциативный ряд на основании исторического прошлого парка. Концепция реализуется посредством дизайна архитектурной среды, через дизайн средовых элементов, стиль архитектуры зданий и сооружений парка.

Кроме того, предложены решения по реконструкции парков культуры и отдыха города Барнаула:

– Увеличение количества зеленых насаждений: посадка деревьев и кустарников, создание клумб и газонов.

– Модернизация инфраструктуры: замена устаревших дорожек и мостиков, установка нового освещения.

– Создание новых объектов: строительство спортивных площадок, детских игровых комплексов, сценических площадок.

– Повышение уровня безопасности: установка камер видеонаблюдения, улучшение освещенности в темное время суток.

Также были предложены меры по привлечению частных инвестиций и участию общественности в процессе реконструкции. Это может включать организацию конкурсов на лучшие проекты, проведение общественных слушаний и создание специальных фондов для сбора пожертвований.

Архитектурный стиль тематического парка определяется его темой и идеей, заложенной в основу концепции. В зависимости от выбранной темы, стиль может варьироваться от классического до футуристического, от средневекового до ультрасовременного. Важно, чтобы архитектурный стиль соответствовал общей атмосфере и настроению парка, усиливая эффект погружения в выбранную тематику.

Например, если парк посвящен средневековью, то уместны будут замковые постройки, рыцарские турниры и старинные улочки. Если же тема связана с космосом и будущими технологиями, то архитектурные решения должны отражать инновационные идеи и современные материалы.

Стиль определяется идейным замыслом, через ассоциативный ряд. Например, парк, посвященный морской теме, может использовать элементы корабельной архитектуры, маяков и прибрежных строений. Парк, вдохновленный сказками, может включать в себя миниатюрные домики, волшебные леса и сказочные замки.

Теоретическая модель формирования архитектурно-художественного пространства тематических парков и их компонентов разрабатывалась с учетом климатических условий региона, характеризующегося континентальным климатом (ил. 1).

Ил. 1. Модель организации тематического парка в условиях континентального климата (графическая схема автора)

Fg. 1. Model of the organization of a theme park in the conditions of a continental climate (graphic scheme of the author)

Предложения по модернизации парков культуры и отдыха в г. Барнауле в тематические парки выполнены с учетом существующего состояния парков. Каждая концепция учитывает исторические и культурные особенности конкретного парка, а также потребности различных категорий населения.

Организационная модель модернизации парков включает в себя следующие этапы:

1. Определение темы, которая объединит структуру парка с помощью визуально-выразительных средств, направленных на создание визуальных посылов и напоминаний.

2. Концептуальная основа, которая вложит основной посыл в реализацию определенной темы.

3. Создание в парковой структуре предметов фокусировки посетителей, таких как аттракционы, шоу, малые архитектурные формы.

4. Дизайн-решение, которое полностью визуализирует тему проекта. Играет ключевую роль, так как декорации, архитектурные

формы и облик парка в целом зависят от данного решения.

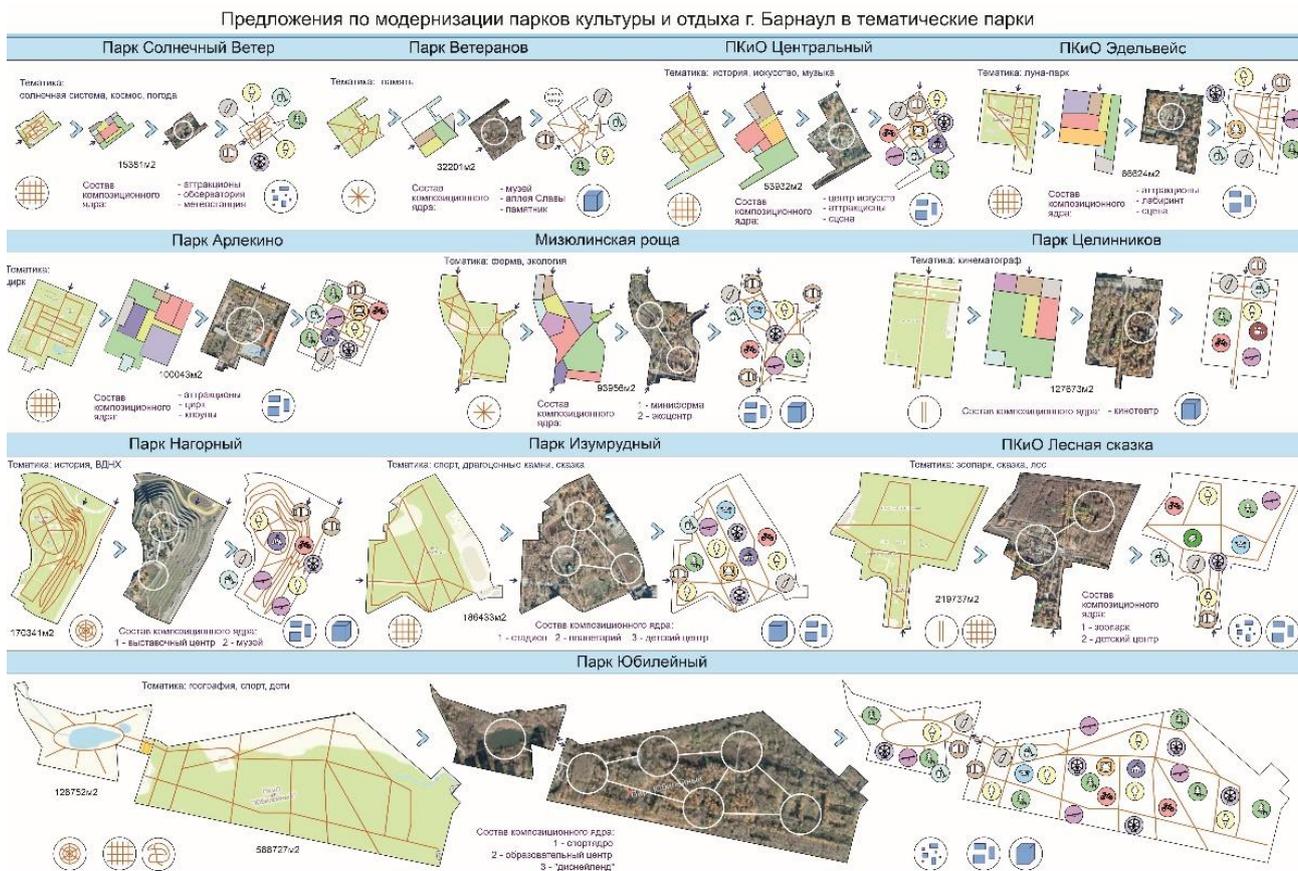
5. Обеспечение базовых потребностей и норм реализации данных объектов, управление потоками посетителей с помощью информационной ориентации, первичных жизненных потребностей, а также вторичных (высших) – эмоций, впечатлений, духовного наполнения.

6. Учет опыта и ожиданий посетителей.

Важно отметить, что тема является основным признаком идентификации пространства тематического парка. Она объединяет всю структуру территории и создает определенное впечатление, настроение у посетителей.

Концепции преобразования парков.

Для преодоления указанных выше проблем были разработаны концепции преобразования парков культуры и отдыха Барнаула в тематические (ил. 2). Эти концепции основаны на использовании уникальных исторических и культурных особенностей каждого парка, а также на учёте потребностей различных категорий населения.

Ил. 2. Предложения по модернизации парков культуры и отдыха в тематические парки (графическая схема автора)

Fig. 2. Plans for the modernization of parks of culture and recreation into theme parks (graphic scheme of the author)

Парки представлены в соответствии с функциональными схемами по размерам парков. Малые парки до 10 га: парк Солнечный Ветер, Парк Ветеранов, ПКиО Центральный, Парк Эдельвейс; средние до 20 га: Парк Арлекино, Мизюлинская Роща, Парк Целинников; большие до 50 га: Парк Нагорный, Парк Изумрудный, ПКиО Лесная Сказка, крупные более 100 га: Парк Юбилейный.

Парк Солнечный Ветер — 1,5 га, тематика — солнечная система, космос, погода. Функциональные зоны — входная зона, зона развлечений, зона отдыха, зона обслуживания посетителей, административная, хозяйственная зона. Планировочная схема — линейно-ортогональная. Схема — одноядерная. Состав композиционного ядра: аттракционы, обсерватория, метеостанция. Точечный тип ядра.

Концепция для парка «Солнечный ветер» направлена на создание многофункционального пространства, которое будет привлекать разные категории населения. Будет расширен ассортимент аттракционов, добавлены новые виды развлечений, такие как аквапарки и кинотеатры под открытым небом. Также планируется создание новых зон для отдыха и прогулок, увеличение количества зелёных насаждений и улучшение освещения. Особое внимание будет уделено интеграции парка в городскую среду, чтобы он стал важной частью общественной жизни Барнаула.

Парк Ветеранов — 3,2 га, тематика — память. Функциональные зоны — входная зона, зона отдыха, зона обслуживания посетителей, административная, хозяйственная зона, специализированная зона. Планировочная схема — радиальная. Схема — одноядерная. Состав композиционного ядра: музей, аллея Славы, памятник. Тип ядра — единый объем.

ПКиО Центральный — 5,4 га, тематика — история, искусство, музыка. Функциональные зоны — входная зона, зона отдыха, зона обслуживания посетителей, административная, хозяйственная зона, зона развлечений, зона проведения мероприятий, зона активного отдыха, выставочная зона, детская зона. Планировочная схема — линейно-ортогональная. Схема — одноядерная. Состав композиционного ядра: центр искусств, аттракционы, сцена. Тип ядра — павильонная.

Для парка «Центральный» разработана концепция, которая предполагает превращение его в культурный центр города. Будет создано новое здание музея под открытым небом, где будут выставляться экспонаты, связанные с историей Барнаула и Алтая. Также планируется организация регулярных культурных мероприятий, концертов и выставок. В парке появятся новые спортивные площадки, детские игровые комплексы и зоны для отдыха. Особое внимание будет уделено созданию единого стиля оформления, что придаст парку целостный и гармоничный облик.

Парк Эдельвейс — 6,7 га, тематика — луна-парк. Функциональные зоны — входная зона, зона отдыха, зона обслуживания посетителей, административная, хозяйственная зона, зона развлечений, зона проведения мероприятий, детская зона. Планировочная схема — линейно-ортогональная. Схема — одноядерная. Состав композиционного ядра: аттракционы, лабиринт, сцена. Тип ядра — павильонная.

Для парка «Эдельвейс» предлагается концепция, ориентированная на молодёжь и активный отдых. Будет увеличена площадь озеленённых участков, созданы новые спортивные площадки и зоны для экстремальных видов спорта. Планируется организовать регулярные мероприятия, такие как фестивали уличной еды, музыкальные концерты и спортивные соревнования. Также будет проведена работа над созданием единого стиля оформления, что сделает парк более современным и привлекательным для молодых людей.

Парк Арлекино — 10 га, тематика — цирк. Функциональные зоны — входная зона, зона отдыха, зона обслуживания посетителей, административная, хозяйственная зона, зона развлечений, зона проведения мероприятий, зона активного отдыха, выставочная зона, детская зона. Планировочная схема — линейно-ортогональная. Схема — одноядерная. Состав композиционного ядра: аттракционы, цирк, клоуны. Тип ядра — павильонная.

Парк Мизюлинская Роща — 9,4 га, тематика — ферма, экология. Функциональные зоны — входная зона, зона отдыха, зона обслуживания посетителей, административная, хозяйственная зона, зона развлечений, зона проведения мероприятий, зона активного отдыха, выставочная зона, детская зона. Планировочная схема — радиальная. Схема — двухъядерная. Состав композиционного ядра: миниферма, экоцентр. Тип ядра — павильонная, единый объем.

Парк Целинников — 12,8 га, тематика — кинематограф. Функциональные зоны — входная зона, зона отдыха, зона обслуживания посетителей, административная, хозяйственная зона, зона активного отдыха, детская зона. Планировочная схема — линейно-ортогональная. Схема — одноядерная. Состав композиционного ядра: кинотеатр. Тип ядра — единый объем.

Парк Нагорный — 17 га, тематика — история, ВДНХ. Функциональные зоны — входная зона, зона отдыха, зона обслуживания посетителей, административная, хозяйственная зона, зона развлечений, зона проведения мероприятий, зона активного отдыха, выставочная зона, детская зона. Планировочная схема — радиально-кольцевая. Схема — двухъядерная. Состав композиционного ядра: выставочный центр, музей. Тип ядра — павильонная, единый объем.

Для парка «Нагорный» предлагается концепция, связанная с его уникальным расположением на возвышенности. Будет создан новый обзорный пункт, откуда откроется панорамный вид на город. Также планируется построить новую смотровую башню, которая станет символом парка и одной из главных достопримечательностей Барнаула. В парке появятся новые пешеходные маршруты, зоны для пикников и спортивные площадки. Особое внимание будет уделено озеленению и благоустройству территории, чтобы подчеркнуть её природные особенности.

Парк Изумрудный — 18,6 га, тематика — спорт, драгоценные камни, сказка. Функциональные зоны — входная зона, зона отдыха, зона обслуживания посетителей, административная, хозяйственная зона, зона развлечений, зона проведения мероприятий, зона активного отдыха, выставочная зона, детская зона, образовательная зона. Планировочная схема — сложная. Схема — трехъядерная. Состав композиционного ядра: стадион, планетарий, детский центр. Тип ядра — павильонная, единый объем.

Концепцией для парка «Изумрудный» предлагается сделать акцент на его природном наследии. Парк будет преобразован в зону экотуризма, где посетители смогут насладиться природой, прогуляться по специально оборудованным тропам и познакомиться с местной флорой и фауной. Будут созданы новые пешеходные маршруты, установлены информационные стенды, рассказывающие об истории парка и его природных особенностях. Планируется увеличить количество зелёных насаждений и создать искусственные водоёмы, что улучшит микроклимат и повысит привлекательность парка.

ПКиО Лесная Сказка — 22 га, тематика — зоопарк, детский центр. Функциональные зоны — входная зона, зона отдыха, зона обслуживания посетителей, административная, хозяйственная зона, зона развлечений, зона проведения мероприятий, зона активного отдыха, выставочная зона, детская зона, образовательная зона. Планировочная схема — сложная. Схема — двухъядерная. Состав композиционного ядра: зоопарк, детский центр. Тип ядра — точечная, павильонная.

Концепция для парка «Лесная сказка» предусматривает его трансформацию в семейный парк с акцентом на образовательные и развлекательные программы для детей. Будет создана новая образовательная зона, где дети смогут узнать больше о природе, науке и культуре. Атракционы будут обновлены и адаптированы для разных возрастных групп. Также планируется расширение зоопарка и создание новых вольеров для животных. Особое внимание будет уделено озеленению и благоустройству территории, чтобы сделать её более привлекательной и удобной для посещения всей семьёй.

Парк Юбилейный — 72 га, тематика — география, спорт, дети. Функциональные

зоны — входная зона, зона отдыха, зона обслуживания посетителей, административная, хозяйственная зона, зона развлечений, зона проведения мероприятий, зона активного отдыха, выставочная зона, детская зона, образовательная зона. Планировочная схема — сложная. Схема — многоядерная. Состав композиционного ядра: спортядро, образовательный центр, «диснейленд». Тип ядра — точечная, павильонная, единый объем.

Современный парк развлечений — это не просто общественное зеленое пространство с набором аттракционов, фудкортом и детской площадкой. Современный тематический парк востребован в качестве:

- развлекательных центров для детей и взрослых;
- культурно-познавательных центров;
- туристических мест;
- площадок для проведения выставок, концертов, фестивалей, и других мероприятий;
- мест отдыха и оздоровления посетителей, погружение в природный ландшафт как лучший способ борьбы со стрессами [Виноградова 2021].

Тематизация парков, эмоциональная насыщенность окружающего пейзажа, создание фантастических архитектурно-художественных пространств и объектов с элементами самопознания позволяет признать парки достопримечательностями города, области, региона.

В связи с мировой тенденцией появления тематических парков возникла необходимость создания альтернативы зарубежных и столичных «диснейлендов» на территории Алтайского края с целью повышения туристической и рекреационной функций региона.

В состав парков войдут открытые и закрытые развлекательные комплексы, местные достопримечательности, аттракционы, экопарк, ботанический сад, зоопарк, спортплощадки, ипподром, ферма, культурные и образовательные центры, гостиница, площадки для концертов, выставок и т.д. Необходимо создать условия круглогодичного функционирования парка, например, крытые зимние сады, зимние развлечения на территории — лыжи, каток, горки.

«Пространственная структура тематических парков тесно связана, чаще всего включает в себя сценарный подход в проектировании. Важной частью такой структуры являются объекты показ, которые имеют четкие последовательные связи. С их помощью происходит построение маршрута пространства.

Сценарный подход всегда имеет четкую тему. Сценография используется при организации общественных пространств. Важным элементом в реализации данного способа является пространство, в котором возможно действие.

Формирование тематического пространства имеет подготовительные этапы [Виноградова 2022]:

1. Определение темы, которая объединит структуру парка с помощью визуально-выразительных средств направленных на создание визуальных посылов и напоминаний.

2. Концептуальная основа, которая вложит основной посыл в реализацию определенной темы.

3. Создание в парковой структуре предметов фокусировании посетителей, это могут быть аттракционы, шоу, малые архитектурные формы.

4. Дизайн-решение, которое полностью визуализирует тему проекта. Играет ключевую роль, так как декорации, архитектурные формы и облик парка в целом зависит от данного решения.

5. Обеспечение базовых потребностей и норм реализации данных объектов, управление потоков посетителей с помощью информационной ориентации, первичных жизненных потребностей, а также вторичных (высших) – это эмоции, впечатления, духовное наполнение.

6. Учет опыта и ожидания посетителей.

Самое важное для создания данного парка – это наличие темы, так как это основной признак идентификации пространства тематического парка. Тема объединяет всю структуру территории и создает определенное впечатление, настроение у посетителей.

При изучении способов и приемов проектирования тематических парков были выявлены основные этапы формирования данного пространства, это выбор темы парка, построение маршрута с помощью сценарного подхода, комфортное функциональное для территории проектирования логичное размещение в контексте городской среды».

Выводы. Парки являются важным элементом городской инфраструктуры и играют ключевую роль в формировании комфортной среды для жителей. Проведенное исследование показало, что реконструкция парков культуры и отдыха города Барнаула является необходимым шагом для улучшения качества жизни горожан. Разработанные предложения направлены на создание комфортных и безопасных общественных пространств, соответствующих современным требованиям и мировым стандартам. Реализация этих предложений позволит не только улучшить эстетический вид парков, но и повысить их социальную значимость, сделав их центрами притяжения для жителей и гостей города.

Реконструкция парков культуры и отдыха города Барнаула является важным этапом в создании комфортной и безопасной городской среды. Разработанные концепции трансформации парков в тематические про-

странства позволят не только обновить существующую инфраструктуру, но и привлечь новых посетителей, создавая уникальные места для отдыха и культурного обогащения. Реализация этих проектов потребует значительных финансовых вложений и усилий со стороны муниципальных властей, но результат оправдает все ожидания, делая Барнаул ещё более привлекательным и удобным для жизни городом.

Список литературы

1. Виноградова Л.С. Изменение роли городского парка в современных условиях / Л.С. Виноградова // Архитектура и градостроительство, дизайн и изобразительное искусство — 2021 — теория и история, художественное творчество и проекты : Материалы Международной научно-практической конференции в честь 20-летия первого выпуска высшей школы архитектуры на Алтае. — Барнаул: АлтГТУ, 1–2 декабря 2021 г. — с. 72–76.

2. Виноградова Л. С. Формирование тематических парков и их структурных элементов в условиях континентального климата / С.Б. Поморов, Л.С. Виноградова // XIX Всероссийская научно-техническая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и молодежь», Секция «Архитектура, дизайн, искусство». — Барнаул: АлтГТУ, 22 апреля 2022 г.

References

1. Vinogradova L.S. Izmenenie roli gorodskogo parka v sovremennykh usloviyakh . L.S. Vinogradova . Arhitektura i gradostroitel'stvo, dizajn i izobrazitel'noe iskusstvo . 2021 . teorija i istorija, hudozhestvennoe tvorchestvo i proekty : In. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii v chest' 20-letija pervogo vypuska vysshej shkoly arhitektury na Altae. . Barnaul: AltGTU, 1–2 dekabrja 2021 g. . pp. 72–76. (in Russ.).

2. Vinogradova L.S. Formirovanie tematicheskikh parkov i ih strukturnykh jelementov v usloviyakh kontinental'nogo klimata . S.B. Pomorov, L.S. Vinogradova . In. XIX Vserossijskaja nauchno-tehnicheskaja konferencija studentov, aspirantov i molodyh uchenyh «Nauka i molodezh'», Sekcija «Arhitektura, dizajn, iskusstvo» . . Barnaul: AltGTU, 22 aprelja 2022 g. (in Russ.).

Список источников

1. Официальный сайт администрации города Барнаула. URL: <https://barnaul.ru/> (дата обращения: 10.03.2025).

2. Парк «Изумрудный». Портал в природе URL: <https://xn----8sbkleijlkwgg4ac6j.xn-p1ai/> (дата обращения: 02.04.2025).

Материал передан в редакцию 01.06.2025

Н.П. Журин

Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова
Красный проспект, 38, г. Новосибирск, Россия, 630099
nikolayzhurin@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6016-3130>

С.В. Филонов

Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова
Красный проспект, 38, г. Новосибирск, Россия, 630099
sergei.filonov2016@yandex.ru

Храм Сретения Господня в старом Бердске

Аннотация

Статья посвящена архитектуре храма Сретения Господня в старом Бердске — памятника русского классицизма начала XIX в., утраченного при затоплении Обского водохранилища. На основе архивных документов, включая «Ведомости» 1865 и 1891 гг., и исторических фотографий исследуются объёмно-пространственная структура и стилистические особенности Бердского храма. Авторы опровергают миф о «белокаменном» происхождении постройки, подтверждая использование кирпича, доставленного по реке Обь. Архитектурная композиция храма соответствовала широко распространённой одноосной схеме храмового здания эпохи высокого классицизма: колокольня с шатровым завершением, трапезная с крестово-купольной основной частью церковного здания. Особое внимание уделено вопросам сохранения памяти об утраченном храме: фиксируется отсутствие архитектурных обмеров перед затоплением, наличие возможности исследования сохранившихся фрагментов при спуске воды; подчеркивается необходимость создания современной мемориальной часовни на месте существования храма. В статье также подчеркивается важность дальнейших архивных изысканий утраченной проектной документации и призывается к профессиональному изучению наследия «сибирской Атлантиды».

Ключевые слова: старый Бердск; храм Сретения Господня; русский классицизм; затопленные памятники; церковная архитектура Сибири

N. Zhurin

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts
Krasnyy avenue, 38, Novosibirsk, Russia, 630099
nikolayzhurin@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6016-3130>

S. Filonov

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts
Krasnyy avenue, 38, Novosibirsk, Russia, 630099
sergei.filonov2016@yandex.ru

Church of the Presentation of the Lord in old Berdsk

Abstract

The article is devoted to the architecture of the Church of the Presentation of the Lord in old Berdsk, a monument of Russian classicism of the early 19th century, which was lost when the Ob water reservoir was flooded. On the basis of archival documents, including 'Vedomosti' of 1865 and 1891, and historical photographs, the volume-spatial structure and stylistic features of the Berdsk temple are investigated. The authors refute the myth of "white stone" origin of the building, confirming the use of bricks delivered by the Ob River. The architectural composition of the temple corresponded to the widespread uniaxial scheme of the temple building of the High Classicism era: a bell tower with a hipped roof, a refectory with a cross-domed main part of the church building. Particular attention is paid to the issues of preserving the memory of the lost temple: the absence of architectural measurements before the flooding, the possibility of researching the surviving fragments at the descent of water; the necessity of creating a modern memorial chapel on the site of the temple is emphasized. The article also stresses the importance of further archival research of the lost project documentation and calls for professional study of the heritage of the «Siberian Atlantis».

Keywords: old Berdsk; the Church of the Presentation of the Lord; Russian classicism; flooded monuments; church architecture of Siberia

Введение. История храма Сретения Господня полна исторических событий, которые повлияли на его объемно-пространственное решение, его объемно-пространственную архитектурную композицию и на характер декора. Архитектурный облик старого Бердска был упомянут и представлен, как его знаковая есоставляющая в выступление и статье «Архитектурный облик старого Бердска. Взгляд в прошлое» И.С. Келиной — заведующей сектором учета фондов Бердского историко-художественного музея на VIII Баландинских чтениях [Келина 2014, с. 324–329].

За истекшие двенадцать лет интерес к этой памятной постройке старого Бердска, ушедшей в разрушенном виде под воды Обского моря, не только не уменьшился, но и непрерывно растет. Драматическая судьба храма, его выдающаяся историческая, духовная и архитектурная роль в жизни города, своеобразной «сибирской Атлантиды», к сожалению, обрастает легендами, не всегда подтвержденными историческими документами и профессиональным искусствоведческим анализом. Например, вызывает сомнение часто упоминаемый «Белокаменный характер исчезнувшего храма», хотя, следует заметить, что использование белого Мячковского известкового естественного камня, характерное для церковного зодчества Владимиро-Суздальской Руси и Ранней Москвы, совершенно исключается в конструктивном решении Бердского храма. Безусловно, его стены и своды были сложены из обожженного кирпича, оштукатурены и побелены. Скорее всего, кирпич доставлялся по воде из других сибирских населенных пунктов. В период конца XIX–XX вв. он привозился для ремонта и расширения Бердского храма по воде из активно строящегося Ново-Николаевского поселка, находящегося ниже по течению реки Обь на расстоянии всего около 10 километров.

В период строительства каменного Сретенского храма в селе Бердском в первой половине XIX в. в русском церковном зодчестве в основном преобладал тип церковного здания, который характеризовался преобладавшей в те годы одноосной схемой композиции объемно-пространственного решения церковного здания. Кресто-купольная основная часть храма венчалась куполом с главкой на барабане. Выразительным вертикальным элементом одноосной композиции плана и пространства храма являлась колокольня с ее ярусным построением высотного объема, которая завершалась с запада вертикальным элементом композиции церковного здания с его ярусным построением и завершением в виде шатра. Следующим элементом, располагавшимся на композиционной оси построения объема храма, являлась трапезная, решенная в виде параллелепипеда.

Данная композиционная схема построения объема церковного здания, преобладавшая в массовом каменном русском храмовом

строительстве на протяжении всей первой половины XIX в., давала возможность расширения данного композиционного принципа, как пример индивидуального, так и повторного строительства, особенно при освоении новых территорий – в селах и городах Сибири, в том числе и в бурно растущем торговом селе Бердское.

Следует заметить, что исторически ближе к началу XX в. становится не эта одноосная схема компоновки храма, а стремление к реализации центричной, крестообразной формы плана, что еще раз подтверждает принадлежность Бердского храма именно к периоду расцвета русского классицизма первой трети XIX в.

Научно подтвержденными историческими архивными материалами являются датировка возведения и реконструкции Сретенского храма, на которую ссылалась И.С. Келина [Келина 2014, с. 324–329]. Однако, обнаружить проектные чертежи Бердского храма или его аналога в церковном зодчестве до сих пор не удалось.

Ил. 1. Церковь Сретения Господня (старая) Новосибирская область, Бердск. Начало XX в. [фонды «Бердского историко-художественного музея»]

Fig. 1. Church of the Presentation of the Lord (old) Novosibirsk region, Berdsk. Early twentieth century. [Berdsky Museum of History and Art funds]

В архивных документах отмечается, что храм Сретения Господня был построен в 1808 г. «тщанием бывшего управителя Даниила Басарева с прихожанами» [Келина 2014, с. 324–329]. Дата строительства храма 1808 г. — это расцвет отечественного классицизма (ил. 1).

В конце XIX – начале XX вв. Бердский храм подвергся ремонту и местами замене кровли и её наверхий, колокольни. Однако, данная реконструкция происходила в русле его исторической классицистической стилистики, о чем свидетельствует запись в «Ведомости о самостоятельной церкви, Бердского округа, села Бердского, Сретения Господня, Благочиния» № 16 за 1891 г.: «Здание каменное, колокольня каменная-же,

но в настоящее время, по случаю расширения церкви, разобрана, покрыта железом и окрашена масляною краскою; крепка. Ограда каменная. Как церковь, так и ограда оштукатурены и выбелены известкой; при ней деревянная сторожка» [ГАТО, Ф. 170. Оп. 1. Д. 2992].

На основании исследования Храма Сретения в селе Бердском, на основе исторических фотографий XIX – начале XX вв. можно сделать следующие выводы.

Подобный декор храма, как и его объемно-планировочная схема, были наиболее характерны для церковного строительства в Сибири городских и сельских каменных храмов XIX в. В их планировочном решении, декоре, с характерным для классицистической архитектуры рустом, имитирующим кладку стен из крупных блоков, присутствовала строгая одноосевая ясная объемно-пространственная композиция, характерная для эпохи храмового строительства в эпоху русского классицизма. Использование ее продолжалось в массовом храмовом строительстве второй половины XIX в. В декоре храма почти отсутствуют пышные классицистические ордерные композиции, но имеются характерные для архитектуры классицизма полукруглые завершения крупных многочисленных световых оконных проемов. Также отмечается характерное композиционное классицистическое построение двух его купольных форм. Элементы классического декора наиболее присущи ярусам вертикали колокольни. В целом, объем храма выстроен профессионально грамотно и гармонично сложен, хорошо вписан в ландшафтное и градостроительное окружение, отмечается профессионализм автора или допускается использование типового, рекомендованного проекта, что было характерно для массового церковного строительства XIX в. [Пилявский и др. 1984, С. 436–437].

Композиционно-пространственная структура храма относится к характерной планировочной схеме отечественного церковного строительства — одноосной схеме, когда вдоль единой планировочной оси с запада на восток разворачивается традиционная планировочная составляющая.

Объем крестовокупольной композиции основной части храма завершен восьмигранным объемом с куполом и главкой, увенчивающим купольное покрытие, изящной вертикалью с луковичным небольшим куполком с барабаном с крестом. Полукруглая алтарная апсида завершает общую горизонтальную композицию построения плана церковного здания.

Важным элементом композиционной структуры храма является вертикаль колокольни, расположенная над притвором и Великими дверьми с папертью при входе в храм. Эта высотная композиция являет собой характерное сочетание кубической формы с вертикалью в виде восьмерика в плане, за-

вершенного небольшим куполом с навершьем в виде небольшой главки с крестом. Именно монтаж этих наверший куполов фиксирует фотография 1904 г., проходивший при большом стечении жителей (ил. 2).

Ил. 2 Церковь Сретения Господня (старая) Новосибирская область, Бердск. Поднятие крестов. 1900 г. [фонды Бердского историко-художественного музея]

Fig. 2. The Church of the Presentation of the Lord (old) Novosibirsk Region, Berdsk. Lifting of crosses. 1900 г. [Berdsky Museum of History and Art funds]

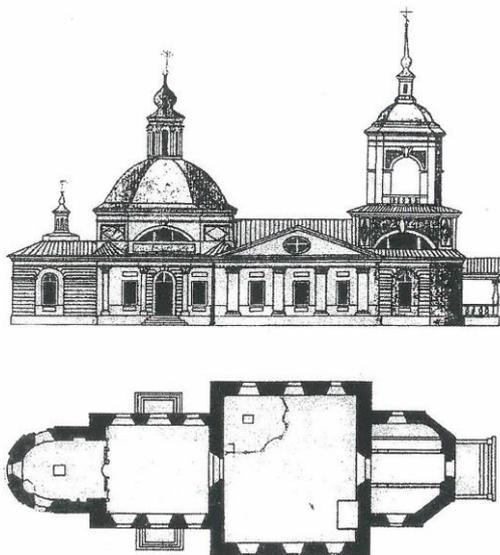
На исторической фотографии хорошо виден классицистический декор колокольни над входной частью храма, в том числе прямоугольные проемы с сандриком над ними, а также двускатная кровля над центральной частью нефа трапезной (ил. 3).

Ил. 3. Церковь Сретения Господня [фонды Бердского историко-художественного музея]
Fig. 3. Church of the Presentation of the Lord [Berdsky Museum of History and Art funds]

К сожалению, мы не располагаем проектными материалами храма Сретения в селе Бердском, хотя по сложившейся проектной практике они, безусловно, существовали и утверждались в губернском городе Томске. Сведения о каменном храме, построенном в крупном торговом селе в Сибири, всегда отсылались в соответствующие подразделения Священного Синода. Также авторам данного исследования не удалось познакомиться с историческими фотографиями или описаниями внутреннего пространства в каменном храме в селе Бердском.

По стилистике и планировке Сретенский храм аналогичен Михаило-Архангельскому, построенному в 1804 г. в селе Легостаево Новосибирской области по проекту архитектора Кольвано-Воскресенских заводов А.И. Молчанова (1765-после 1824) [Ростовцева 2010, С. 19–20].

Ил. 4. Михаило-Архангельский храм в селе Легостаево Новосибирской области, 1804 г., архитектор А.И. Молчанов

Fig. 4. Church of St. Michael the Archangel in the village of Legostaevo, Novosibirsk region, 1804, architect A.I. Molchanov

В 1939 г. по постановлению Новосибирского Облисполкома Сретенскую храм закрыли и переоборудовали под клуб, а в 1950-х гг. здание вошло в зону затопления Обского водохранилища. При этом архитектурные обмеры сохранившихся фрагментов не производились.

Сретенский храм, решенный в духе высокого классицизма, строгий и величественный, имел ценность как пример стиля в культурной архитектуре Сибири. Редкий случай постройки подобного объекта в селе. На эту ценность потенциального памятника архитектуры не обратили внимание и храм был

разрушен вместе с исторической средой старого Бердска. Сейчас жителями Бердска осознается культурная значимость объекта, но он, к сожалению, утрачен.

Однако, закрытие и затопление оставшихся фрагментов здания храма в 1930–1950-е гг. ставит перед нами ряд вопросов:

1. Каким образом был окончательно разрушен Бердский храм, что конкретно от него осталось и попало в зону затопления Обским водохранилищем.

2. Возможно ли в настоящее время при сезонном отступлении воды Обского водохранилища произвести архитектурные обмеры сохранившихся фрагментов фундамента храма.

3. Следует продолжить работу по отысканию проектных документов, использовавшихся при возведении и ремонте в конце XIX- начале XX вв. Бердского храма, в сибирских и центральных архивах, которые обладают несомненной ценностью для понимания и раннего периода строительства здания.

4. Рекомендуется в дальнейшем возвести, с учетом самого высокого уровня воды водохранилища, современную памятную часовню на месте церкви Сретения Господня в Бердске.

Список литературы

1. Келина И.С. Архитектурный облик старого Бердска. Взгляд в прошлое // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2014. — Т. VIII. — С. 324–329.
2. Пилиявский В.И., Тиц А.А., Ушаков Ю.С. История русской архитектуры: [Учебник для архитектурных специальностей вузов]. — Л.: Стройиздат, 1984. — 512 с.
3. Ростовцева И.Л. Михаило-Архангельский храм и его архитектор // Живоносный источник. 2010. — № 2. — С. 19–20.

References

1. Kelina, I.S. (2014). Architectural appearance of old Berdsk: A look into the past. Balandin Readings: Collection of Articles from Scientific Readings in Memory of S. N. Balandin (Vol. VIII, pp. 324–329). Novosibirsk State Academy of Architecture and Fine Arts.
2. Pilyavsky, V.I., Tits, A.A., & Ushakov, Y.S. (1984). History of Russian architecture: [Textbook for architectural specialties in universities]. Stroyizdat.
3. Rostovtseva, I.L. (2010). The Michael-Archangel Temple and its architect. Zhivonosny Istochnik, №2, 19–20.

Материал передан в редакцию 29.05.2025

Е.П. Загваздин

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
ул. имени академика Юрия Осипова, 15, г. Тобольск, Россия, 626152
kulay_arx@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8438-3448>

О планировке Тобольска XVII–XVIII вв. по материалам раскопок 2023 г.

Аннотация

В публикации рассмотрены некоторые вопросы, связанные с планировкой подгорного Тобольска в XVII–XVIII вв. Данные по этой теме были получены в 2023 г. при раскопках территории Александровского сада. На площади 448,6 кв.м. изучен культурный слой и архитектурные объекты, относящиеся к кон. XVII–XX вв. Верхний культурный горизонт представлен советский периодом, с 1920-х гг. и до наших дней, а нижний – кон. XVII–XIX вв. В нижнем горизонте благодаря влажному культурному слою изучены хорошо сохранившиеся деревянные остатки квартала города, который, по всем признакам функционировал с кон. XVII в. и до Большого пожара 1788 г. При его изучении зафиксирована планировка квартала с по-усадебным делением, остатки многочисленных построек, мостовые, заборы. Обнаружено множество находок, которые характеризуют быт и благосостояние жителей города.

Ключевые слова: Тобольск; Александровский сад; археологические раскопки; планировка

E. Zagvazdin

Tobolsk Complex Scientific Station of the UB of the RAS
Academician Yuri Osipov St., 15, Tobolsk, Russia, 626152
kulay_arx@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8438-3448>

Planning of Tobolsk XVII–XVIII cc. on materials of excavations of 2023

Abstract

The publication deals with key issues related to the layout of sub-mountain Tobolsk in the 17th–18th centuries. The data on this topic were obtained in 2023 during excavations on the territory of the Alexander Garden. On the area of 448.6 square metres the cultural layer and architectural objects belonging to the end of the XVII–XX centuries were studied. XVII–XX centuries. The upper cultural horizon is represented by the Soviet period, from the 1920s to the present day, and the lower - the end of the XVII–XIX cc. XVII–XIX centuries. In the lower horizon are studied well-preserved remains of the city quarter, which, by all accounts, functioned from the end of the XVII century until the Great Fire. During its study, the layout of the quarter with the division of estates, the remains of numerous buildings, pavements, and many finds that characterise the life of the town's inhabitants were found.

Keywords: Tobolsk; Alexander Garden; archaeological excavations; planning

Введение. Подгорный квартал, где сейчас располагается Александровский сад, в сознании тоболяков прочно связан с местом отдыха. Однако его история имеет отношение и к военно-административной функции города. Барон Ипполит фон Шиллинг, отметил этот момент в «Статистическом описании губернского города Тобольска» за 1848 г.: «На Плац-парадном месте производятся учение и смотры войску, расположенному в городе, к Пасхе устраиваются качели и другие игрища, а на Масленице ледяные горы» [И. фон Шиллинг 2022, с. 324–325].

На месте Плацпарадной площади в дальнейшем был разбит сад. Его история с первой

пол. XIX в. до наших дней в общих чертах отражена в историко-краеведческих исследованиях [Кондакова 2015; Тельтевская 2016; Мирюгина, Садыкова 2019]. Триггером для его создания стал приезд в Тобольск в 1837 г. будущего царя Александра II. Спустя почти полвека, в 1883 г., на месте бывшей Благовещенской площади в его честь начинают возводить памятную часовню по проекту Альфреда Парланда, которая освящена и открыта 2 июня 1887 г. [Толмачева, 2024]. Таким образом, формирование садово-паркового комплекса здесь начинается с 1880-х гг. [Голодников, 1886, с. 17, 118].

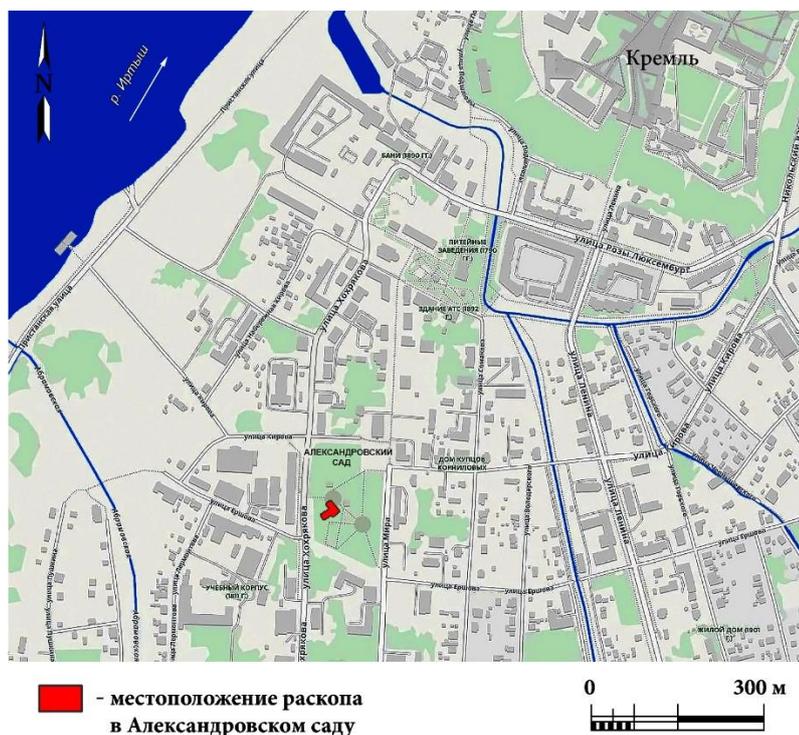
На протяжении почти всего XX в. сад менял свое название, но оставался одним из любимейших мест отдыха горожан с развитой инфраструктурой. В 1973 г. на его территории был возведен кинотеатр «Союз», существовавший до 28 марта 1992 г. [Берендеев 2014]. Дegradaция территории сада активно началась в 1990-е гг. В 2000-е зазвучали предложения по его облагораживанию [Спирченко 2008], вылившиеся в полномасштабные работы по его капитальной реконструкции в 2023–2024 гг. В начале 2025 г. была поставлена на реставрацию часовня Александра Невского.

Несмотря на то, что период истории этого квартала с XIX по XX вв. хорошо отражен в литературе, более ранний этап развития этой территории, с начала основания города в конце XVI в., практически не известен. Тем ни менее карты Тобольска XVIII в. уверенно фиксируют, что этот городской квартала до XIX в. не пустовал, а был частью селитебной зоны. Так на одной из ранних карт

С.У. Ремезова 1701 г. на этом месте четко показана сеть кварталов, которые визуальнo привязаны к Благовещенской церкви и Знаменскому монастырю [Служебная... 2006, л. 19; Чертежная... 1701 л. 6–7].

Одним из актуальных направлений, в связи с этим, было изучение ранней планировки Тобольска на данном участке. Учитывая, что эта территория, судя по планам и описаниям XIX в. слабо застраивалась, то это дало возможность изучить раннюю застройку археологическими методами практически неповрежденной.

Полученные результаты и их обсуждение. В 2023 г. в зоне благоустройства Александровского сада Тобольска проводились аварийные раскопки. Основные исследования развернулись на раскопе площадью 448,6 кв.м. Его заложили в западной части сада, на месте проектируемого технологического помещения для управления фонтаном и на площадке под фундамент фонтана (ил. 1).

Ил. 1. ПМА. План раскопа 2023 г. на территории Александровского сада Тобольска
Fig. 1. Plan of the 2023 excavation in the Alexander Garden in Tobolsk

В ходе раскопок отмечены следующие хронологические этапы.

Верхний культурный горизонт датирован 20-м гг. XX в. и вплоть до наших дней. Он связан с функционированием Александровского сада в качестве культурно-массовой площадки для отдыха горожан в советское время. По причине обводнения этой террито-

рии вся площадка сада периодически подсыпалась песком. Поэтому мощность напластований составила более 1 м. Песок намывали с Иртыша через трубы в 1960–1970-е гг. В последующем поверх песка досыпалась глина средней мощностью 50 см. Данные мероприятия по осушению сада мало помогли, так как весной и после сильных дождей вода уходила неохотно.

Как и ожидалось, наиболее ценным в историко-археологическом плане оказался нижний культурный горизонт, который по многочисленному нумизматическому материалу датируется кон. XVII – 1 четв. XIX вв. Слой минимально нарушен поздними советскими перекопами. Мощность культурных напластований, которые в основном представляли собой слои щепы и навоза, доходила до 1,5 м. Этот горизонт насыщен максимальным количеством находок. Раскопками выявлены и изучены в большом количестве деревянные строения квартала: постройки с сенями (ил. 2), тыновые ограды усадеб, остатки настилов мостовых и т.п. Благодаря высокоточной геодезической съемке с использованием ГНСС приемника удалось составить детальный электронный план всех деревянных построек в местной системе координат.

Ил. 2. ПМА. Вид с северо-запада на нижние венцы дома XIX в. с сенями (в нижнем правом углу — расчищенное основание печи)

Fig. 2. View from the north-west of the lower wainscoting of the 19th-century house with a vestibule (lower right corner — cleared oven base)

Раскопками выявлено дифференцированное пространство разных домовладений, которые отделялись друг от друга деревянными заборами из вертикально вкопанных жердей. На одном из участков такого забора зафиксирован неширокий, до 1 м, пропуск в жердевом заполнении, который интерпретирован как вход на территорию усадьбы. Планировка квартала, судя по линиям тыновых заборов на разных уровнях нижнего культурного горизонта, на протяжении всего периода его существования не менялась. Расположение застройки квартала XVII–XVIII вв. относительно современной улицы Хохрякова, ближайшей к Александровскому саду, отличается. Если улица Хохрякова протянулась с юго-востока на северо-запад, то раскопанный квартал, наоборот, — с юго-запада на северо-восток. Линия этого квартала отходит на 20° к северо-востоку от линии улицы Хохрякова. Она ближе к современному магнитному склонению (восточному), которое составляет 15,75° против 12,5° по линии квартала XVII–XVIII вв. Подобные расхождения хорошо фиксируются, к примеру, на «Перспекте города Тобольска» рубежа 1770–1780-х гг., где отмечены линии

старой и проектной застроек городских кварталов, не везде совпадающие [Конев 2017, с. 187, рис. 1].

При изучении построек прослежены закладные строительные обряды, такие как монеты под венцом и под половиной доской, топор с топоричем в опечке (ил. 3), перевернутый горшок под нижним венцом дома, голова собаки под полом. Подобные закладные строительные жертвы имеют аналогии в русских памятниках России и в Западной Сибири [Курбатов 2018]. Из-за особенностей грунтов нижнего города и во избежание проседания зданий, под нижние венцы подкладывали разнообразные плахи, обрубки бревен. Также для гидроизоляции использовали глину, которую подсыпали на участки близ домов, а также при сооружении завалинок и перед укладкой полов пространство. При настилке полов в некоторых постройках зафиксированы доски толщиной около 10 см, с рядами диагональных сверленных отверстий диаметром 3–4 см, которые предварительно атрибутированы как судовой палубный настил. При изучении многочисленных построек отмечены и следы их перестроек, связанные с пожаром. Перестройки в целом сводились к разбору сгоревшего здания и установки на его месте нового сруба (ил. 4).

Ил. 3. ПМА. Вид с юго-востока на расчистку угла постройки с опечком и закладным топором.

Fig. 3. View from the south-east of the clearing of the corner of the building with the base of the kiln and the embedded axe.

Ил. 4. ПМА. Вид с севера на нижние венцы сгоревшего строения, на котором в дальнейшем была возведена новая постройка

Fig. 4. View from the north on the lower crowns of the burned structure, on which a new building was later building

Из-за постоянного присутствия влаги в грунте нижнего города, которая сохраняет органику, удалось собрать представительную коллекцию из дерева, бересты, кожи, шерсти. В целом количество индивидуальных находок из органических материалов, металла, глины составила более 1000 ед. Они ярко характеризуют быт и экономическое благосостояние горожан Тобольска.

В истории Тобольска существовали события, которые маркируют ключевые моменты его истории. Большой пожар 1788 г. — то событие, после которого облик города стал существенно меняться. За последние годы, благодаря хорошо датированным нумизматикой слоям это событие стало находить свое отражение и в археологическом материале как нагорной [Данилов, Загваздин 2022; Турова, Данилов 2023, с. 217], так и подгорной [Аношко 2024, с. 329] частей города.

Основной массив нумизматических находок, обнаруженный в нижнем культурном горизонте Александровского сада, относится к кон. XVII-XVIII вв., меньше, к XIX в., до 1820-х, таким образом показывая, что квартал, по всей видимости, существовал до кон. XVIII в., а после Большого пожара 1788 г., начавшегося в подгорной части города, существенно пострадал и больше не возродился. Вероятно, в небольшом количестве на территории опустошенного пожаром квартала, превратившегося затем в Благовещенскую площадь (она же Плацпарадная), продолжала существовать незначительная застройка. Так при разборе венцов дома, под одним из бревен была обнаружена медная монета 1819 г. Детали этапов этого строительства еще предстоит прояснить с привлечением комплексных исследований, в том числе дендрохронологических. Отметим, что уже в нач. XIX в. эта территория на картах отмечена как открытое пространство [Коновалова 2015, с. 304].

Заключение

Полученные археологические данные по Александровскому саду свидетельствуют о перспективности дальнейшего изучения ранней городской застройки Тобольска XVII-XVIII вв. Из-за особенностей обводненных грунтов нижний культурный горизонт с сохранившимися деревянными находками оказался надежно законсервирован мощным слоем песка и глины в советское время, в 1960–1970-е гг. Также культурный слой на этом участке подвергался меньшему разрушению благодаря тому, что эта территория в XIX в. длительное время пустовала и застраивалась частично, ближе к современной улице Хохрякова.

Судя по находкам разнообразных категорий инвентаря, в том числе дорогих и редких, как, к примеру, китайской посуде, на данной территории проживали обеспеченных горожане. Приведенные обстоятельства предоставляют редкую возможность в дальнейшем продолжить изучение остатков раннего городского квартала Тобольска.

Список литературы

1. Аношко О. М. История одного места: Базарная площадь в Тобольске // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей: в 2 томах. — Братск; Омск: Издательский дом «Наука», 2024. — Т. 1. — С. 325–331. DOI: 10.17746/978-5-98806-346-9-2024-1-325-331.
2. Берендеев С. Пойдем в кино? // Град Тобольск. — 2013–2014. — № 12 (79). — С. 14.
3. Голодников К. Город Тобольск и его окрестности. — Тобольск, 1886. — 139 с.
4. Данилов П.Г., Загваздин Е.П. Керамическая посуда с усадьбы XVII–XVIII вв. Тобольска // Теория и практика археологических исследований. — 2022. — Т. 34, №2. — С. 64–83.
5. Кондакова Г.А. Нельзя не влюбиться в нашу старину! По Тобольску с Галиной Кондаковой. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2015. — 216 с.
6. Конев А.Ю. «Перспект города Тобольска» из Геттингенской коллекции Георга фон Аша (к критике источника) // Тобольск научный — 2017: Материалы XIV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной Году экологии в России (г. Тобольск, 16–17 ноября 2017 г.). — Тобольск: ООО «Аксиома», 2017. — С. 185–188.
7. Коновалова Е.Н. Карты Земли Тюменской XVI – начала XX вв.: очерки. — Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. — 494 с.
8. Курбатов В.А. Истоки строительных «прикладов» в Западной Сибири // Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. — Сургут: АНО «Институт археологии Севера», 2018. — С. 241–253. DOI: 10.31630/978-5-6040401-1-9-2018-1-241-253.
9. Мирюгина Т.А., Садыкова Э.Ф. Городские парки города Тобольска: прошлое и настоящее // Урбанистика. — 2019. — №2. — С. 26–35. DOI: 10.7256/2310-8673.2019.2.29632.
10. Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья: текст рукоп. Российской нац. б-ки (Санкт-Петербург). — Тобольск: Возрождение Тобольска, 2006. — 167 с.
11. Спирченко М. Александровский сад // Град Тобольск. — 2008. — №7 (23). — С. 16–17.

12. Тельтевская Э. В городском саду // Град Тобольск. — 2016. — №3 (97). — С. 21–23.

13. Турова Н.П., Данилов П.Г. Отопительное устройство второй половины XVIII века (по археологическим материалам города Тобольска) // Археология Евразийских степей. — 2023. — № 5. — С. 216–228. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.5.216.228.

14. Шиллинг И. фон, барон. Статистическое описание губернского города Тобольска // Статистическое описание Сибири середины XIX века (из Научного архива Русского географического общества). — Тюмень: ТюмГУ, Ассоциация исследователей общества и окружающей среды, 2022. — С. 309–418.

15. Толмачева Н.Ю. Часовня Александра Невского в Тобольске по проекту А. Парланда // URL: https://cathedral.ru/ru/chasovnya-aleksandra-nevskogo-v-tobolske-po-proektu-a-parlanda#_ftn10 (дата обращения: 01.10.2024).

16. Чертежная книга Сибири (составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году). — СПб.: Типография А. М. Котомина и К., 1882. — 31 с.

References

1. Anoshko O.M. Istorija odnogo mesta: Bazarnaja ploshchad' v Tobolske [The history of one place: Market square in Tobolsk] // Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovanijakh: sbornik nauchnykh statej: v 2 tomakh. Bratsk; Omsk: Izdatel'skij dom "Nauka", 2024. Vol. 1. Pp. 325–331. DOI: 10.17746/978-5-98806-346-9-2024-1-325-331.

2. Berendejev S. Pojdom v kino? [Let's go to the cinema?] // Grad Tobol'sk. 2013–2014. No. 12 (79). P. 14.

3. Golodnikov K. Gorod Tobol'sk i ego okrestnosti [The town of Tobolsk and its surroundings]. Tobol'sk, 1886. 139 p.

4. Danilov P.G., Zagvazdin E. P. Keramicheskaja posuda s usad'by XVII–XVIII vv. Tobolska [Ceramic vessels from a 17th–18th c. Tobolsk estate] // Teorija i praktika arkheologicheskikh issledovanij. 2022. Vol. 34, No. 2. Pp. 64–83.

5. Kondakova G.A. Nel'zja ne vljubit'sja v nashu starinu! Po Tobol'sku s Galinoj Kondakovoj [You can't help but fall in love with our antiquity! Walking around Tobolsk with Galina Kondakova]. Ekaterinburg: Uralskij rabochij, 2015. 216 p.

6. Konev A.Ju. "Perspekt goroda Tobolska" iz Gettingenskoj kollekcii Georga fon Asha (k kritike istochnika) ["Perspective of the city of Tobolsk" from the Göttingen collection of Georg von Asch (toward a source critique)] // Tobol'sk nauchnyj – 2017: Materialy XIV Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-praktičeskoj konferencii, posvjashchennoj Godu

jeologii v Rossii (g. Tobol'sk, 16–17 nojabrja 2017 g.). Tobol'sk: OOO "Aksioma", 2017. Pp. 185–188.

7. Konovalova E.N. Karty Zemli Tjumenskoj XVI – nachala XX vv.: ocherki [Maps of Tyumen Land from the 16th to the early 20th centuries: Essays]. Tjumen': TjumGNGU, 2015. 494 p.

8. Kurbatov V.A. Istoki stroitel'nykh "prikladov" v Zapadnoj Sibiri [Origins of building practices in Western Siberia] // Arkheologija Severa Rossii: Jugra – volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vv. Surgut: ANO "Institut arkheologii Severa", 2018. Pp. 241–253. DOI: 10.31630/978-5-6040401-1-9-2018-1-241-253.

9. Mirjugina T. A., Sadykova E. F. Gorodskie parki goroda Tobolska: proshloe i nastojashchee [City parks of Tobolsk: Past and Present] // Urbanistika. 2019. No. 2. Pp. 26–35. DOI: 10.7256/2310-8673.2019.2.29632.

10. Sluzhebnaia chertezhnaia kniga. Semen Remezov i synov'ja: tekst rukop. Rossijskoj nats. b-ki (Sankt-Peterburg) [Official drawing book. Semyon Remezov and sons: manuscript of the Russian National Library (St. Petersburg)]. Tobol'sk: Vozrozhdenie Tobolska, 2006. 167 p.

11. Spirchenko M. Aleksandrovskij sad [Alexander Garden] // Grad Tobol'sk. 2008. No. 7 (23). Pp. 16–17.

12. Tel'tevskaja E. V gorodskom sadu [In the city garden] // Grad Tobol'sk. 2016. No. 3 (97). Pp. 21–23.

13. Turova N. P., Danilov P. G. Otopitel'noe ustrojstvo vtoroj poloviny XVIII veka (po arkheologicheskim materialam goroda Tobolska) [Heating system of the late 18th century (based on archaeological materials from Tobolsk)] // Arkheologija Evrazijskikh stepej. 2023. No. 5. Pp. 216–228. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.5.216.228.

14. Shilling I. fon, baron. Statisticheskoe opisanie gubernskogo goroda Tobolska [Statistical description of the provincial city of Tobolsk] // Statisticheskoe opisanie Sibiri serediny XIX veka (iz Nauch. arkhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva). Tjumen': TjumGU, Asotsiatsija issledovatelej obshchestva i okružhajuščej sredy, 2022. Pp. 309–418.

15. Tolmacheva N. Ju. Chasovnja Aleksandra Nevskogo v Tobolske po projektu A. Parlanda [Chapel of Alexander Nevsky in Tobolsk by the design of A. Parland] // URL: https://cathedral.ru/ru/chasovnya-aleksandra-nevskogo-v-tobolske-po-proektu-a-parlanda#_ftn10 (accessed 01.10.2024).

16. Chertezhnaia kniga Sibiri (sostavlenaja tobol'skim synom bojarskim Semenom Remezovym v 1701 godu) [Drawing book of Siberia (compiled by the Tobolsk boyar son Semyon Remezov in 1701)]. SPb.: Tipografija A. M. Kotoмина i K., 1882. 31 p.

Материал передан в редакцию 30.05.2025

Системный подход к интеграции природных ландшафтов в архитектурную среду: опыт реализации «Генеральной схемы лесопаркового устройства и озеленения» достопримечательного места «Новосибирский Академгородок»

Аннотация

Статья посвящена исследованию успешной модели интеграции природных и антропогенных элементов в архитектурную среду на примере новосибирского Академгородка. Цель исследования состоит в выявлении эффективных методов гармонизации естественных ландшафтов и городского пространства на основе анализа «Генеральной схемы лесопаркового устройства и озеленения» 1967 года, которая стала основой для экологически устойчивого развития территории научного городка. Описывается формирование крупных зеленых зон, защита существующих лесов от интенсивного хозяйственного использования и обеспечение комфортной городской среды. Основным выводом является то, что Академгородок представляет собой уникальный пример гармонизации природных и антропогенных элементов, подчеркивая необходимость внедрения механизмов долговременной экологической устойчивости в проектирование архитектурной среды научных центров.

Ключевые слова: системный подход; архитектурная среда; интеграция; научный центр; Новосибирский Академгородок

E.V. Kosinova
Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts
Krasny Avenue, 38, Novosibirsk, Russia, 630099
evkosinova@nsuada.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4278-6799>

Systematic Approach to the Integration of Natural Landscapes into Architectural Environment: Experience in Implementing the "General Scheme for Forest Park Development and Greening" at the Notable Site "Novosibirsk Akademgorodok"

Abstract

This article discusses a systemic approach to integrating natural landscapes into the architectural environment using the example of implementing the "General Scheme for Forest Park Development and Greening" of 1967 at the notable site "Novosibirsk Akademgorodok," which has become the foundation for its ecologically sustainable development. It describes the formation of extensive green zones, protecting existing forests from intense commercial exploitation, and providing a comfortable urban setting. The main conclusion emphasizes that Akademgorodok represents a unique example of balancing natural and anthropogenic elements, highlighting the necessity of introducing mechanisms for long-term ecological sustainability in designing the architectural environment of scientific centers.

Keywords: systems approach; architectural environment; integration; science center; Novosibirsk Akademgorodok

Введение. В современных условиях развития урбанизированных территорий особую значимость приобретает изучение успешных моделей интеграции природных и антропогенных элементов архитектурной среды. Опыт новосибирского Академгородка демонстрирует уникальную модель развития научного центра, где удалось сохранить и развить природно-экологический потенциал террито-

рии при активном градостроительном освоении. Исследование комплексного подхода к формированию архитектурной среды Академгородка особенно актуально в контексте растущего интереса к устойчивому развитию городских территорий и необходимости сохранения природного каркаса городов.

Цель исследования заключается в выявлении эффективных методов интеграции

природных ландшафтов в архитектуру на примере новосибирского Академгородка посредством анализа опыта реализации «Генеральной схемы лесопаркового устройства и озеленения», направленного на сохранение уникального природного комплекса, улучшение экологической обстановки и повышение качества среды.

Задачи исследования:

1. Проанализировать «Генеральную схему лесопаркового устройства и озеленения Академгородка» 1967 года как основу формирования комплексной системы архитектурной среды.

2. Выявить ключевые механизмы интеграции природных и антропогенных элементов в архитектурной среде Академгородка.

Материалы и методы исследования: системный подход, изучение и обработка архивных материалов, литературных источников, натурального обследования Академгородка.

Полученные результаты и их обсуждение. Системный подход в исследовании архитектурной среды предполагает всестороннее изучение не только отдельных компонентов объекта, но и изменений их состояний, внутренних взаимосвязей между ними, выявляя причины, цели и задачи общего контекста архитектурно-строительной деятельности. Такой подход обеспечивает точное выделение различных структурных составляющих системы архитектурной среды (природных, антропогенных), установление закономерностей их взаимодействий и взаимовлияний, выявление ведущих тенденций развития и выбор оптимальных решений возникающих проблем.

Исследование архитектурной среды новосибирского Академгородка требует учета множества факторов, влияющих на формирование гармоничного пространственного ансамбля. Особое значение здесь имеет понимание главных механизмов интеграции природной и искусственно созданной среды (научно-исследовательских институтов, жилых зданий, придомовых территорий, транспортной инфраструктуры и прочего). Учет природных и климатических условий улучшал качество для комфортного проживания работников предприятий и местного населения.

Общая площадь лесных массивов научного городка достигала 3,7 тыс. га и имела различные виды деревьев (березовые леса занимали 2,5 тыс. га, хвойные породы охватывали около 0,8 тыс. га, остальные лиственные породы покрывали около 0,4 тыс. га). Но в первое десятилетие после его создания, по причине антропогенных воздействий, наблюдалось неоднородное состояние лесов, особенно в жилой зоне. В связи с этим

были приняты срочные меры по поддержанию ослабевших лесов через введение ограничений и реализацию специальных проектов восстановления их биологического потенциала [Таран 1968, с. 7–8].

Так в основу планирования пространственной структуры Академгородка легла «Генеральная схема лесопаркового устройства и озеленения» 1967 года. Данный документ положил начало высокой экологической устойчивости территории, создав основные механизмы интеграции естественной среды и искусственно созданной городской застройки. Разработка велась авторским коллективом Центрального ботанического сада, занимающиеся решением озеленения транспортных магистралей, проспектов, улиц с использованием различных видов насаждений; созданием парков, скверов, садов с использованием сохранившегося лесного массива, повышающего уровень комфорта, санитарно-гигиенические, микроклиматические характеристики местности [Чиндяева, Гончар 2008, с. 8; Таран 2015, с. 64; Бугаев 2023, с. 106].

Основные направления Генеральной схемы включали:

1. Расширение ассортимента флоры для лесопаркового строительства.
2. Применение инновационных методов лесоводства для укрепления насаждений.
3. Совершенствование систем природоохраны.
4. Создание сети мониторинга состояния природных объектов.

Данные направления легли в основу ключевых подходов к интеграции архитектурных форм и природного ландшафта, выражающих самобытность территории благодаря гармоничному сочетанию элементов природной красоты и современных методов озеленения и благоустройства [Чиндяева, Доронькин, Королюк 2019, с. 275; Пивкин, Чиндяева 2002, с. 68–69].

Комплексный подход к озеленению предусматривал реализацию следующих стратегических задач:

1. Магистральное озеленение с применением дифференцированного подхода к размещению растительных объектов, включая рядовые посадки, аллеи, композиции и групповые насаждения для формирования уникальной ландшафтной идентичности местности.
2. Интераквартальное благоустройство с акцентом на повышение резистентности и эстетической ценности естественной растительности на внутриквартальных территориях.
3. Парковая инфраструктура с созданием интегрированной системы рекреационных зон, включающей парки, скверы, садовые и бульварные комплексы с сохранением существующего зеленого массива.

Также предусматривалось формирование трех больших парковых зон:

1. Университетский парк площадью около 90 га.
2. Парк вблизи здания дома ученых, достигающий размеров примерно 12 га.
3. Прибрежный парк, расположенный вдоль водоемов и занимающий около 33 га.

Также были предусмотрены небольшие зеленые зоны во дворах жилых микрорайонов с оборудованными детскими площадками и аллеями для пешеходных прогулок.

Вокруг Академгородка предусматривалось создание большого защитного лесопаркового кольца шириной до 1200 м. Особое внимание уделено возведению крупного ботанического сада — парка, который стал примером рационального подхода к организации подобного типа объектов в условиях Западной Сибири [Баландин 1986, с. 68; Дадаева 1958, с. 7] (ил. 1).

Ил. 1. Схема лесопаркового устройства Академгородка (автор схемы Таран И.В.) [Таран 1968, с.7]

Fig. 1. Scheme of forest park arrangement of Akademgorodok (author of the scheme Taran I.V.).

Реализация комплекса лесохозяйственных, паркостроительных и озеленительных мероприятий обеспечила эффективную консервацию лесных массивов в условиях урбанизированной среды. При этом территории с древесной растительностью, прилегающие к жилым зданиям, были выведены из интенсивного хозяйственного использования. Данные меры позволили сохранить существующие леса, увеличить общий объем зелени, улучшить удобство пользования зелеными зонами, достижению показателей обеспеченности зелеными зонами на уровне около 500 м² на одного жителя (по сравнению с нормативом 280 м²).

Особое внимание уделялось определению критических параметров минимальной площади лесных массивов, обеспечивающих их функциональную эффективность, устойчивость к антропогенной нагрузке и длительную жизнеспособность в условиях урбанизированной среды [Скуднева, Чиндяева 2020, с. 116].

Основными механизмами интеграции природных и антропогенных элементов Новосибирского Академгородка явились:

1. Развитие устойчивой экосистемы: создание такой системы природы, которая позволяла сохранять биологическое разнообразие, поддерживать экологический баланс и снижать деструктивное воздействие человека на окружающую среду.

2. Разработка экологической концепции: внедрение мер, способствующих улучшению экологии, развитие технологий с минимальным загрязнением окружающей среды, повышение санитарно-гигиенического состояния населенных мест и промышленных объектов.

3. Формирование природно-экологического каркаса территории с сохранением трансформированных природных ландшафтов, интегрированных в искусственную среду.

Генеральная схема выступила как базовый интеграционный элемент, обеспечивший сбалансированное развитие архитектурной среды научного городка. Результатом такой интеграции стало формирование целостной архитектурной среды, где:

1. Природные ландшафты органично вписаны в городскую структуру.

2. Транспортная сеть эффективно обслуживает все зоны.

3. Архитектурные решения гармонично сочетаются с природным окружением.

4. Художественные элементы создают единый стиль пространства.

Выводы. Таким образом, внедрение «Генеральной схемы лесопаркового устройства и озеленения Новосибирского Академгородка» в 1967 году стало решающим фактором для экологического роста научного городка, обеспечивая формирование дифференцированных природных зон и оптимизируя качество жизни населения посредством экологического благоустройства территории.

Основные механизмы интеграции природных и антропогенных элементов включали создание устойчивой среды (обеспечение необходимой защиты и экологического баланса экосистем путем снижения антропогенного воздействия и восстановления природных ресурсов), экологические идеи (улучшение экологической обстановки и снижение негативного воздействия на окружающую среду), формирование природно-экологического каркаса (включение трансформированных природных ландшафтов в развитие архитектурной среды).

На основании исследования делается вывод, что данные приемы интеграции в архитектурной среде Новосибирского Академгородка представляют собой образец оптимально сбалансированного симбиоза естественных экосистем и антропогенных структур.

тур урбанизированной среды, наглядно иллюстрирующий перспективность подхода к архитектурно-градостроительному проектированию с акцентированным вниманием на принципы долговременной экологической устойчивости.

Список литературы

1. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1945–1985 гг. — Новосибирск: Зап-Сиб. кн. изд-во, 1986. — 155 с.
2. Бугаев Р.С. Конструирование «города-леса» Новосибирского Академгородка экспертными сообществами (1957–1959 гг.) / Р. С. Бугаев // Уральский исторический вестник. — 2023. — №4 (81). — С. 106–114. — DOI 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-106-114.
3. Дадаян С.Х. Научный городок Сибирского отделения академии наук СССР. Основные данные из проектного задания. М.: 1-ая типография ВНИИТИ. — 1958 — 8 с.
4. Пивкин В.М., Чиндяева Л.Н. Экологическая инфраструктура сибирского города (на примере Новосибирской агломерации). — Новосибирск: Сибпринт, 2002. — 183 с.
5. Скуднева М.В. Роль природно-экологического каркаса в формировании планировочной структуры академических городков / М.В. Скуднева, Л.Н. Чиндяева // Известия высших учебных заведений. Строительство. — 2020. — №1 (733). — С. 109–119. — DOI 10.32683/0536-1052-2020-733-1-109-119.
6. Таран И.В. Из истории Центрального сибирского ботанического сада СО РАН. — Новосибирск: Гео, 2015. — 163 с.
7. Таран И. В. Лесопарки Академгородка // За науку в Сибири. — 1968. — №29 (357). — С. 7–8.
8. Чиндяева Л.Н., Гончар А.А. Ландшафтное искусство Сибири. Пейзажи и пейзажные композиции новосибирского Академгородка / пер. на англ. Русаковская Е.И. — Новосибирск: Издательство «Арта», 2008. — 256 с.
9. Чиндяева Л.Н., Доронькин В.М., Королюк Е.А. Система озеленения как основа территориальной идентичности новосибирского Академгородка / Л. Н. Чиндяева, В. М. Доронькин, Е. А. Королюк // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий, Новосибирск, 25–27 октября 2018 года. — Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2019. — С. 275–278. — DOI 10.17746/0295-7.2019.275-278.

References

1. Balandin S.N. Novosibirsk. Istorija gradostroitel'stva 1945–1985 gg [Novosibirsk. History of town planning in the 1945–1985]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986. 155 p. (In Russ.)

2. Bugaev R.S. Konstruirovanie "gorodalesa" Novosibirskogo Akademgorodka ekspertnymi soobshchestvami 1957–1959 gg. [Construction of the "forest city" of the Novosibirsk Akademgorodok by expert communities 1957–1959]. R. S. Bugaev. Ural'skii istoricheskii vestnik. — 2023. — №4 (81). — P. 106–114. — DOI 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-106-114. (In Russ.)
3. Dadayan S.Kh. Nauchnyi gorodok Sibirskogo otdeleniya akademii nauk SSSR. Osnovnye dannye iz proektnogo zadaniya [Scientific town of the Siberian branch of the USSR Academy of Sciences. Basic data from the project assignment]. Moscow: 1-aya tipografiya VNNITI, 1958. 8 p. (In Russ.)
4. Pivkin V.M., Chindyaeva L.N. Ekologicheskaya infrastruktura sibirskogo goroda _Na primere Novosibirskoi aglomeratsii [Ecological infrastructure of a Siberian city (using the Novosibirsk agglomeration as an example)]. Novosibirsk: Sibprint, 2002. 183 p. (In Russ.)
5. Skudneva M.V. Rol' prirodno-ekologicheskogo karkasa v formirovanii planirovochnoi struktury akademicheskikh gorodkov [The role of the natural and ecological framework in the formation of the planning structure of academic campuses]. M.V. Skudneva, L.N. Chindyaeva. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Stroitel'stvo. 2020. No.1. Pp. 109–119. (In Russ.) DOI 10.32683/0536-1052-2020-733-1-109-119. (In Russ.)
6. Taran I.V. Iz istorii Tsentral'nogo sibirskogo botanicheskogo sada SO RAN [From the history of the Central Siberian Botanical Garden of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. Novosibirsk: Geo, 2015. 163 p. (In Russ.)
7. Taran I.V. Lesoparki Akademgorodka [Forest parks of Akademgorodok]. Za nauku v Sibiri. 1968. No. 29. Pp. 7-8. (In Russ.)
8. Chindyaeva L.N., Gonchar A.A. Landshaftnoe iskusstvo Sibiri. Peizazhi i peizazhnye kompozitsii novosibirskogo Akademgorodka [Landscape Art of Siberia. Landscapes and Landscape Compositions of Novosibirsk Akademgorodok]. Per. na angl. Rusakovskaya E.I. Novosibirsk: Izdatel'stvo "Arta", 2008. 256 p. (In Russ.)
9. Chindyaeva L.N., Doron'kin V.M., Korolyuk E.A. Sistema ozeleneniya kak osnova territorial'noi identichnosti novosibirskogo Akademgorodka [Greening system as a basis for territorial identity of Novosibirsk Akademgorodok]. Etnokul'turnaya identichnost' narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii, Novosibirsk, 25–27 oktyabrya 2018 goda. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk, 2019. Pp. 275–278. (In Russ.) DOI 10.17746/0295-7.2019.275-278.

Материал передан в редакцию 31.05.2025

DOI: 10.37909/978-5-89170-362-9-2025-1006
УДК 39+72.033

А.Ю. Майничева
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр-т Академика Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, Россия, 630090
annmaini@gmail.com,
ORCID: <https://orcid.org/0002-0784-4252>

Летописи церквей как источник для изучения православной церковной архитектуры Якутии

Аннотация

В статье на примере летописей деревянных церквей Вилуйского округа, опубликованных в журнале «Якутские епархиальные ведомости» конца XIX – начала XX в., проанализированы возможности летописей как источников для изучения православной церковной архитектуры Якутии, что сделано впервые. Для достижения цели исследования использованы общенаучные и исторические методы и методические приемы, специфические методы case-study и контент-анализа. Показано, что несмотря на ряд недостатков, к которым можно отнести некоторую непоследовательность изложения, отсутствие полных описаний, в летописях можно обнаружить основные даты существования церквей, рассчитать сроки от закладки здания до его возведения, оценить причины задержки строительства, узнать, типы и размеры зданий создаваемых архитектурных комплексов. Можно найти причины выбора места расположения церкви, характеристику местных особенностей устройства кладбищ рядом с церквями, географические и этнокультурные черты обстоятельств храмового строительства, влиявшие на него традиции и верования местных жителей, имена жертвователей, инициаторов и исполнителей работ. Доказано, что информация, содержащаяся в летописях, дает возможность связать историю церковного зодчества Якутии с именами причастных к нему людей и с общей историей храмового зодчества России. Сделан вывод о том, что опубликованные летописи церквей могут служить ценными источниками для изучения православной церковной архитектуры Якутии, дополняющими информацию других видов и типов источников.

Ключевые слова: летописи церквей; источники для изучения; Нюрбинская Николаевская церковь; Шеинская Георгиевская церковь; часовни; колокольни; православная архитектура; Якутия

A. Mainicheva
Institute of Archeology and Ethnography SB RAS
Ave. Academician Lavrentiev, 17, Novosibirsk, Russia, 630090
annmaini@gmail.com,
ORCID: <https://orcid.org/0002-0784-4252>

Church chronicles as a source for studying Orthodox church architecture in Yakutia

Abstract

The article analyzes the possibilities of chronicles as sources for studying the Orthodox church architecture of Yakutia using the example of chronicles of wooden churches of the Vilyui district -, published in the journal «Yakutskie eparhialnye vedomosti» of the late 19th - early 20th centuries, which has been done for the first time. General scientific and historical methods and methodological techniques, specific methods of case-study and content analysis were used to achieve the goal of the study. It is shown that despite some shortcomings, which include some confusion in the presentation, the absence of complete descriptions, in the chronicles one can find the main dates of the existence of churches, it is possible to calculate the time from the laying of the foundation of the building to its construction, assess the reasons for the delay in construction, find out what buildings were erected in the created architectural complexes, as well as their sizes. It is possible to find reasons for choosing the location of the church, characteristics of local features of the arrangement of cemeteries near the churches, geographical and ethnocultural features of the circumstances of temple construction, traditions and beliefs of local residents that influenced it, names of donors, initiators and performers of the works. It is proven that the information contained in the chronicles makes it possible to link the history of church architecture in Yakutia with the names of people involved in it and with the general history of church architecture in Russia. It is concluded that the published chronicles of churches can

serve as valuable sources for studying the Orthodox church architecture of Yakutia, complementing information from other types and kinds of sources.

Keywords: church chronicles; sources for study; Nyurbinskaya Nikolaevskaya Church; Sheinskaya St. George Church; chapels; bell towers; Orthodox architecture; Yakutia

Введение. Среди источников, которые можно использовать для выявления особенностей православной церковной архитектуры Якутии, выделяются летописи церквей, авторами летописей, как правило, были священники. Информационную ценность и общую источниковедческую характеристику публикаций православных священников представила Н.П. Матханова, она определила их как «незаменимый исторический источник», ее выводы могут быть отнесены и к летописям [Матханова 2016, т. 23, №3, с. 25–30]. Летописи были опубликованы в выпусках журнала печатного органа Якутской и Вилюйской епархии «Якутские епархиальные ведомости» (далее – ЯЕВ) конца XIX – начала XX в. и касались ряда церквей. «Якутские епархиальные ведомости» начали выходить в 1887 г. и были высоко оценены современниками с точки зрения их значения для истории епархии и Якутской области. Инициатива издания и первые статьи принадлежали епископу Якутскому и Вилюйскому Иакову, который по прибытию на Якутскую кафедру ходатайствовал об учреждении журнала. Епископ разработал программу издания, которая отражала нужды населения и проводилась в народ церковными причтами [ЯЕВ 1898, №2, с. 19–23]. Главные редакторы ведомостей на протяжении всего времени существования журнала до 1917 г. следовали первоначальной программе и поощряли присылку статей из самых отдаленных поселений Якутской епархии, особенно имеющих местный интерес и «служащих к изучению края в этнографическом, бытовом и религиозно-нравственном отношении» [ЯЕВ 1898, №2, с. 21]. Летописи размещались в разделе «Летописи и описание церквей». Не раз на страницах журнала публиковалась реакция читателей на статьи, уточняющая и подтверждающая помещенную в них информацию, что позволяет относиться с доверием к публикуемому, а также судить о типичности описываемых явлений.

На примере летописей двух деревянных церквей Вилюйского округа будут показаны возможности их как источника. Обе церкви — Нюрбинская Николаевская и Шеинская Георгиевская, ныне утрачены. О Нюрбинской церкви из дополнительных источников известно, что она была закрыта в 1920-х гг., здание было разобрано, материал перенесен в центр пос. Нюрба, из него построили Дом сокультуры [ПМА2015]. Информация о Шеинской Георгиевской церкви осталась только в перечнях церквей и ее летописи. Сохранились старые фотографии церквей.

Новизна работы связана с тем, что впервые анализируются летописи церквей как источник для изучения православной церковной архитектуры Якутии. Впервые поднимается источниковедческий вопрос в указанном аспекте, несмотря на существование ряда работ по проблемам строительной культуры и православного зодчества Якутии [Дьяконова 2017; Ополовников, Ополовникова 1983; они же, 1986; Решетников, Гудков 2019, т. 21, №2, с. 37–51].

Для достижения цели исследования использованы общенаучные и исторические методы и методические приемы, специфические методы case-study и контент-анализа. Понятие «православная церковная архитектура» имеет расширительный характер, под ним понимается не только здания церквей и характеристика их архитектурных особенностей, но и их интерьер, обустройство богослужбной утварию, дополнительные здания и сооружения, находившиеся на церковной территории, а также обстоятельства возведения зданий.

Полученные результаты и их обсуждение. Характеристика летописи Нюрбинской Николаевской церкви Вилюйского округа Якутской области. В летописи Нюрбинской Николаевской церкви Вилюйского округа, автор которой не указан, сообщается, что место, где стоит церковь, в 1823 г. было озером Нюрба, имевшим в окружности более шестидесяти верст. Вокруг озера жили беднейшие якуты, промышлявшие рыбой и дикими оленями.

Озеро было соединено с рекой Вилюем. В результате вода из озера ушла, образовался огромный луг, изобилующий богатыми пастбищами и покосами. Местность была названа по наименованию озера «Нюрба». Там расположилось восемь якутских наслегов (поселков).

Через сорок восемь лет после выпуска озера в реку якуты Мархинского улуса предложили выстроить в Нюрбе церковь. По общему согласию при участии священника Варфоломея Попова люди избрали место для ограда церкви там, где ранее находилось озеро. По преданию, в день выбора туда прилетели два орла и много других птиц. Орлы трижды облетели место, где в дальнейшем поставили церковь, поднялись вверх, один полетел в южную сторону, другой в северную, остальные птицы разлетелись на четыре стороны. Кроме того, до этого происшествия старики слышали доносившийся оттуда колокольный звон. Эти события стали причиной выбора места постройки церкви.

20 августа 1844 г. по благословению архиепископа Иркутского, Нерчинского и Якутского Нила участвовавшим в выборе места священником В. Поповым был заложен храм, на постройку которого пожертвовали якуты, жившие в улусе. Храм был построен в 1850 г., здание его определили как прочное. 2 мая того же года храм был освящен во имя святителя Николая Мирликийского Чудотворца по благословению архиепископа Нила священником Димитрием Хитровым, который в дальнейшем стал епископом Якутским и Вилюйским Дионисием.

Приход был большим, поэтому архиепископ просил якутов выстроить еще три часовни по наследам. Были построены: одна на урочище Мегежек во имя святителя Иннокентия, с празднованием также Архистратигу Михаилу, освящена 5 ноября 1873 г. Другая — в Таркайском наслеге во имя святителя Иннокентия, освящена в том же году. В Одейском наслеге возвели часовню во имя святителя Иоанна Златоуста, освящена в 1876 г.

В 1872 г. по благословению епископа Дионисия была построена новая колокольня из лиственничного круглого леса, в стенах четырехугольная, трехъярусная, вышиной 6 саж. В летописи указано, что из утвари в церкви были священные сосуды с принадлежностями, св. евангелие с ризой, кресты серебряные, обширная ризница. Перечислены пожертвования, ризы на иконы, составлявшие убранство церкви: риза серебряная, весом 7 фунтов, ценой 270 руб., пожертвованной вдовой священника Евдокией Михайловой Поповой к местной иконе Божией Матери; серебряные ризы на икону святителя Николая и на икону св. Митрофана и апостола Варфоломея, по 7 фунтов каждая, общей стоимостью 600 руб.; риза на местную икону Господа Вседержителя, серебряная под золотом, весом 11 фунтов, ценой 540 руб.

Приписанная к церкви Александроневская часовня отстояла от Нюрбинской церкви в десяти верстах. Она была построена в память избавления от угрожавшей опасности императора Александра II. 29 октября 1875 г. она полностью сгорела, как было установлено, от того, что прогорела железная труба. В том же году крестьяне просили благословения строить новую часовню и получили разрешение, но не начали строительства до 1877 г. из-за начавшейся эпидемии и многолетнего неурожая сена. Для русских крестьян и якутов, преимущественно занимавшихся разведением и продажей крупного рогатого скота и лошадей, неурожай сена был серьезным уроном, корма для животных не хватало, пришлось сокращать их численность. Продажи сократились. Денег на строительство не было.

Летопись Шеинской Георгиевской церкви Вилюйского округа Якутской области. В нескольких выпусках журналов 1909 г. была

размещена летопись Шеинской Георгиевской церкви Вилюйского округа Якутской области [ЯЕВ 1909, № 1, с. 8–14; № 2, с. 74–78]. Ее автором был священник Григорий Попов. Предполагалось, что летопись будет иметь несколько разделов: «О начале возникновения церкви и прихода», «О церковно-приходской школе», «О кладбищах», «Религиозно-нравственное состояние прихожан Шеинской Георгиевской церкви. Последний раздел опубликован не был.

Из летописи следует, что Шеинская Георгиевская церковь была построена в 1891 г. на средства почетного инородца Бутуканского наслега Сунтарского улуса Вилюйского округа Георгия Петровича Терешкина, который был известным предпринимателем и благотворителем. Из других источников известно, что Георгий Петрович Терешкин избирался головой Сунтарского улуса три срока. За время его управления Сунтарский улус был подключен к телеграфной сети Восточной Сибири, открыты почтовые конторы. В 1900 г. Г.П. Терешкин вместе с учителем Д.Д. Сивцевым в качестве представителей от якутского народа приняли участие во Всемирной выставке в Париже. Они показали представителям многих народов мира уникальные экспонаты, рассказывающие о быте и хозяйстве якутов. Эти экспонаты, пожертвованные ими, были переданы в западноевропейские музеи. В 1910 г. губернатор Крафт объявил благодарность Г.П. Терешкину за пожертвование в распоряжение улусного общества 1000 руб. и 50 стогов сена стоимостью 5000 руб., а также усадебной земли в размере пяти десятин с постройками на ней для постройки училища на местности Шея. Известно, что Терешкин также на свои средства построил Шеинскую школу, здания Ботомойской Казанской и Шеинской Георгиевской церквей. Он пожертвовал значительную сумму денег и имущества в Сунтарскую школу, Вилюйскую гражданскую больницу, Якутскую женскую гимназию, Спасский мужской монастырь, Хатын-Аринскую богадельню [ПМА2015].

Г.П. Терешкин был бездетен, что привело его к решению вести благотворительную деятельность. Автор летописи утверждает, что по убеждению якутов «Кто не имеет детей, у такого, ... жизнь бесцельна: не для кого трудиться, не для кого жить. У таких людей, еще при жизни их, обстановка и устройство дома, и хозяйство приходят к разрушению, а после смерти от их существования не остается... никакого следа». После смерти их богатства расхищались, хозяйство расстраивалось и уничтожалось и «и мимо их разрушенного пепелища никому не охота и пройти: остатки в обломки дома наводит на прохожего якута только суеверный ужас» [ЯЕВ 1909, №1, с. 8].

Автор летописи сообщал, что щедрый благотворитель был религиозен, считал, что

его богатство было дано ему Богом, и думал, что строительство храмовых зданий должно охранить его от забвения и составит памятник его имени. Его намерение построить еще одну церковь было поддержано приходским священником, поскольку существовавшая приходская церковь находилась далеко от местожительства благотворителя, ее было трудно посещать.

В 1887 г. Терешкин подал прошение о строительстве храма епископу Якутскому Иакову. В том же году было получено разрешение и заготовлены материалы для строительства. Строительство встретилось с препятствиями бюрократического характера со стороны влиятельных родственников благотворителя, которые не хотели делить приход, считая, что это потребует много дополнительных средств, которые лягут на плечи прихожан. Все же к 1891 г. деревянный однопрестольный храм был построен в местности Шея и готов к освящению, куплена утварь для богослужений. При огромном стечении народа 25 и 26 ноября в присутствии Якутского епископа Мелетия собором священно-церковнослужителей было торжественно совершено освящение Шеинской церкви в честь небесного покровителя строителя церкви — св. Георгия Победоносца, а также в честь св. равноапостольный Феклы. Устройство нового храма, его экстерьер и интерьер характеризовались красотой и изяществом, он был полностью оборудован всем необходимым. Первоначально к церкви было причислено 2500 прихожан, число которых в дальнейшем было увеличено до 3000.

Приходу церкви было дано название Шеинский по названию местности, где построена церковь. В летописи уточняется, что местность названа «Шея», что является искаженным тунгусским словом «сегя», означавшее «изгородь для оленей». По рассказам стариков-якутов, прежде там обитали тунгусы, занимавшееся оленеводством, чьи изгороди для оленей оставались долгое время. Ко времени строительства церкви местность была оставлена тунгусами, которых вытеснили прибывавшие с востока якуты. Тунгусы постепенно передвигались на запад вверх по течению р. Вилюя, покидая эти края.

В летописи перечислены постройки для причта: священнический дом, деревянный, построенный Терешкиным в 1892 г.; при нем три амбара, погреб, псаломнический дом, деревянный, построенный в 1893 г. также Терешкиным, при нем два амбара и погреб. В пользовании причта была баня, построенная на средства прихожан в 1895 г.

В разделе «О церковно-приходской школе говорится» о том, что в 1892 г. с разрешения епископа Мелетия при Шеинской Георгиевской церкви была открыта церковно-приходская школа. Вначале она помещалась в здании, пожертвованном благотворителем Терешкиным. Площадь этого здания составляла 3 кв. сажени. В первое время оно удовлетворяло потребности населения, но потом стало тесным. В 1906 г. было построено новое здание, размером 3х4 саж. Оно отделилось от старого здания сенями. Внутри здания было 4 комнаты, отапливаемыми голландской печью и камином. Затем новое здание отдали под квартиру учителя, а в помещении старого здания устроили класс, спальню учеников и сторожку.

Из раздела «О кладбищах» следует, что рядом с церковью кладбища не было и объяснена причина этого. По обычаю предков якуты хоронили умерших на возвышенных живописных холмах, среди чащи березняка или лиственницы, на берегу речек или озер или на краю леса. Очень редко они делали захоронения рядом со своими поселениями.

Над могилами они устраивали деревянные памятники в виде домиков, на крыше которых были поставлены большие деревянные кресты. Памятники окрашивали масляными красками, а внутрь их через решетчатое окошечко вкладывались каменные плиты с надписями. Среди кладбища часто ставили один крашенный крест, общий для всех могил, а само кладбище огораживалось изгородью.

Для отпевания и похорон якуты редко приносили умерших в церковь. Большей частью при церкви хоронили тех умерших, которые не имели наследников и поэтому, еще при жизни свое имущество завещали в церковь на помин души. Из русских в ограде Шеинской Георгиевской церкви был похоронен священник Ботомойской Казанской церкви Мисаил Павлович Попов, служивший долгое время при этой церкви.

Выводы. Несмотря на некоторую неполноту изложения, отсутствие полных описаний, в летописях можно обнаружить основные даты существования церквей: время их постройки, освящения, происшествий. Можно рассчитать сроки от закладки здания до его возведения, оценить причины задержки строительства. Указаны здания архитектурных комплексов: колокольни, часовни, учебные, жилые и хозяйственные здания и сооружения, а также их размеры. Описания утвари немногочисленны, но дают некоторое представление об интерьере. Можно найти причины выбора места расположения церкви, местные особенности устройства кладбищ рядом с церк-

вью. Упомянуты географические и этнокультурные особенности обстоятельств храмового строительства, влиявшие на него традиции и верования местных жителей. В летописях указаны имена жертвователей, инициаторов и исполнителей работ, что дает возможность связать историю церковного зодчества Якутии с именами причастных к нему людей и с общей историей храмового зодчества России. Летописи церквей могут служить ценными источниками для изучения православной церковной архитектуры Якутии, дополняющими информацию других видов и типов источников.

Благодарности. Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0003 «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика».

Список литературы

1. Дьяконова С.А. Архитектурно-художественная культура этноса саха. Новосибирск, 2017. Автореф. дисс. на соиск... канд. искусствовед. 181 с.
2. Матханова Н.П. Записки православных священников об изучении и освоении северных территорий Сибири в XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. №3. С. 25–30.
3. Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Деревянное зодчество Якутии. Якутск: Якутское книжн. изд-во, 1983. 128 с.
4. Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Черты самобытности в памятниках деревянного зодчества Якутии // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 109–128.
5. Решетников А.Я., Гудков А.А. Влияние русской строительной культуры на традиционную архитектуру народа саха в XVII–XVIII вв. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019. Т. 21. №2. С. 37–51. DOI: 10.31675/1607-1859-2019-21-2-37-51.
6. Якутские епархиальные ведомости. 1898. №2.
7. Якутские епархиальные ведомости. 1909. №1.

8. Якутские епархиальные ведомости. 1909. №2.

References

1. D'yakonova S.A. Arkhitekturno-khudozhestvennaya kul'tura etnosa sakha (Architectural and artistic culture of the Sakha ethnic group). Novosibirsk, 2017. Abstract of dissertation for Cand. art criticism. 181 pp.
2. Matkhanova N.P. Zapiski pravoslavnykh svyashchennikov ob izuchenii i osvoenii severnykh territorii Sibiri v 19th centuries (Notes of Orthodox priests on the study and development of the northern territories of Siberia in the 19th century). In: Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2016. Vol. 23. No 3. P. 25–30. (In Russ.)
3. Opolovnikov A.V., Opolovnikova E.A. Derevyannoe zodchestvo Yakutii (Wooden architecture of Yakutia). Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izd-vo, 1983. 128 p. (In Russ.)
4. Opolovnikov A.V., Opolovnikova E.A. Cherty samobytnosti v pamyatnikakh derevyannogo zodchestva Yakutii (Features of originality in the monuments of wooden architecture of Yakutia) In: Problemy okhrany i osvoeniya kul'turno-istoricheskikh landshaftov Sibiri. Novosibirsk, Nauka, 1986. Pp. 109–128. (In Russ.)
5. Reshetnikov A.Ya., Gudkov A.A. Vliyanie russkoi stroitel'noi kul'tury na traditsionnyu arkhitekturu naroda sakha v 17–18th cent. (The influence of Russian building culture on the traditional architecture of the Sakha people in the 17–18th centuries). In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. 2019. Vol. 21. No 2. Pp. 37–51. (In Russ.)
6. Yakutskie eparkhial'nye vedomosti. 1898. № 2. (In Russ.)
7. Yakutskie eparkhial'nye vedomosti. 1909. № 1. (In Russ.)
8. Yakutskie eparkhial'nye vedomosti. 1909. № 2. (In Russ.)

Список источников

1. ПМА2015 — полевые материалы автора. Материалы Сибирского этнографического отряда 2015 г., начальник отряда доктор ист. наук А.Ю. Майничева.

Материал передан в редакцию 26.05.2025

Д.А. Смирнов
ООО «Первый Проектный»
г. Омск, ул. Красный Путь, 89, 644063
архитектор, магистр архитектуры
<https://orcid.org/0000-0001-5824-6941>

Дворец пионеров в Омске как пример синтеза искусств

Аннотация

На основании архивных документов, материалов периодической печати и личных воспоминаний в статье представлена целостная историческая картина формирования одного из главных объектов наследия советского модернизма в г. Омске — Дворца пионеров. Открытый в 1977 г. Дворец представляет собой интерес как результат творческих усилий большого коллектива архитекторов, скульпторов и художников. Статья посвящена определению взаимосвязи различных видов искусств: архитектуры, скульптуры, живописи, воплощенных в данном архитектурном произведении. Выявлена роль конкретных архитекторов, скульпторов и художников и степень их участия. Рассмотрены особенности архитектурного облика здания, придавшие ему уникальные черты.

Ключевые слова: дворец пионеров; Омск; синтез искусств; Омскгражданпроект; архитектура; живопись; скульптура

D. Smirnov
ООО "First Project"
г. Omsk, 89, Krasny Put St., 644063
Architect, Master of Architecture
<https://orcid.org/0000-0001-5824-6941>

Palace of Pioneers in Omsk as an example of art synthesis

Abstract

Based on archival documents, periodicals and personal recollections, the article presents a holistic historical picture of the formation of one of the main heritage sites of Soviet modernism in Omsk — the Palace of Pioneers. Opened in 1977, the Palace is of interest as a result of creative efforts of a large team of architects, sculptors and artists. The article is devoted to determining the interrelation of different types of art: architecture, sculpture, painting, embodied in this architectural work. The role of specific architects, sculptors and artists and the degree of their participation is revealed. The peculiarities of the architectural appearance of the building, which gave it unique features, are considered.

Keywords: palace of Pioneers; Omsk; art synthesis; Omskgrazhdanproekt; architecture; painting; sculpture

Введение. Пионерское движение в СССР зародилось 19 мая 1922 г. на Второй Всероссийской конференции Российского коммунистического союза молодежи, принявшей резолюцию «Детское движение», которая положила начало созданию единой детской коммунистической организации на всей территории СССР. В конце 1922 г. в ряде городов и сел появились первые пионерские отряды.

В 1930-е гг. пионерские отряды осваивают военно-оборонную работу, создают кружки юных стрелков, медиков, связистов, проводят военно-спортивные игры. С началом Великой Отечественной войны пионеры стремились во всем помогать взрослым в борьбе с врагом, как в тылу, так и на фронте, в партизанских отрядах и подполье. В послевоенные годы вектор интересов пионерского движения стал меняться в сторону

научно-технического творчества. В то время почти все Дворцы пионеров располагались в исторических зданиях, например, в бывших купеческих особняках, переоборудованных под новые нужды советской власти [Куценко, Фурин, 1971, с. 332]

В Сибири первый пионерский отряд появился на Омской суконной фабрике в августе 1922 г. 15 марта 1936 г. в Омске было открыто здание Дома пионеров. Он располагался в бывшем доме Акмолинского губернатора, который находился на современной Соборной площади, реконструированной в конструктивистском стиле в 1930-е гг. Дом пионеров долгие годы пользовался популярностью у населения, но в начале 1970-х гг. был снесен из-за ветхости здания.

Пионерское движение зародилось 19 мая 1922 г., во время II Всероссийской конференции РКСМ, на которой была принята резолюция «Детское движение», положившая начало созданию единой детской коммунистической организации по всему СССР. В конце 1922 г. возникли первые пионерские отряды в целом ряде городов и селений.

В 1930-х гг. пионерские коллективы осваивали военно-оборонную работу; создавались кружки юных стрелков, санитаров, связистов, проводились военно-спортивные игры. С началом Великой Отечественной войны пионеры стремились во всем помогать взрослым в борьбе с врагом, как в тылу, так и на фронте, в партизанских отрядах и подполье. В послевоенные годы вектор интересов пионерского движения начал меняться в сторону научно-технического творчества. В то время практически все Дворцы пионеров располагались в исторических зданиях, например, в бывших купеческих особняках, переоборудованных под новые нужды советской власти.

В Сибири первый пионерский отряд появился при Омской суконной фабрике в августе 1922 г. 15 марта 1936 г. в г. Омске было открыто здание Дома пионеров. Оно размещалось в реконструируемом здании Акмолинского губернатора, который находился на современной Соборной площади. Дом пионеров долгие годы пользовался популярностью у населения, но был снесен в начале 1970-х гг. в связи с ветхостью здания и планами по переезду в новое здание.

Полученные результаты и их обсуждение. История проектирования современного здания Дворца пионеров в г. Омске берет свое начало в 1968 г. В этом году омским горисполкомом, в соответствии с утвержденным проектом детальной планировки центра Омска, было подготовлено решение о создании городского Дворца пионеров на 1500 посещений. Здание должно было разместиться в Куйбышевском районе города на территории Луговых улиц, между рекой Омь. К строительству здания планировали приступить в 1970 г. на основе индивидуального проекта [ГИАОО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 173. Л. 47–48.]

В 1970 г. архитектор Ю.А. Захаров разработал индивидуальный проект Дворца пионеров. Участок под строительство Дворца находился в районе бывших Луговых улиц, где располагался стадион «Трудовые резервы». Территория Дворца с западной и северной стороны была ограничена р. Омь, с северной — магистралью, с юга — берегом Иртыша. В проекте Захарова Дворец пионеров был задуман как комплекс зданий, состоящий из нескольких объемов: спортивного

корпуса, клубной части и зрелищного блока на 800 мест. Со стороны реки к зданию Дворца примыкала площадь плац-парадов. За счет насыпи прибрежной территории на 3–4 м, предотвращающей затопление участка, создавался искусственный стилобат. При проектировании Дворца пионеров архитектор использовал опыт Москвы, Киева, Ульяновска.

Здание Дворца представляло собой трехэтажный объем, пронизанный сквозными проходами на площадь плац-парадов. На первом этаже Дворца находились вестибюльные помещения с гардеробом, административные кабинеты и кафе, выходящее на реку Омь. На втором этаже располагались кружковые помещения, планетарий, а также библиотека. В отдельном объеме находился спортзал и плавательный бассейн.

В том же году Захаров представил проект на архитектурно-градостроительном совете. На совете архитектор получил комментарий по поводу сметной стоимости строительства Дворца, которая не должна была превышать 2 млн. рублей, а также рекомендации сократить объемы здания, чтобы оно соответствовало масштабу, подходящему для восприятия детей. На совете было одобрено общее решение проекта [ГИАОО. Ф. Р-477. Оп. 2. Д. 576. Л.10,11.].

Из-за нехватки средств работа над проектом Дворца была приостановлена. В 1972 г. Дворец пионеров вернулся в план строительства, однако уже как типовой проект, расположенный в другом месте [ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 4073. Л. 40.]. Архитекторы института ОГП посчитали нежелательным создание типового решения и организовали внутренний конкурс, по итогам которого были разработаны три концепции: (1-я — В.Б. Бадрина, 2-я — С.И. Погадаевой, 3-я — Ю.А. Захарова и В.М. Морозова). Третья версия стала базовой для дальнейшей доработки. В декабре того же года архитектор Ю.А. Захаров, совместно с архитектором В.М. Морозовым, представил проект Дворца пионеров на рассмотрение на градостроительном совете.

Согласно второму варианту проекта, Дворец размещался на территории в 6,8 гектаров, ограниченной ул. Красный Путь, оврагом и участком Судоремонтного завода. Здание, рассчитанное на одновременное пребывание 500 человек, включало спортивный павильон, помещения для кружков и развлекательный блок с кинотеатром и залом зрителей вместимостью 500 мест. В ходе разработки архитекторы рассмотрели два варианта расположения Дворца относительно

ул. Красный Путь, чтобы выбрать оптимальный. Архитектурная концепция гармонично вписывалась в ландшафт за счет использования террас и выделяющегося спортивного ядра, расположенного в пойме Иртыша. Здание представляло собой трехэтажное сооружение анфиладной структуры, доминирующим элементом которого являлась башня планетария. Зал для зрителей был выполнен в форме цилиндра. Фасады комплекса предполагалось отделать светлой штукатуркой, дополнив монументальными скульптурными композициями.

В процессе обсуждения проекта были высказаны разные замечания. Зам. начальника Отдела зеленого строительства А.В. Ильковский просил архитекторов принять во внимание вопросы выхода участка Дворца пионеров к р. Иртыш, расположение парковок и развитие парковой зоны в сторону территории ВНИМИ, выделенной вместе с участком Дворца. Архитектор М.М. Хахаев обратил внимание авторского коллектива на небольшой размер Дворца пионеров и потребность расширения комплекса с размещением второй очереди строения на перспективу, а также просил архитекторов отдалить Дворец от магистрали для увеличения плац-площади и уменьшения влияния шума магистрали. Помимо этого, Хахаев отметил неудачное расположение здания на рельефе и сухость фасадных решений.

Архитектор В.П. Овчинников выразил потребность раскрытия круглого объема Дворца на ул. Красный Путь и свободной связи объемов, в отличие от предложенной в проекте жесткой связи, несвойственной для зданий Дворцов пионеров. Также он высказался относительно возможности изоляции затона Дворца гидротехническим сооружением.

Главный архитектор города Ю.Б. Борусевич подытожил обсуждения, сделав заключение о необходимости заглубления строения в глубь участка, доработки фасадов, одоблив ориентацию здания на юг и общее проектное решение. Градостроительный совет настоял на разработке рекомендаций по использованию береговой полосы и комплексного решения территории парка до оврага с сохранением ценных пород деревьев, а также просил объединение Омскстрой и Омскгражданпроект рассмотреть вопрос условий строительства круглого объема сценической коробки [ГИАОО. Ф. Р-477. Оп. 2. Д. 952. Л. 82–86.].

В 1972–1973 гг. Ю.А. Захаров, столкнувшись с творческими разногласиями в коллективе АПМ-1 и необходимостью доработки

проекта в соответствии с требованиями градостроительного совета, принял решение прекратить проектирование Дворца пионеров. На это решение повлияла и его большая занятость на стройке Цирка, а также необходимость оперативной разработки проекта Дворца.

В 1973 г. под руководством С.И. Погадаевой команда АПМ-1 создала третью версию проекта Дворца пионеров, исходя из пяти предварительных концепций. Чтобы определить окончательный вид здания, архитектор В.Б. Бадрин решил обратиться к будущим посетителям Дворца — детям. Он организовал встречу с пионерами и предложил им нарисовать свои фантазии о том, каким они видят будущий Дворец. Исследуя детские рисунки, архитектор выбрал центральную идею, которая прослеживалась во всех работах и напоминала сказочный замок, окруженный рощей, на берегу Иртыша [«Каким ты будешь, сказочный замок?». Молодой Сибиряк. — 1973. — 24 апр.].

Руководство института, стремясь поддержать архитекторов в проектировании Дворца, организовало командировку В.Б. Бадрина в южные города СССР, где активно возводились учреждения для детей: Ташкент, Алма-Ата, Самарканд и Бухара. По словам архитектора, опыт проектирования Дворцов пионеров в восточных городах оказался сложным для адаптации в Омске из-за климатических, строительных и культурных различий. Тем не менее, это дало ему необходимое творческое вдохновение.

В апреле 1973 г. на Архитектурно-градостроительном совете по проекту Дворца выступила Светлана Ивановна Погадаева [ГИАОО. Ф. Р-477. Оп. 2. Д. 1052. Л. 37-40.]. В разработке проекта принимали участие многие молодые архитекторы, присоединившиеся к коллективу АПМ-1 в начале 1970-х гг. Они работали под руководством ГАПа С.И. Погадаевой и руководителя группы В.Б. Бадрина. Генеральный план разрабатывали В.М. Морозов и А.П. Кичигина, а архитектурное проектирование зрительного зала выполняла Р.А. Юмакаева, в то время как кружковую (клубную) часть проектировала А.П. Кичигина, а В.М. Морозов — бассейн для судомоделирования. Разработкой интерьеров занимались: фойе — С.В. Москалюк и В.А. Шевченко, вестибюля — А.А. Гаценко, спортивного зала и бассейна — В.М. Морозов, музея и ленинской комнаты — Л.Л. Борисенко, зрительного зала — Р.А. Юмакаева и Е.С. Манакова, а кинолектория — Л.П. Шамшурина.

Здание находилось на участке, находящемся по ул. Красный путь рядом с Дворцом

культуры «Юбилейный», с южной стороны ограниченным затоном Судоремонтного завода и р. Иртыш. Комплекс размещался с отступом от ул. Красный Путь на 75 м. Дворец пионеров получил интересное архитектурно-планировочное решение. Двухэтажное здание Дворца имело павильонную структуру. В его формообразовании образовывался внутренний дворик, который был заложен с учетом возможного перекрытия стеклянным куполом. На территории имелось спортивное поле и игровые площадки, размещенные в северо-западной части участка.

При обсуждении проекта архитектор А.И. Юмакаев отметил выгодное расположение Дворца относительно города, интересную композицию комплекса и рекомендовал проект к утверждению. Главный инженер Отдела архитектуры М.М. Хахаев предложил авторскому коллективу подумать над вопросами усиления фундамента для возможной надстройки третьего этажа, выразил сомнения в архитектурном решении спортивного блока, а также отметил недостаточную увязку рельефа со зданием и отсутствие пешеходных связей.

Архитектор В.П. Овчинников выразил мнение, что ориентация площади плац-парадов на запад является неудачной. Главный архитектор Омска Ю.Б. Борусевич также отметил этот недостаток, указав, что пионерские сборы и линейки проводятся в утренние часы, когда на площадь падает тень от фасадов.

В целом, проект получил одобрение для дальнейшей разработки с учетом замечаний. Важно учесть формирование архитектурного облика здания, который должен отражать его функциональное назначение как учреждения для детей и юношества; правильную ориентацию внутренней площади относительно здания; возможность надстройки для будущего расширения комплекса Дворца пионеров; а также рекомендации рассмотреть проект Дворца пионеров с участием общественности, учитывая существующий Дом пионеров.

Дворец пионеров был спроектирован как двухэтажное здание с четким функциональным разделением помещений, что отразилось в его объемно-пространственной композиции. Комплекс состоял из двух основных частей: корпуса для кружковой работы с пионерским театром и спортивного блока [ГИАОО. Ф. Р-477. Оп. 2. Д. 2028. Л. 7.].

Композиционным центром Дворца стал открытый внутренний дворик, вокруг которого расположены помещения для технических средств обучения, универсальные лаборатории, кабинеты политико-массовой рабо-

ты, мастерские по обработке металла и дерева, библиотека, а также административные и хозяйственные помещения. Каждая группа помещений имеет выход в холлы-рекреации, которые в определенное время могут использоваться как игровые площадки и выставочные залы. В северо-восточной части основного корпуса предусмотрены кружки по авиа-автомоделированию, а также кабинеты радиотехники и кинофотолаборатория.

В юго-западной части главного корпуса находилась группа помещений для музыкальных занятий, соседствующая с пионерским театром. Этот театр включал зрительный зал на 500 мест с оркестровой ямой и механизированной сценой, а также артистические и гримерные комнаты, режиссерскую и класс для балета [Дворец среди сосен. Омская правда — 1975. — 3 окт.]. Интерьер зрительного зала был оформлен с акцентом на контраст между ритмичными звукорассеивающими панелями потолка и сдержанной отделкой стен. Световые полосы и подсветка создавали увлекательную игру света и тени. Цветовая гамма зала была выдержана в теплых тонах, а мебель, обитая красной тканью, придавала атмосферу парадности и торжественности, характерную для пионерского театра и Дворца пионеров в целом.

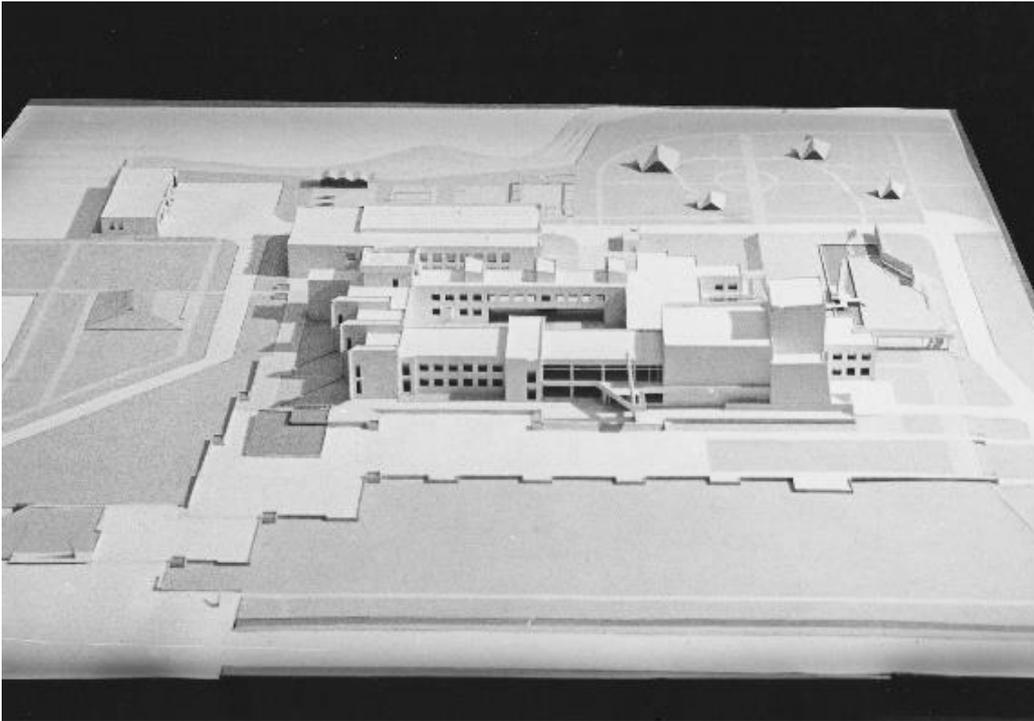
Вестибюль Дворца соединялся с фойе через парадную открытую лестницу, связывая пионерский театр с кружковой частью. Он был оформлен в светлых холодных тонах, а мозаичный пол в сочетании с большими витражными окнами придавал помещению легкость. Фойе, предназначенное для проведения торжественных мероприятий, было оформлено в теплых тонах.

Все фасады Дворца были выполнены в светлой цветовой гамме с использованием каменной штукатурки на основе белого цемента и мраморной крошки. Плоскости стен украшены рисунком швов глубиной 20 мм, что придает фасадам человеческий масштаб. Главный фасад здания оформлен чередованием глухих плоскостей и оконных проемов, а ряды окон разделены навесными железобетонными ламелями. Входная зона выделяется большим витражом на два этажа, украшенным декоративными элементами на пионерскую тематику. Пилон главного фасада, оформленный рисунком с атрибутами пионерских игр и занятий, выполнен из цветного мрамора, гранита и смальты, что подчеркивает специфику детского учреждения.

Перед зданием была спроектирована главная площадь, соединяющаяся с площадью для плац-парадов. Понижение рельефа

на главной площади компенсировалось поднятием здания на стилобат, что придавало комплексу особую торжественность. Центральным элементом композиции площади плац-парадов стал флагшток, установленный у декоративного бассейна, расположенного по оси площади. Галерея главного корпуса также выходила на площадь парадов, обеспечивая прямой доступ. На южной стороне участка разместили детские игровые площадки, а на восточной – учебно-опытные

зоны (географическая, метеорологическая, площадка для сбора овощей и полевых культур, зоологическая и дендрарий) и спортивные площадки (волейбольная, баскетбольная, легкоатлетическая и теннисный корт). На площади плац-парадов находился декоративный бассейн, предназначенный для испытания судомоделей. Для удобного доступа к Дворцу через улицу Красный Путь был спроектирован подземный пешеходный переход (ил. 1).

Ил. 1. Макет комплекса Дворца пионеров, 1975 г. Личный архив В.М. Морозова
Fig. 1. General plan of the territory in 1973. Personal archive of V.M. Morozov

На южной стороне участка был спроектирован кордром для испытания автомобильных моделей. Рядом с ним располагалась зеленая роща с высокими древними соснами. Архитекторы предложили установить там малые архитектурные формы для развлечения детей, включая павильон-читальню, мозаичную композицию в виде солнечных часов, деревянный дом из страны Берендея, виадук, тоннель, альпийскую горку, дерево для лазанья, дорожные знаки, цветочницу и другие элементы. Некоторые из них были успешно реализованы.

В 1975 г. к проектированию комплекса Дворца пионеров присоединился В.А. Десятов, который возглавил проектную группу художественно-производственных мастерских в качестве художника-проектировщика. Виктор Десятов разработал проект декоративного оформления прилегающей к Дворцу

территории, интерьеров основных помещений, корпусной мебели и оформления самого здания. Главной идеей благоустройства площади стал террасированный диагональный подход к Дворцу, заменивший прежнюю концепцию, при которой главная площадь была разделена.

В результате корректировки проекта изменились площадь и решение стилобата у главного фасада, лестница которого также была оформлена с диагональным раскрытием. Благодаря Десятову был разработан стилобат, пилон главного входа, облицованный цветной глазурованной плиткой, а также декоративная решетка ограждения территории Дворца, которая отражала идею пионерского огня. Кроме того, были предусмотрены флагштоки на главной площади, площадки, деревянные дома и другие элементы благоустройства и интерьеров здания в пионерском городке.

В интерьере Дворца было реализовано множество интересных решений. В фойе второго этажа установлено скульптурное панно работы Ф.Д. Бугаенко, а оформление плавательного бассейна выполнено по эскизам художника Ю.П. Козлова. Потолки вестибюля, фойе и зрительного зала оформлены асбестоцементными плитами с встроенными светильниками. Двери облицованы ясеневым шпоном и покрыты светлым лаком, а дверные ручки изготовлены из листовой латуни. Простенки отделаны деревянными рейками, а в зрительном зале стены облицованы армированными панелями, созданными по специальным матрицам.

В помещениях применялось индивидуальное оборудование, представленное сидениями зрительного зала, экспозиционного оборудования — трансформирующихся перегородок со встроенными поворачивающимися светильниками, рабочих столов, подставок для цветов, конвекторов системы отопления и т.д. В музее пионерской организации использовались уникальные экспозиционные элементы, такие как навесные планшеты, стенды и объемные витрины. По эскизам художников стены и полы Дворца были отделаны благородными материалами, включая травертин, ракушечник, силакпор, туф и мрамор шести различных оттенков [Рождение Дворца. Омская правда — 1977. — 3 мар.].

Строительство Дворца пионеров началось в январе 1975 г. Главной организацией, ответственной за возведение здания, стало СМУ-1 треста № 1 [ГИАОО. Ф. Р-477. Оп. 2. Д. 1547. Л. 6–8.]. Финансирование осуществлялось за счет средств, собранных во время коммунистических субботников, что иногда приводило к задержкам в поставках строительных материалов и выполнении работ. Поскольку этот объект имел большое значение, он часто подвергался различным ведомственным проверкам, которые, как правило, способствовали ускорению строительного процесса.

Во время строительства строителям удалось сохранить сосну, которая до сих пор растет во внутреннем дворике Дворца. Работы велись активно, и в лучшие месяцы на объекте трудилось до 200 рабочих. Однако ситуацию осложняли периодические задержки с поставками строительных материалов и сложного оборудования для сцены, калориферов и других элементов, а также затянувшаяся разработка проектных решений интерьеров, выполняемая художественным фондом.

Здание планировали сдать в эксплуатацию ко дню рождения пионерской организации — 19 мая 1977 г., но не успевали к назначенному сроку из-за низких темпов строительства. В августе 1976 г. директор ОГП В.С. Прокопенко издал приказ о создании группы авторского надзора в лице А.А. Гиляровского — ГИПа, О.М. Прохорова — старшего инженера и В.А. Морозова — руководителя архитектурной группы, которые должны были работать непосредственно на строительной площадке и контролировать все возникающие вопросы [ГИАОО. Ф. Р-1104. Оп. 2А. Д. 808. Л. 57.]. Остальные архитекторы, участвовавшие в разработке проекта, на момент его строительства были заняты на других объектах, поэтому вся ответственность за сдачу объекта легла на плечи молодому архитектору — Валерию Михайловичу Морозову, который долгое время проводил на стройке.

Дворец пионеров был торжественно открыт 30 декабря 1977 г. В фойе второго этажа состоялась первая пионерская линейка, на которой строители передали пионерам символический ключ, который до сих пор хранится в музее пионерской организации [С новосельем, Пионерия. Омская правда — 1978. — 1 янв.]. «Этот Дворец — одно из лучших зданий Омска. Его строительство — символ заботы партии и правительства о будущем нашей Родины, о поколениях юных ленинцев», — отметил на открытии председатель горисполкома И.Ф. Литвинчев [Дом, распахнувший двери. Молодой Сибиряк — 1978. — 3 янв.].

В 1980 г. Госстрой РСФСР наградил проектировщиков ОГП дипломом I степени и денежной премией за «интересное решение интерьеров, хорошие технико-экономические показатели и отличное качество строительства» [ГИАОО. Ф. Р-1104. Оп. 2А. Д. 889. Л. 93.]. По словам Н.Г. Грицевича, посещение Дворца пионеров стало неотъемлемой частью программ визитов зарубежных делегаций [Грицевич, 2013. с. 94].

Комплекс Дворца пионеров был оформлен в масштабном декоративно-художественном стиле. На фасаде спортивного блока установлено металлическое панно «Дети и спорт» скульптора В.А. Погодина. Одним из ключевых скульптурных элементов территории стало монументальное панно «Пионерия» длиной сорок метров, созданное художниками Н.Н. Третьяковым и Г.А. Штабновым, которые увековечили славные достижения юных ленинцев с помощью бетона и мраморной крошки [Фотоинформация. Омская правда — 1977. — 22 окт.] (ил. 2).

Ил. 2. Скульптурное панно на площади построений. Архив музея истории института «Омск-гражданпроект»

Fig. 2. Sculptural panel on the construction square. Archive of the History Museum of the Institute "Omskgrazhdanproekt"

Для безопасного передвижения детей к зданию Дворца, всего за несколько месяцев до его открытия, был реализован подземный пешеходный переход [ГИАОО. Ф. Р-477. Оп. 2. Д. 1547. Л. 16–19.]. В целях улучшения архитектурного облика перехода был привлечен художник Ростислав Черепанов, который оформил стены керамической плиткой, переведя на нее вручную рисунки местных детей. Итого вышло около 18 000 мелких глазурованных плиток с уникальными изображениями. Также на территории разместилась остановка общественного транспорта, которая обеспечила кратчайший доступ детей к зданию Дворца. В 1979 г. была завершена скульптурная композиция «Пионеры на марше», созданная скульптором Ф.Д. Бугаенко. Скульптура, отлитая из чугуна на Омском опытно-ремонтном заводе литейщиком В. Ступицыным, была смонтирована рабочими моторостроительного завода: формовщиком Н. Бересневым и электросварщиком П. Коржом [Скульптура у Дворца пионеров. Вечерний Омск — 20 окт. 1979]. Эта композиция изображает пионеров с характерными атрибутами — знаменем, книгой, моделью,

снопом и барабаном, символизируя их творческие увлечения, такие как конструирование, натуралистическая работа и туризм.

Комплекс Дворца пионеров из-за недостаточного финансирования был реализован не полностью. Некоторые идеи, заложенные в первоначальный проект, остались только в чертежах. Не получили воплощение авторский остановочный павильон и пилон с надписью «Городской Дворец пионеров» у главной площади. Во вторую очередь строительства предполагалось возведение лодочной станции на берегу затона Судоремонтного завода, а также обустройство площадок для культурно-спортивной деятельности пионеров, но они не были воплощены.

Тем не менее Дворец пионеров, как самодостаточный комплекс стал подлинным примером синтеза искусств, воплотив в себе творческие изыскания омских архитекторов, скульпторов и художников. Исторические, архитектурно-градостроительные особенности здания Дворца придают ему уникальные черты (ил. 3).

Ил. 3. Фотография здания, 1978 г. Личный архив С.И. Погадаевой
Fig. 3. Photo of the building, 1978. Personal archive of S.I. Pogadaeva

Выводы. Процесс формирования здания Дворца пионеров в Омске, начиная от первых эскизов, заканчивая торжественным открытием, растянулся практически на 10 лет. Данное здание воплотило в себе лучшие творческие практики архитекторов, скульпторов и художников 1970-х гг. г. Омска. Выявленные особенности архитектурного и художественного облика Дворца позволяют сделать вывод об уникальности этого сооружения, достойного пополнить ряды выявленных памятников культурного наследия, и зафиксировать для потомков имена архитекторов, художников и скульпторов, создавших данное произведение.

Список литературы

1. Грицевич Н.Г. Омск со мной навек [Текст] : воспоминания Н. Г. Грицевича. — Омск : Омская обл. типография, 2013. — 151 с. : ил., портр., цв. ил.; 21 см.; ISBN 978-5-87367-174-8.
2. Куценко Т.А., Фурин С.А. Всесоюзная пионерская организация // Большая советская энциклопедия. Т. 5. М., 1971.

References

1. Gricevich N.G. Omsk is with me forever [Text] [Омск со мной навек]: memoirs of N. G. Gricevich. G. Gritsevich. - Omsk : Omsk regional printing house, 2013. - 151 p. : ill., portrait, col. ill.; 21 cm.; ISBN 978-5-87367-174-8.
2. Kutsenko T.A., Furin S.A. All-Union Pioneer Organization [Всесоюзная пионерская организация]. The Big Soviet Encyclopedia. Vol. 5. Moscow, 1971. In Russ.

Список источников

1. ГИАОО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 173. Л. 47–48.
2. ГИАОО. Ф. Р-477. Оп. 2. Д. 576. Л.10,11.
3. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 4073. Л. 40.
4. ГИАОО. Ф. Р-477. Оп. 2. Д. 952. Л. 82–86.
5. ГИАОО. Ф. Р-477. Оп. 2. Д. 1052. Л. 37–40.
6. ГИАОО. Ф. Р-477. Оп. 2. Д. 2028. Л. 7.
7. ГИАОО. Ф. Р-477. Оп. 2. Д. 1547. Л. 6–8.
8. ГИАОО. Ф. Р-1104. Оп. 2А. Д. 808. Л. 57.
9. ГИАОО. Ф. Р-1104. Оп. 2А. Д. 889. Л. 93.
10. ГИАОО. Ф. Р-477. Оп. 2. Д. 1547. Л. 16–19.
11. Дворец среди сосен. Омская правда — 1975. — 3 окт.
12. Дом, распахнувший двери. Молодой Сибиряк — 1978. — 3 янв.
13. «Каким ты будешь, сказочный замок?» Молодой Сибиряк. — 1973. — 24 апр.
14. Рождение Дворца. Омская правда — 1977. — 3 мар.
15. Скульптура у Дворца пионеров. Вечерний Омск — 20 окт. 1979.
16. С новосельем, Пионерия. Омская правда — 1978. — 1 янв.
17. Фотоинформация. Омская правда — 1977. — 22 окт.

Список сокращений

- АГС — Архитектурно-градостроительный совет
ГИАОО — Государственный исторический архив Омской области
ОГП — Территориальный проектный институт «Омскгражданпроект»

Материал передан в редакцию 14.06.2025

**Объекты, предметы и методы социальной истории архитектуры:
к постановке проблемы**

Аннотация

В статье рассматриваются методы, объект и предмет социальной истории архитектуры, дисциплины, которая устанавливает связи между архитектурными объектами и сообществами, которые их создали, используют или разрушают. Методы классифицированы по принципу усложнения. Объекты классифицированы по линейным размерам, начиная самых крупных. В конце работы приведены три примера: дача А.П.Чехова в Ялте, храмовое строительство старообрядцев и восприятие москвичом перемен в городе, которые были вызваны развитием капиталистических отношений. Задача иллюстраций представить некоторые идеи автора в наглядной форме.

Ключевые слова: предмет социальной истории архитектуры; объект социальной истории архитектуры; методы социальной истории архитектуры; А.П. Чехов; финансирование строительства; старообрядцы; методология исторического исследования

I. Sokolovsky
Institute of History SB RAS
Nikolaeva str. 8, Novosibirsk, Russia, 630090
sokolowski@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1718-6115>

**Objects, subjects and methods of the social history of architecture:
towards the formulation of the problem**

Abstract

The article examines the methods, object and subject of the social history of architecture, a discipline that establishes links between architectural objects and the communities that created, use or destroy them. The methods are classified according to the principle of increasing complexity. The objects are classified by linear dimensions. The examples start with the largest. At the end of the work, three examples are given: A.P. Chekhov's dacha in Yalta, the construction of temples by Old Believers and the perception by a Muscovite the changes in the city that were caused by the development of capitalism. The task of the illustrations is to present some of the author's ideas in a visual form.

Keywords: subject of social history of architecture; object of social history of architecture; methods of social history of architecture; A.P. Chekhov; financing of construction; Old Believers; methodology of historical research

Введение

Научная проблема. Почему существует научная проблема объекта, предмета и методов социальной истории архитектуры? Ответ на этот вопрос довольно прост: как мы все знаем, междисциплинарные границы в очень сильной степени определяют, что именно становится предметом нашего научного интереса. Например, социологи чаще всего изучают город в уже готовом виде, и очень редко занимаются процессом его становления. Социологи никогда не занимаются социологией отдельного дома или улицы. С другой стороны, хотя архитекторы всегда

учитывают вкусы и потребности людей, которые пользуются архитектурными сооружениями, а, значит, историки архитектуры всегда могут принять этот аспект во внимание, однако причины этих вкусов и потребностей всегда остаются за рамками историко-архитектурной науки. Что, собственно, и понятно: странно было бы, если бы архитекторы стали бы выяснять, как именно колониальная торговля преобразила европейскую архитектуру в XVII-XVIII вв., например. Это тогда бы была бы уже не история архитектуры, а совсем другая дисциплина [Левин 2015]. Но какая? На наш взгляд, такой дисциплиной могла бы

статья социальная история архитектуры, которая бы занималась вопросом связи между архитектурой (в широком смысле) и породившим ее обществом. Связи эти интересны, многообразны и достойны изучения. В 2020 году нами уже был прочитан доклад под заглавием «Приемы и методы социальной истории архитектуры» в рамках «Баландинских чтений» 2020 года, и мы не отрекаемся от высказанных там идей [Соколовский 2020]. Но нам кажется, что за те пять лет, которые прошли с момента обнародования этого доклада, мы проделали большую работу, которая позволяет уточнить и углубить те идеи, которые мы разрабатывали в период пандемии.

История архитектуры является разделом архитектуры. Она вполне может питаться тем материалом, который архитектура порождает в процессе своей созидательной деятельности. Историю архитектуры могут интересовать поэтажные планы здания, проработанные с учётом планировочной схемы, функционально-планировочного и объёмно-планировочного решений (архитектурно-планировочное решение здания), внешний вид и интерьеры объекта, выполненные в соответствии с концепцией, выбранным архитектурным стилем, посредством проработки объёмно-пространственного, архитектурно-композиционного решений и архитектурно-художественных приёмов (архитектурно-художественное решение), построение композиции объёмов всего здания, фасадов, интерьеров при обработке объёмно-пространственного решения посредством архитектурники объёмных форм и архитектурно-художественных приёмов (архитектурно-композиционное решение), поэтажные планы, где взаимосвязаны габариты и форма помещений в плане и в общем объёме здания (объёмно-планировочное решение), поэтажные планы, где определены набор помещений, их назначение и функциональные взаимосвязи (функционально-планировочное решение), моделирование внешней формы объёма здания на основе объёмно-планировочного решения (объёмно-пространственное решение). Однако вопросы социальной истории архитектуры в поле зрения историко-архитектурной науки не попадают. Если мы добавим в архитектуру человеческие коллективы: архитектурное бюро, заказчиков, строителей, инженеров, производителей строительных материалов, архитектурных критиков, историков архитектуры, горожан или крестьян, каким образом будут все эти люди взаимодействовать с традиционными проблемами истории архитектуры? Какие тогда возникнут вопросы? Какие проблемы сможет

разрешить этот подход? На все эти вопросы невозможно ответить, не определившись сначала с объектом, предметом и методами данной дисциплины. Ведь архитектура и культурные ландшафты являются самыми яркими и значимыми манифестациями социального, и самыми долгоживущими, способными на тысячелетия пережить своих создателей (мы могли бы сказать, что «Рим — это Колизей и дороги», а Древний Египет — «это храм в Луксоре и пирамиды», что было бы может и не очень верно, зато очень наглядно).

Когда мы говорим о какой-то дисциплине, то для нас важны ее объект и предмет. Для того, чтобы уверенно их различать, мы вынуждены условиться об очевидном, что объекты науки всегда существуют в реальном мире, как «материальные» в широком смысле слова, т.е. обладающие «вещностью». Предмет же, это всего лишь «точка зрения» на объект, включение его в сеть дисциплинарных, понятийных связей. Иначе говоря, предмет — это объект, выступающий не независимо от нас, а как объект нашего познания. Например, один и тот же мужчина может быть предметом антропологии, медицины, истории философии или любой другой дисциплины, оставаясь при этом вполне материальным и единственным в этой своей материальности.

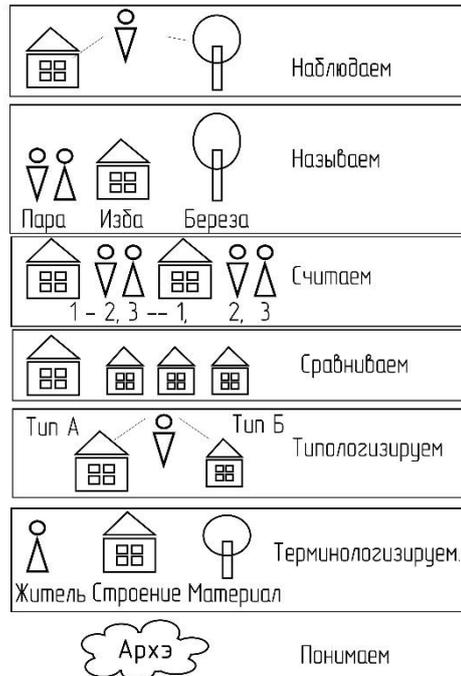
Социальная история. Еще один неизбежный вопрос в определении объекта, предмета и методов социальной истории архитектуры — это вопрос о том, чем, собственно, является «социальная история»? Ибо термин этот уже получил свою прописку в научной литературе, прежде всего в германо- и англоязычной. В этой литературе она понимается как история «снизу», как история, которая интересуется живым опытом прошлого. Данное направление зародилось в 1960-е гг. и было полемически заострено против традиционной политической истории, «истории великих людей», которые выступали как «творцы истории», а остальным классам населения отводилась роль театральных статистов, или, на худой конец, хора из греческой трагедии. В плане самоопределения «социальные историки» противостояли, таким образом, «историкам политическим». Как это показано в известной работе Томпсона «Создание английского рабочего класса» (The Making of the English Working Class (1963)). Поэтому мы вынуждены оговориться, что наш подход к проблеме лишен социального пафоса и в данной статье мы ближе всего стоим в своем понимании к первому определению, который дал социальной истории западногерманский исследователь

Юрген Кока, выделявший два значения: на самом базовом уровне он называет «социальной историей» тот раздел истории, который изучает социальные структуры и процессы. Наряду с политической историей, которая изучает политические структуры и процессы (т.е. механизмы принятия решений и ответственности за них) или историей экономической, где структуры и процессы направлены на получение конечных потребительских благ или извлечение прибыли. Второе значение описывается милым немецким словом *Gesellschaftsgeschichte*, когда история общества берется целиком и с социально-исторической точки зрения. Поэтому для нас не столько важно, определяется ли история поступками великих людей (как мы видим в настоящее время, да, в значительной мере определяется) или сдвиги происходят под влиянием медленных процессов в широких слоях общества (и это тоже верно, что мы тоже наблюдали в последние пятьдесят лет). Для нас только важно, что и великие люди, и простые люди — существа социальные, действующие в каких-то коллективах, которые определяются через коллективную деятельность. Даже монах-отшельник, живущий в Синайской пустыне так или иначе связан с коллективом, через церковное учение, через какие-то простые выполняемые им действия, и, наконец, через условия своего жилища, которые являются хоть и абсолютным минимумом, но все же минимумом архитектуры, даже если это просто пещера, выдолбленная в скале. Потому что существование такой дисциплины как социальная история архитектуры напрашивается само собой, так как архитектура является яркой манифестацией социального порядка и социальной группы с ней связанной.

Вскользь отметим, что наш подход не претендует на полноту и исчерпываемость всех вопросов, которые связывают архитектуру и человека как ее творца и потребителя. Например, возможно, что когда-нибудь мы столкнемся с «психиатрией архитектуры»: архитектура депрессии, архитектура психоза, архитектура шизофрении и т.д. Кандидатов для этого подхода каждый может выбрать сам. Мы же просто отмечаем, что пространство социализированно, а социальность опространствлена, но такой дисциплины до сих пор не появилось. И, возможно, суть проблемы лежит именно в вопросах об объекте, предмете и методах такого исследования. И начать мы хотели бы с методов.

Результаты и их обсуждение

Методы. Почему мы хотели бы поставить на первое место методы? Потому что у всякой научной дисциплины есть в первую голову общенаучные методы исследования. Потому что без использования базовых методов (т.е. способов отыскания истины) мы вряд ли получим науку вообще (см. ил. 1).

Ил. 1. Методы. Схема автора
Fig. 1. Methods. Author's diagram

Первым научным методом является наблюдение. Т.е. систематическое выделение предмета нашего интереса из общего нерасчлененного потока впечатлений и систематизация наших впечатлений об этом предмете (объекте исследования). Например, мы можем смотреть на птиц, которые зимой прилетают к заоконной кормушке. Или можем смотреть на деревья на каком-то участке местности, на насекомых этого участка, или просто на людей, проходящих мимо какой-то точки. В социальной истории архитектуры наблюдением будет умение выделять не просто архитектурный памятник (как в истории архитектуры, например), а именно признаки связи этого памятника и социума, который его породил, или того социума, который его использует или забросил. Без этого базового шага мы не можем получить никакого научного знания.

Далее, объекты нашего наблюдения должны получить какие-то имена или названия. Тут есть два варианта, это либо имена собственные, либо собирательные названия. Например, имена собственные для социальной истории архитектуры — это «домик А.П. Чехова в Крыму» (или «дача А.П. Чехова

в Ялте»), «дом Пола Ривера», «Замок Бэкона», «Эрмитаж». Для целей называния собирательных объектов мы можем использовать какие-то бытовые слова: «дом», «изба», «хата», «шалаш», «семья», «компания», «команда» и проч. Называние предметов наблюдения может предшествовать наблюдению, идти с ним на одной скорости, или, как это бывает у зоологов, идти после наблюдений: «Ой, а что это у нас шевелится?» Например, определение растений является в полевой ботанике весьма нетривиальной задачей, даже если вы это делаете на постоянной основе.

Мы полагаем, что арифметический счет будет первичной формой систематизации и учета как самих предметов, так и влияющих на них факторов. Он будет этапом, следующим за называнием предметов и первой формой понимания. Для биологии и зоологии мы можем подсчитать число изучаемых единиц на единицу площади. Для социологии распределение опрошенных по предпочитаемым ответам. Для истории колебания хлебных цен или размеров бюджетного дефицита могут много сказать нам о жизни в тот или иной период. Для объектов социальной истории архитектуры мы можем подсчитать много разных вещей. Речь идет не только о площади, объеме объекта, но и размере группы, связанной с объектом. Например, если речь не идет о Сванетии или Италии, мы не готовимся обнаружить башни-небоскребы в небольших по численности населения городах и деревушках. Тут в ход идет и счет этажности, и подсчет высоты, и учет численности населения. Площадь постройки пропорционально численности ее обитателей может быть первым сигналом к пониманию социальной (английская королевская семья не уютится в однокомнатной квартире). Но вообще, возможности подсчета неисчерпаемы как множество натуральных чисел.

Следующим шагом к пониманию может быть сравнение. Во-первых, сравнить можно количественные характеристики. Как мы уже говорили, площадь занимаемого жилища на одного человека является важным социальным показателем. Как средняя, так и во всяком индивидуальном случае. Во-вторых, сравнению могут подвергаться все неколичественные характеристики. Цвет, текстура, материал и проч. Временные постройки можно сравнивать с постоянными. Каменные, с деревянными, что мы еще сделаем в этой статье (см. ил. 4: д). Постройки с гладкими и однотонными стенами можно сравнивать с богато декорированными постройками. Для сравнения нам очень важно богатство человеческого опыта. Собственно социальная история архитектуры — это часть именно глобальной истории архитектуры. Мы не можем сказать ничего путного про шалаш, шале или шато, если не сравним их между собой. Однако, сравнение их между

собой и сравнение породивших их коллективов вряд ли будет бесполезным. Шалаш В.И. Ленина в разливе был временным убежищем в летнее время. Если бы он вынужден был бы жить там зимой, история могла бы пойти по-другому. Но во многих местностях Земли люди до сих пор живут в шалашах круглый год. Отсутствие шато на значительных территориях Восточной Европы (и не только) говорит нам не только о плотности населения, но и о социальной и политической структуре обществ, где этих шато не было. Сходство шале и крестьянского дома Русского Севера говорит нам о сходстве хозяйственных занятий и о других параллелях между двумя различными этническими группами.

Более того, мы можем подойти к вопросу сравнения системным образом, то есть создать исчерпывающий список признаков, охватывающий все существенные моменты, необходимые для познания объекта, и определить вариативность их количественных и качественных аспектов. Например, для целей социальной истории архитектуры мы можем выделить площадь постройки, плотность застройки, толщину и высоту стен, объем помещений, количество окон и проч., что позволит нам разбить те же самые шалаш, шале и шато на три разных группы, где все эти признаки будут учтены так, что даже самый маленький шато не будет принят нами за очень большой шале. Очень часто, научное исследование может на классификации и закончиться. И хотя эмпирически так бывает, теоретически, конечно, это не всё, что делает наука.

Выполнив задачу классификации, мы можем вернуться к процессу называния, но перейти уже на новый уровень — уровень строгой научной терминологии, которая носила бы упорядоченный и системный характер. Более подробно см. [Гринева-Гринева 2008] и [Реформатский 1968.]. С точки зрения происхождения эта лексика может носить разный характер, главное, чтобы понятия имели четкий объем и не пересекались, образуя между собой какие-то отношения: иерархии, равенства и проч. При формировании терминологической системы используются такие методы как «абстрагирование», когда происходит выделение главного и удаление несущественных особенностей предмета исследования, «дифференциация», когда выделяются именно существенные признаки, отделяющие одни явления от других, «ассоциация», когда находятся связывающие признаки и т. д. Кроме того, выделяются понятия, которые находятся на более высоком уровне абстракции, и, соответственно, на более высоком уровне в иерархической концептуальной системе, поскольку они обобщают несколько понятий более низкого уровня. Все это выражается в понятиях «рода и вида». Например, «транспортное средство» — это общий термин для наземных транспортных средств, морских и речных судов, воздушных судов, а

«автомобиль» является термином, подчиненным термину «транспортное средство».

Формирование понятия называется по-разному: «абстрагирование, идеализация, обобщение». На самом деле, мы каждый раз встречаемся с единичным предметом. Но как мы не можем удовлетвориться тем фактом, что ягоды только с этого куста являются съедобными, так мы ищем другие подобные кусты того же вида, ягоды с которых тоже окажутся съедобными. Нам недостаточно знать, что дуб, который растет у конкретной деревни конкретной губернии имеет те или иные полезные для нас свойства, но нам важно знать, что все деревья подобного вида имеют определенные свойства, которые отличают их от деревьев других видов.

«Новое может быть осмыслено, понято только через образы и понятия старого, известного. (...) Аналогия — это правдоподобное вероятное заключение о сходстве двух предметов в каком-либо признаке на основании установленного их сходства в других признаках» [Спиркин 2002]. Таким образом, мы можем создать функционирующую терминологическую систему.

О проблемах формирования такой системы в географии много писал Эрих Борисович Алаев. Его работы не утратили своей актуальности. И многие их положения могут быть перенесены в другие научные области [Алаев 1977; Алаев 1983; Социально-экономическая география 2013; Осоргин 2018].

Понятие. Некоторые люди считают, что научная классификация исчерпывает познание мира. В результате классификационной активности у нас стройная терминологическая система, которая охватывает все материальные предметы мира и все возможные связи между ними. Казалось бы, чего еще можно было бы пожелать? Проблема в том, что целый ряд важных явлений, относящихся не только к социальности, не имеет материальной формы. Поэтому вершиной нашей интеллектуальной деятельности в сфере познания является понимание (иными словами «подведение под понятие»). И хотя, как мы уже оговорились, для каждой конкретной науке оно не выходит за пределы деятельности рассудка (не даром же, и в русском «понятии», и в немецком "Begriff" и во латинском "conceptum" есть элемент охвата, захвата), но все же в общем случае оно требует действий разума.

Если мы обратимся к теме нашей статьи, то даже в слове «архэ», связанном со словом архитектура, - мы ничего не поймем, если будем стремиться к его наглядному представлению, через реально существующие объекты и подчинить его логико-математическим расчленяющим структурам рассудка. Понимание «архэ» возможно только чисто разумным образом, когда мы рассматриваем общие основы мышления, которое, собственно, и есть настоящее бытие. Однако, люди настолько склонны все представлять себя чувственно-наглядно, что

мы оставим детальный разбор этой проблемы для другого случая, а здесь только обозначим этот уровень понимания вещей. Ведь даже в языке рассудка, ни объект, ни факт, ни событие, ни связь, не являются материальными сами по себе и выступают как понятия рассудка.

Мыслимость понятия видна из истории самого понятия «понятие», скажем, в хорошо задокументированном немецком языке, где глагол "begreifen" (в значении «схватывать») бытовал в VIII веке (древневерхненемецкий "bigrifan", средневерхненемецкий "begrifen"). Но расширение значения начинается уже в древневерхненемецком языке с использованием в качестве перевода латинского comprehendere («понимать») или concipere («схватывать», «поглощать»). Особенно в текстах, раскрывающих темы мистического богословия, это выражение начало использоваться в более широком смысле, распространяя физическое «схватывание, хватание» на духовное постижение как «схватывание, понимание интеллектом» (ср. русское «ухватить суть проблемы»).

Существительное Begriff уже зафиксировано в средневерхненемецком языке как begrif (средневерхненемецкий и ранний нововверхненемецкий begrif или begrifunge) со значением «область, район» (русским аналогом тут будет «волость», как нам кажется). В XVIII веке благодаря преподавательской деятельности Христиана Вольфа это слово широко распространилось в немецкоязычной научной среде. В эпоху Просвещения его значение использовалось для перевода слова «идея» (которое первоначально, между прочим, означало «образ»). В России пути распространения и концептуализации понятия были довольно схожими, просто пока это хуже исследовано, хотя исследования самих понятий ведутся, конечно, полным ходом.

Специально-исторические методы. Конечно, общими научными методами далеко не исчерпывается арсенал каждой конкретной науки. Например, историки часто выделяют набор методов, которые, по их мнению, характерны для истории как науки. Сошлемся на работу екатеринбургских коллег, хотя можно было бы использовать и любой другой подобный пример. «Идеографический (описательно-повествовательный) метод предполагает описание исторических событий и явлений», а «ретроспективный метод – выявления причин событий». «проблемно-хронологический метод» предполагает изучение последовательности исторических событий во времени. «Сравнительный (сравнительно-исторический) метод — сопоставление исторических объектов в пространстве и времени». «Историко-типологический метод заключается в выделении типов исторических явлений, их классификации». «Методы математической статистики можно подразделить на количественные и математические». «Мате-

математические методы сводятся к получению новой информации о событиях прошлого путем осуществления математических преобразований количественных данных, в том числе с применением ЭВМ». «Историко-системный метод заключается в рассмотрении общества как целостной системы». «Моделирование исторических явлений позволяет решать такие задачи, как проверка научных гипотез, прогнозирование общественных процессов и др.» [Бородина, Пухов 2009]. Как видим, тут есть и пересечения с тем, что было нами предложено выше, так и некоторые отличия.

Остановимся только на методе «моделирования» фактически это то, о чем мы говорили, когда речь шла о создании терминологической системы для различения нескольких схожих объектов нашего исследования. Модель, по сути, это идеализированный объект, который не существует в действительности, но обладает важными свойствами, которыми наделены реально существующие объекты. Поэтому он может сослужить хорошую службу для понимания реально существующих объектов (вещей) [Соколовский 2018]. Например, на иллюстрациях приведены парусное судно «Святой Николай» [Купеческая поморская лодья «Святитель Николай» 2016], речной колесный буксирный пароход [Honzales 2018] — винтовой пароход «Иоанн Кронштадтский» (см. ил. 3: в, г).

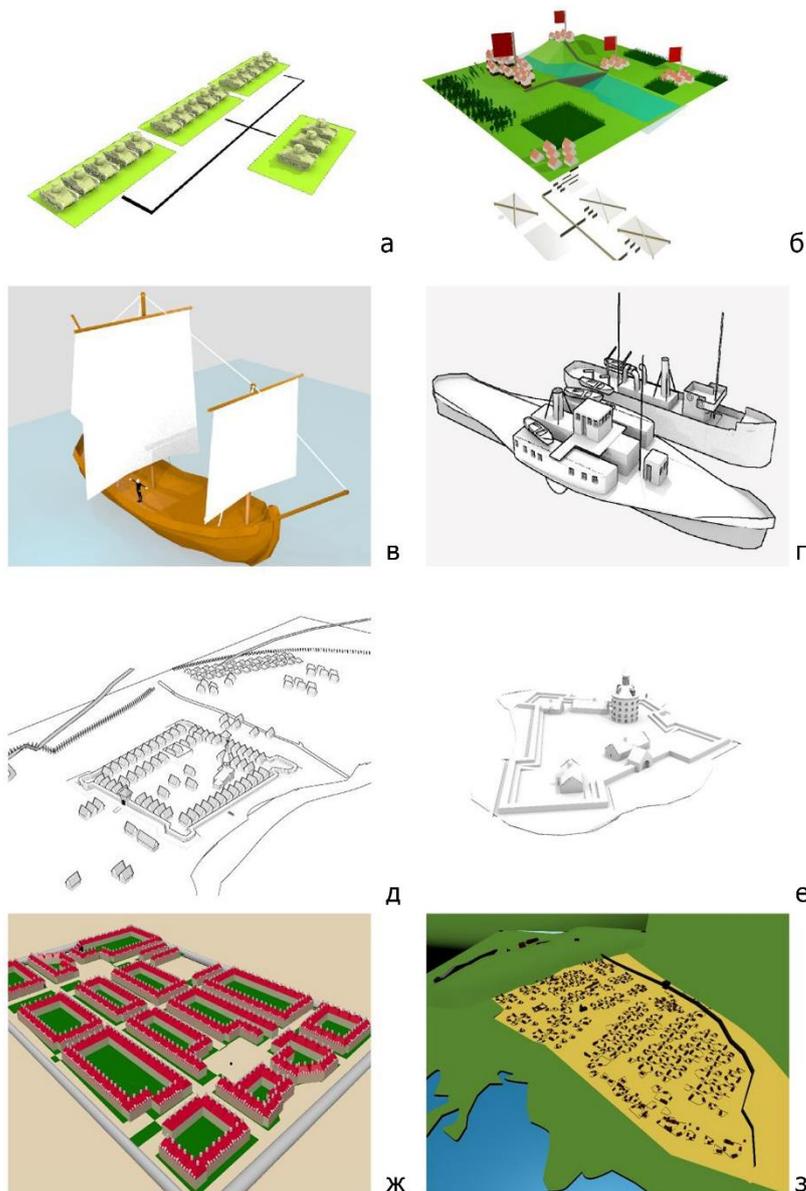
Ил. 2. Объекты. Схема автора
 Fig. 2. Objects. Author's diagram

Данные модели являются не только наглядными, но и позволяют указать на существенные признаки: особенности двигателя и движителя, строение корпуса, наличие надстроек, функции мачт, осадку, обводы корпуса и т.д. Т.е. содержат информацию не только достаточную для классификации этих транспортных средств, но и для выяснения вопросов истории мореплавания, например. Кроме того, история техники является важным аспектом социальной истории архитектуры, включая, разумеется, формы мореходства.

Подводя итог данного раздела нашей статьи, мы можем сказать, что к общенаучным методам относятся наблюдение, называние, счет, моделирование (идеализированные объекты), эксперимент, сравнение, объяснение, анализ и синтез.

Объекты социальной истории архитектуры. Переходя теперь к теме объектов социальной истории архитектуры с целью их выявления, систематизации, измерения и классификации, мы возьмем за основу нашей систематизации такую характеристику как линейный размер, и будем двигаться от самых крупных объектов к самым мелким. Не будем скрывать, что в основу данного подхода были положены мысли, сформулированные 27 июня 2022 года для конференции «„Сделано в СССР: материализация нового мира“ (Тюмень, 8-11 сентября 2022 года)». Оргкомитет отверг заявку 30 июля 2022 г.

Важнейшим объектом для данной дисциплины является Земля как целое. Тогда самым крупным объектом социальной истории архитектуры будет вся существующая поверхность земной суши, которая, как мы понимаем, становится строительной площадкой для человека за долго до наступления исторического времени. И смена типов укрытия раньше даже служила для проведения хронологических границ. Хотя сейчас, на русском языке всё меньше и меньше говорят о «пещерных людях», но раньше говорили. Именно природно-климатические условия заставляют людей строить жилые и производственные помещения. И только в контексте сравнения разных архитектур и социальных систем мы можем получить полную картину, в том числе и историческую (см. ил. 2).

Ил. 3. Нематериальные аспекты социальной истории архитектуры: **а)** Структурная схема вымышленного подразделения, вооруженного танками Виккерс - 6т. Трехмерная модель автора; **б)** Вымышленная схема расположение военных частей на местности с рекой. Трехмерная модель автора; **в)** Трехмерная модель автора. Лодья «Святой Николай»; **г)** Трехмерные модели автора. Речной пароход «Ваня N 5» (на переднем плане) и морской парохода «Иоанн Крондштадский» (на заднем плане); **д)** Историческая реконструкция крепости Семипалатинской в XVIII в. Трехмерная модель автора; **е)** Историческая реконструкция крепости Воксхольм в XVIII в. Трехмерная модель автора; **ж)** Историческая реконструкция владельческого города Ришелье в XVII в. Трехмерная модель автора; **з)** Историческая реконструкция города Кузнецк в XVII в. Трехмерная модель автора:

Fig. 3. Intangible aspects of the social history of architecture: a) Structural diagram of a fictitious unit armed with Vickers-6t tanks. Author's three-dimensional model; b) Fictitious diagram of the location of military units on the terrain with a river. Author's three-dimensional model; c) Author's three-dimensional model. Lodya "Saint Nicholas"; d) Author's three-dimensional models. River steamer "Vanya N 5" (in the foreground) and sea steamer "Ioann Kronshtadtsky" (in the background); d) Historical reconstruction of the Semipalatinsk fortress in the 18th century. Author's three-dimensional model; e) Historical reconstruction of the Vaxholm fortress in the 18th century. Author's three-dimensional model; f) Historical reconstruction of the manorial city of Richelieu in the 17th century. Three-dimensional model by the author; h) Historical reconstruction of the city of Kuznetsk in the 17th century. Three-dimensional model by the author.

Следующим по размеру объектом социальной истории архитектуры будет часть суши, которая со всех сторон окружена водой. Тут ранжирование идёт по убыванию — от архитектуры континентов, до архитектуры, обусловленной островным расположением. Крупными единицами являются материки (континенты). Например, только в двадцатом веке смогла возникнуть «антарктическая архитектура», которая, конечно, резко отличается от архитектуры других материков. Поскольку острова являются частью суши с ограниченными ресурсами, то архитектура островов имеет свою специфику. Например, общеизвестна история перемен, которые произошли в архитектуре древнего населения Исландии под влиянием экологической катастрофы, которую это население и породило. Примеры можно найти в работе Дж. Даймонда «Коллапс». Оно было вынуждено адаптироваться к изменившимся условиям и успешно адаптировалось до тех пор, когда внешние социальные условия не изменились и на местную архитектуру стала больше влиять международная торговля, чем доступность местных строительных ресурсов. Даже части материков, такие как субконтиненты и т.д. являются отдельным объектом социальной истории архитектуры. Не только потому, что архитектура Индостана не похожа на архитектуру Индокитая, но и потому, что, например, архитектура сейсмически активных зон имеет свои особенности. Объектом истории архитектуры являются разнообразные ландшафты, не только потому, что строительство на склонах отличается от строительства на ровной поверхности, а в лесу строят иначе, чем в степи, но и потому, что человеческие сообщества степей отличаются от человеческих сообществ лесов не только по своим занятиям, но и по численности, манере общения, количеству детей и способам ухода за ними и т.д. Конечно, материк сам по себе архитектурой не является, но геологические условия, позволяющие тот или иной объем, скажем, многоэтажного строительства, уже входят в архитектуру как фактор среды. С другой стороны, человеческие сообщества, живущие изолированно в глубинах материка, имеют совершенно другие возможности и предъявляют совсем другие требования к постройкам, чем сообщества, живущие на берегу.

Следующими архитектурными объектами являются поселения. Города, поселки, деревни, отдельные хутора и дома, которые их составляют. Важным моментом является наличие всякого разного рода хозяйственных построек, обслуживающих разного рода рекреационные и производственные цели. Самой простой такой постройкой является беседка или навес, которые используются как

защита от дождя во время проведения разного рода пикников, барбекю и проч. Но, конечно, арсенал разного рода таких построек, не являющихся непосредственным жилищем — просто бесконечен. На иллюстрации, где показана иррегулярная застройка и на иллюстрации, где показана крепость XVIII в. можно видеть, что жилище окружено комплексом хозяйственных построек самого разного назначения (убежище для скота и птицы, места хранения пищи, запасов еды для домашних животных, место хранения инвентаря и т. д.).

Не меньше некоторых городов бывают такие объекты как заводы, шахты, карьеры, которые обычно не рассматривает традиционная история архитектуры. Но если мы возьмем, например, порты, то Роттердамский порт может дать фору любому крупному городу. Есть интересные исследования про архитектуру порта Гдыня, который с нуля был выстроен поляками на Балтике в межвоенный период. Парковые комплексы, вроде Версаля, тоже могут быть предметом социальной истории архитектуры, тем более, что ведут они свою родословную от садов легендарной Семирамиды. Кроме того, дворцовые комплексы, но не только.

Есть странные формы архитектуры, из изучения которых, собственно и идет термин «социальная история архитектуры». Бастилия поменяла свое назначение и из предметного укрепления стала тюрьмой. Потом возникло целое гигиеническое направление строительства тюрем, откуда знаменитая тюрьма «Сантэ», т.е. здоровье. На рубеже веков в Африке появляются созданные европейцами концентрационные лагеря, которые потом обретут свою недобрую славу и в Европе.

Есть еще многоуровневая архитектура. Сюда входят не только шахты, но и системы метрополитена, развязок, убежищ всякого рода и т.д. Понятно, что подземные сооружения имеют очень древнюю историю и тесно связаны с человеческими группами, которые их сооружали и целями, которые эти группы преследовали.

На протяжении истории мы видим экспансию тех предметов, связанных с человеком, которые претендуют на получение собственного «жилища». Сначала на это претендовали только люди и боги, которые «жили» в храмах. Но потом появились домики для станков и оборудования, для кораблей и железнодорожного транспорта, домики для книг, для старых документов, домики для электрических трансформаторов, и т.д. и т.п. Домики для подводных лодок и кораблей. Причем, фактически, с самого начала человеческой истории, вспомним гавань Карфагена, сохранившуюся до наших дней.

Правда, в Монголии ничего такого не было и это тоже предмет для исследований, потому что если у социума нет доков, то, возможно, нет и мореходства, но не наоборот. Доки могут быть заброшенными и это тоже тема для исследования. Кроме того, речь может идти о конюшнях, голубятнях, псарнях, складах, магазинах, гаражах и боксах. Кроме функционального назначения комнат под гардеробные, могут быть отдельные постройки для хранения вещей. В современную эпоху появляются дата-центры, которые стали важнее, чем домики для книг, кошек, голубей, часов, коров, овец, дров.

Отдельным объектом являются временные постройки, например, для торговли, разные киоски, лавки, полки, павильоны, которые очень сильно зависели от вмещающей социальности.

Отдельный вопрос военная архитектура от первых стен и башен и до всякого рода дотов, траншей и проч. Инженерные сооружения, колодцы, дренажные траншеи, как известно, рассматриваются как признаки сложно организованного общества.

Кроме того, погребальная культура, своего рода «домики на одного», а также всевозможные склепы, капеллы, часовни и проч. Тут, конечно, большое влияние оказывают не только материальные, но и духовные ориентиры общества. Кладбища различаются по конфессиям, но и социальные различия тоже есть, достаточно сравнить кладбища городские и сельские. Кладбища в материально богатых культурах и кладбища в культурах материально бедных.

Объектом социальной истории архитектуры могут быть так же отдельные элементы построек. Например, нами исследовалась эволюция оконных проемов, которая, судя по всему, происходила в России в XVII–XIX вв. под влиянием петровских реформ и развития капитализма на Западе Европы. Но социальные факторы могут влиять на фронтоны, крыши, пол, отопления (появление окон может вести к увеличению печей, которое в свою очередь связано с развитием производства кирпича).

Более мелкие элементы построек, например, декор, скульптура, резьба и орнаменты, которые могут быть довольно интересным образом связаны с разными социальными группами. Например, дворянские гербы на фронтонах домов, как явление, существовавшее в России в весьма ограниченный период и связанное с самосознанием одной социальной группы. Или появление нового ордера в ордерной системе, связанное с культурой Рима. Государственные гербы на фронтонах учреждений таким образом показывают, кто именно являлся референт-

ной группой для архитекторов, которые проектировали эти здания и для заказчиков, которые их контролировали. Еще один пример, характерный «голландский» или английский оконный переплет проникает в русскую архитектуру почти с самыми первыми шагами Петровских реформ в начале XVIII в. В разные эпохи по-разному используются глухие участки стены например. Идея раскрашивать стены домов является довольно демократичной, хоть имеет широкое распространение, например, широко практикуется в Африке, в Восточной Европе и проч.

Сложно однозначно сказать, являются ли вещи, наполняющие интерьеры предметом истории архитектуры как таковой, но, несомненно, они являются предметом социальной истории архитектуры, так как со сменой социальных условий один и те же стены могут быть наполнены совершенно разными элементами интерьера, предметами культуры и быта. Социальный характер носит мебель, одежда и способ ее хранения (просто вести на стене или имеет в своем распоряжении специальную мебель или помещение), оружие (как функциональная вещь или как декоративный элемент внутреннего убранства), картины, гобелены, иконы и их оклады (вспомним роль икон в интерьере в период до 1917 года, в 1917–1990 гг. и позднее, и проч.).

Обычно не относимые к архитектуре более мелкие детали домашнего убранства, вроде шпингалетов, упоров и проч. тоже являются объектом социальной истории архитектуры, так как для своего существования требуют сложных социальных коллективов, у которых есть определенные потребности и определенные возможности. Если в деревне вы припираете дверь щепочкой, то в городе покупаете для этого специальный упор, который разработан инженером, произведен на заводе, доставлен в магазин по логистической цепочке и продан вам человеком, большую часть своей сознательной жизни занимающимся торговлей упорами для дверей. Важной темой является наличие в домах цветов и деревьев.

Далее мы бы обратились к вопросу об исследовании мелких предметов, связанных с архитектурой и строительством. Прежде всего речь пойдет об инструментах, моделях, и чертежах. Они сопровождают всю историю архитектуры и сначала, видимо, носят вотивный, а не рациональный характер. Но потом это меняется. Создание (и хранение!) чертежей и архитектурных планов является важной темой для социальной истории архитектуры, а они — соответственно, ее важными объектами.

Важным объектом социальной истории архитектуры являются объекты нулевой линей-

ной размерности: мысли, идеи, образы, символы, концепции, утопии и проч. Материально они представлены как правило в виде текстов: деклараций, манифестов, трактатов и проч. Но могут быть представлены в виде практик, например, нет каких-то особых текстов, которые бы классифицировали отдельные декоративные элементы того или иного архитектурного стиля, никто не писал сколько Амуров и в каких позах должно быть выписано на потолке в стиле рококо, или сколько колхозниц должно поместиться на плафоне какого-нибудь театра. Но общая идея, что на плафоне хорошего советского театра должны быть колхозницы, точно так же, как в XVIII в. должны были быть Амуры — она, несомненно, существовала. Архитектурный символизм (масоны, например) использование архитектурных элементов в геральдике и вексиллологии (дома и башни на гербах и флагах) тоже тесно связан с социальными группами. Вспомним, например, что появление на гербах плотин ГЭС и нефтяных вышек было связано с серьезными социальными переворотами.

Совершенно очевидно, что объектом социальной истории архитектуры являются отношение человеческой группы и архитектурных объектов в их историческом развитии. Хотя, отношение этих двух явлений в исторической статистике тоже является предметом социологии архитектуры. Собственно, это определение предмета уже заложено в самом названии дисциплины.

Предмет социальной истории архитектуры. Предметом социальной истории архитектуры является то, что может быть познано относительно ее объектов, т.е. как архитектуры, так и связанных с ней групп (как создающих архитектуру, так и использующих ее или разрушающих). Список тем может быть бесконечным. На иллюстрации видно, что социальность всегда имеет какую-то структуру, вроде того, что танковая колонна движется не просто так, а разделена на взводы и имеет секцию управления (см. ил. 3, а, б). Социальная структура военного управления может быть опрокинута на ландшафт, где три села и небольшой городок размещают у себя два полка пехоты и артиллерийскую часть, опять же с органами управления. Данная структура может быть любой другой, например, город может быть уездным центром. И, значит, во всех этих местах будут здания для органов управления, места для расквартирования войск или хранения ресурсов, необходимых для военной или административной деятельности.

Конечно, важным фактором для изучения социальной истории архитектуры могут быть строительные материалы, доступные данному социуму, что позволяет нам различать города каменные (см. ил. 4, а, б.) и деревянные. Или

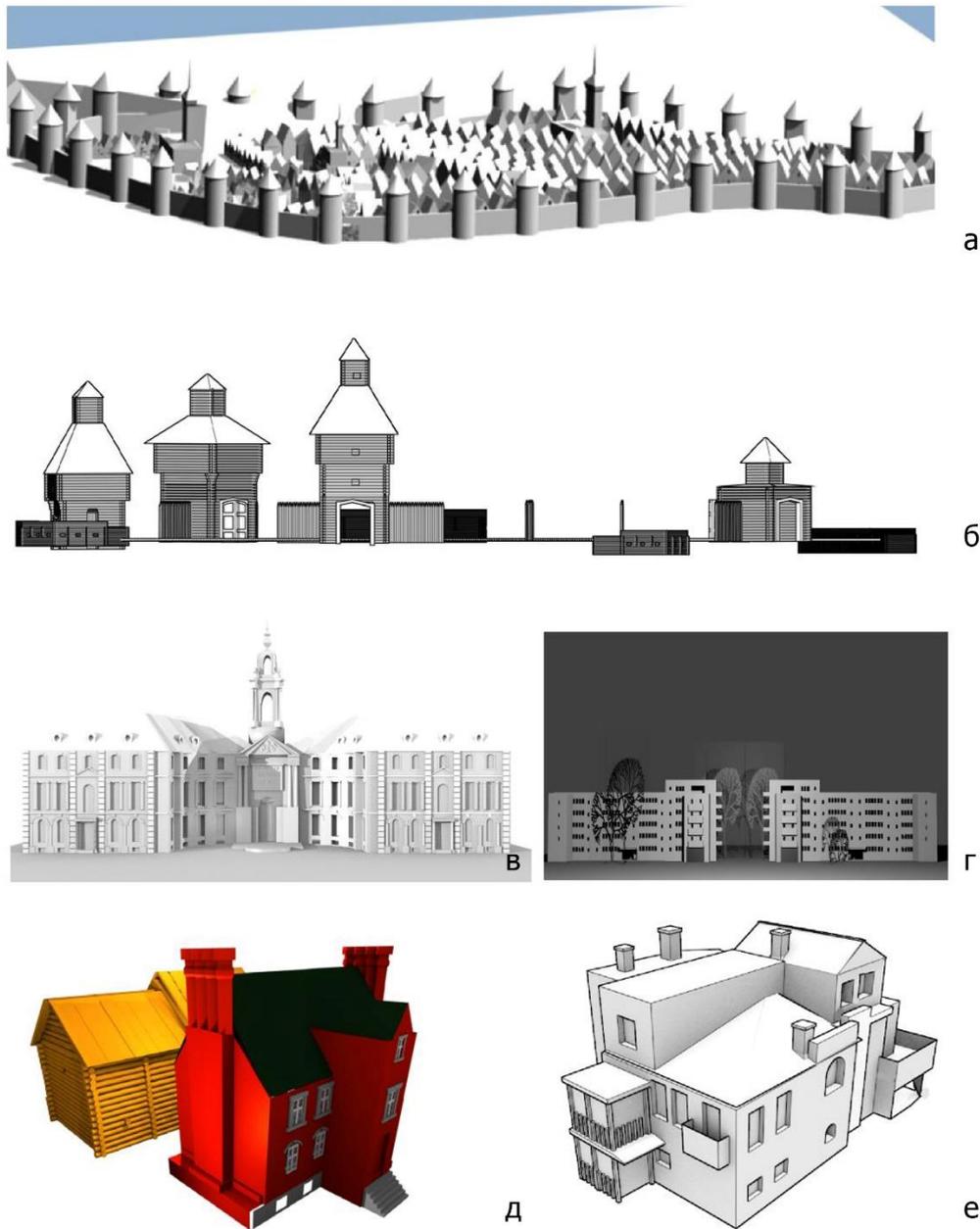
различать кирпичные и деревянные постройки, причем не только в отношении материалов стен, но и используемых отопительных приборов, формы и размеров окон, расположения дверных проемов, высоты потолков, материала перекрытий и так далее, и так далее.

Разные социумы могут совершенно различно относиться к декоративному оформлению архитектурных памятников и задача социальной истории выявить социальные причины для этого. Почему, ради каких социальных групп происходит отказ от декоративности, какие социальные группы создают возможность для повышения этажности застройки и т.д. (см. ил. 4, в, г).

Важным предметом социальной истории архитектуры является стремление общества регулировать и регламентировать застройку, предоставляя или не предоставляя для этого разные ресурсы. Как, например, возможность сравнить два города XVII в., владельческий город Решелье во Франции, с уездным центром Кузнецком в Сибири (см. ил. 3, ж, з).

Предметом социальной истории архитектуры могут быть даже такие вещи, как выяснение вопроса почему одни и те же формы бастионной архитектуры по-разному реализовывались в Швеции (в Воксхольме) и в нынешнем Северном Казахстане (на ил. 3, д, е), где была построена деревянная крепость Семипалатинск (ныне село Старо-Семипалатинск) с оградой бастионного начертания.

Предметом этой дисциплины может быть связь размера группы с необходимой ей архитектурой. Или влияние структуры группы на архитектуру. Понятно, что объекты иерархических и неиерархических групп будут очень сильно отличаться, дворцы в лучшем случае будут заменены общественными зданиями. Степень поляризации внутри группы, ярко отражается на архитектуре, порождая такие феномены как «фавелы», «трущобы», «гетто» и проч. Уровень внутригруппового насилия будет проявляться в стремлении укрепить архитектурные сооружения. Уровень внешнего насилия может проявляться в стремлении перенести постройки в недоступные места, от водоразделов, до высоких скал и тайных ущелий. Отношение к сохранению или уничтожению построек будет отражать отношение общества к исторической памяти. Нет ничего более наглядного, чем средневековый город, воздвигнутый во дворце Диоклетиана в Сплите, или мавзолее, превращенный в замок Святого Ангела. А тут возможны такие варианты как жилые квартиры в ГУМе с видом на Красную площадь, и сбор народных представителей в зале для игры в мяч в Лувре. В этом отношении важным объектом будут вопросы символизации: репрезентативность построек, их масштаб, архитектурные аллюзии и т. д.

Ил. 4. Материальные аспекты социальной истории архитектуры: **а)** Условная реконструкция города Таллинн в XVIII в. Трехмерная модель автора; **б)** Историческая реконструкция элементов ограды города Омск в XVIII в. Трехмерная модель автора; **в)** Трехмерная модель автора. Здание XVII- XVIII в.; **г)** Трехмерная модель автора. Здание XX в.; **д)** Трехмерные модели русской избы (на заднем плане) и колониальной постройки в Северной Америке (т.н. «Замок Бэкона» (на переднем плане)); **е)** Упрощенная реконструкция дома А.П.Чехова в Ялте (XX в.). Трехмерная модель автора

Fig. 4. Material aspects of the social history of architecture: **a)** Conventional reconstruction of the city of Tallinn in the 18th century. Three-dimensional model by the author; **b)** Historical reconstruction of elements of the fence of the city of Omsk in the 18th century. Three-dimensional model by the author; **c)** Three-dimensional model by the author. Building of the 17th-18th centuries; **d)** Three-dimensional model by the author. Building of the 20th century; **e)** Three-dimensional models of a Russian hut (in the background) and a colonial building in North America (the so-called "Bacon's Castle" (in the foreground)); **f)** Simplified reconstruction of the house of A.P. Chekhov in Yalta (20th century). Three-dimensional model by the author.

Примеры. В заключении приведем несколько примеров. Слепым пятном историографии является история финансирования строительства. Сведения о нем фрагментарны и не сведены ни в какую систему. Например, домик А.П.Чехова в Ялте: «Кстати — Дом в Ялте Антон Павлович Чехов построил за десять месяцев. Его постройка обошлась писателю в 25 тысяч рублей. Напомним, изначально писатель думал, что потратит меньше 10 тысяч. В общем, смета выросла в два с половиной раза, сроки строительства и ремонта растянулись на несколько лет» [Дремова 2025] (см. ил. 4, е). А откуда Чехов взял деньги, что вообще могли себе позволить в плане архитектуры великие русские писатели? [Миркин 2022, С. 51–56.] Дом Грина [Мигов 2014].

Прав ли был автор эпиграммы:

«Дорог ужасно Тургенев —

Публики первый герой —

Эта Елена, Берсенева,

Этот Инсаров... ой-ой!

Выгрузишь разом карманы

И поправляйся потом!

На Гончарова романы

Можно бы выстроить дом.»? [tito0107 2017]

Но финансовые ограничения не единственный фактор, который влиял на историю архитектуры. Влияли и прямые запреты и гонения. Например, у нас почти нет старообрядческих религиозных построек, воздвигнутых до 1905 года: «Строить храм, требующий для возведения больших денежных затрат и организационных усилий, и тут же отдать его на поругание гонителям совершенно бессмысленно. По этим причинам архитектурой старообрядцы занимались в редкие моменты, когда этому благоприятствовали обстоятельства. Своих архитекторов не было за их почти полной ненужностью и невозможностью заниматься профессиональной деятельностью, если бы таковые зодчие вдруг появились. Таким образом, приходится констатировать: старообрядческой архитектуры как отдельного направления в русской архитектуре не существует» [Фризин 2016].

Почти полностью игнорируется восприятие динамики городской среды, перемены в господствующей в городе архитектуре. Вот, например, цитата о восприятии застройки и городской среды: «Со времени моего детства многое изменилось, многое исчезло безвозвратно. Московские дома были преимущественно одно- или двухэтажные, редко трехэтажные, и более скромной архитектуры, чем теперь. При прежних низких домах, несмотря на узкие улицы, днем было

светлее; в настоящее же время при постройке высоких домов стало темнее, так как улицы не расширили. Число садов весьма убавилось: одни значительно уменьшены, другие совсем уничтожены» [Щукин 1997. С. 10].

Выводы. Таким образом, междисциплинарные рамки могут быть уподоблены либо очкам, которые компенсируют недостатки нашего зрения, либо шорам, которые делают наше зрение «туннельным» и отсекают многие интересные и важные проблемы как социальной истории, так и истории архитектуры. Конечно, решение этих проблем — задача сложная, но нам кажется, что определение методов, объекта и предмета социальной истории архитектуры поможет нам приблизиться к ее разрешению. Кроме общетеоретических выводов мы привели в конце три небольших примера, как финансирование, государственная политика и развитие капиталистических отношений влияет на архитектуру, как с ней связаны разные социальные группы, в том числе непривилегированные.

Список литературы

1. Honzales Вооруженный буксирный пароход «Ваня». 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://honzales.livejournal.com/158456.html>.
2. tit0107 «Гонорарий ничтожен...»: Как и сколько зарабатывали литераторы второй половины XIX века 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://tito0107.livejournal.com/1056353.html>.
3. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминолог. слов. М.: Мысль, 1983. 290 с.
4. Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология: Слов.-справ. М.: Мысль, 1977. 199 с.
5. Бородина Е.В., Пухов Д.Ю. Теоретические и методологические основы изучения курса «отечественная история». Методические указания для студентов очной формы обучения. Екатеринбург, 2009. 19 с.
6. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2008.
7. Дремова Н. «Меня водят за нос»: как Чехов строил свой ялтинский дом // РИА Новости, 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://crimea.ria.ru/20250129/Menya-vodyat-za-nos-kak-Chekhov-stroil-svoy-yaltinskiy-dom_-1117900302.html.
8. Купеческая поморская лодья «Свяитель Николай» [Электронный ресурс]. URL: <https://polar-odyssey.org/sea-club/2016-02-26-09-37-40/sv-nikolay>.
9. Левин В. Женщины и синагоги: социальная история архитектуры. 3-15 августа 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/CCg4SXUFZf8>.

10. Мигов А. Музей Грина. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://micoff.livejournal.com/293492.html>.
11. Миркин Я. Каторжная книга Чехова. Приходно-расходная // Родина. 2022. № 11. С. 51-56.
12. Осоргин К.С. Понятия «место» и «местное сообщество»: подходы к интерпретации // Географический вестник. 2018. № 1 (44). С. 83–89.
13. Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1968.
14. Соколовский И.Р. Приемы и методы социальной истории архитектуры. Баландинские чтения 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/qgxYjONXY5U>.
15. Соколовский И.Р. Роль трехмерного компьютерного моделирования. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/KYCO9pGKrNU>.
16. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – 328 с.
17. Спиркин А.Г. Философия Учебник. М.: Гардарики, 2002. 736 с.
18. Фризин Н. Пути старообрядческого храмостроительства. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://starove.ru/izbran/arhitektura-pravoslavnogo-hrama/>.
19. Щукин П.И. Воспоминания. Из истории меценатства России. М., 1997, 320 с.
6. Grinev-Grinevich S.V. Terminovedenie. M.: Akademija, 2008. (in Russ.)
7. Dremova N. "Menja vodjat za nos": kak Chehov stroil svoj jaltinskij dom // RIA Novosti, 2025. URL: https://crimea.ria.ru/20250129/-Menya-vodyat-za-nos-kak-Chekhov-stroil-svoe-yaltinskij-dom_-1117900302.html (in Russ.)
8. Kupecheskaja pomorskaja lod'ja "Svjatitel' Nikolaj". URL: <https://polar-odyssey.org/sea-club/2016-02-26-09-37-40/sv-nikolaj> (in Russ.)
9. Levin V. Zhenshhiny i sinagogi: social'naja istorija arhitektury 3-15 avgusta 2015. URL: <https://youtu.be/CCg4SXUFZf8> (in Russ.)
10. Migov A. Muzej Grina. 2014. URL: <https://micoff.livejournal.com/293492.html> (in Russ.)
11. Mirkin, Ja. Katorzhnaja kniga Chехova. Prihodno-rashodnaja // Rodina. 2022. № 11. S. 51-56. (in Russ.)
12. Osorgin K.S. Ponjatija «Mesto» i «mestnoe soobshhestvo»: podhody k interpretacii. Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, Perm' Geograficheskij vestnik 1(44) 2018. (in Russ.)
13. Reformatskij A.A. Termin kak chlen leksicheskoi sistemy jazyka // Problemy strukturnoj lingvistiki. M., 1968. (in Russ.)
14. Sokolovskij I.R. "Priemy i metody social'noj istorii arhitektury" Balandinskie chtenija 2020 <https://youtu.be/qgxYjONXY5U> (in Russ.)
15. Sokolovskij I.R. Rol' trehmernogo komp'juternogo modelirovanija. 2018. URL: <https://youtu.be/KYCO9pGKrNU> (in Russ.)
16. Social'no-jekonomicheskaja geografija: ponjatija i terminy. Slovar'-spravochnik. Otв. red. A.P. Gorkin. – Smolensk: Ojkumena, 2013. 328 s. (in Russ.)
17. Spirkin A.G. Filosofija Uchebnik. M.: Gardariki, 2002. 736 s. (in Russ.)
18. Frizin N. Puti staroobradcheskogo hramostroitel'stva. 2016. URL: <https://starove.ru/izbran/arhitektura-pravoslavnogo-hrama/> (in Russ.)
19. Shhukin P.I. Vospominanija. Iz istorii mecenatstva Rossii. M., 1997, 320 s. s ill. (in Russ.)

References

1. Honzales Vooruzhennyj buksirnyj parohod "Vanja". 2018. URL: <https://honzales.livejournal.com/158456.html>. (in Russ.)
2. tito0107 «Gonorarij nichtozhen...»: Kak i skol'ko zarabatyvali literatory vtoroj poloviny XIX veka 2017. URL: <https://tito0107.livejournal.com/1056353.html> (in Russ.)
3. Alaev Je. B. Social'no-jekonomicheskaja geografija : ponjatijno-terminol. slov. M.: Mysl', 1983. 290 s. (in Russ.)
4. Alaev Je. B. Jekonomiko-geograficheskaja terminologija: Slov.-sprav. M.: Mysl', 1977. 199 s. (in Russ.)
5. Borodina E.V., Puhov D.Ju. Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy izuchenija kursa «otchestvennaja istorija». Metodicheskie ukazanija dlja studentov ochnoj formy obucheniija. Ekaterinburg, 2009. 19 s. (in Russ.)

Список сокращений

ГЭС — Гидроэлектростанция

Материал передан в редакцию 30.05.2025

DOI: 10.37909/978-5-89170-362-9-2025-1009
УДК 9.908

А.Е. Сорокин
Новокузнецкий краеведческий музей
пр-т. Пионерский, 24, г. Новокузнецк, Россия, 654027
al.soc.sorokin@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3324-1818>

**Изучение и репрезентация утраченного архитектурного наследия
города Кузнецка XIX – начала XX века в работах новокузнецкого кра-
еведа В.П. Десятярова**

Аннотация

Рассматривается деятельность новокузнецкого краеведа В.П. Десятярова по изучению и репрезентации утраченного архитектурного наследия досоветского г. Кузнецка (сегодня – Новокузнецка). На основе исторического архива, собранного краеведом в 1960–1980-е гг., проанализированы методы изучения и реконструкции историко-социальной топографии г. Кузнецка, включающей памятники архитектуры дореволюционной эпохи, рассмотрены формы репрезентации полученных сведений, предлагаемые советским исследователем. Посредством обращения к широкому комплексу источников, включающих воспоминания, фотоколлекции и копии архивных документов, сформулированы стратегии представления материалов по истории архитектуры г. Кузнецка в пространстве современной музейной экспозиции.

Ключевые слова: В.П. Десятяров; воспоминания; Кузнецк; архитектура Новокузнецка; утраченное архитектурное наследие; советское краеведение

A. Sorokin
Novokuznetsk Museum of Local History
ave. Pionersky 24, Novokuznetsk, Russia, 654027
al.soc.sorokin@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3324-1818>

**Study and representation of the lost architectural heritage of the city of Kuznetsk
of the 19th – early 20th century in the works of the Novokuznetsk local historian
V.P. Devyatiyarov**

Abstract

The article examines the work of the Novokuznetsk local historian V.P. Devyatiyarov on the study and representation of the lost architectural heritage of the pre-Soviet city of Kuznetsk (today – Novokuznetsk). Based on the historical archive collected by the local historian in the 1960–1980s, the methods of studying and reconstructing the historical and social topography of the city of Kuznetsk, including architectural monuments of the pre-revolutionary era, are analyzed, and the forms of representation of the obtained information proposed by the Soviet researcher are considered. By referring to a wide range of sources, including memories, photo collections and copies of archival documents, strategies for presenting materials on the history of architecture of the city of Kuznetsk in the space of a modern museum exhibition are formulated.

Keywords: V.P. Devyatiyarov; memories; Kuznetsk; architecture of Novokuznetsk; morning wireless heritage; Soviet regional studies

Введение. В 1991 г. в фонды Новокузнецкого краеведческого музея краеведом Владимиром Петровичем Десятяровым был передан обширный архив по досоветской истории г. Кузнецка (сегодня — Новокузнецка) [Майорова, Ульянова 1999]. Архив был сформирован В.П. Десятяровым в 1960–1980-е гг. и включал в себя разнообразные сведения по истории города, начиная с его формирования в XVII в., до первой трети XX в. [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8].

Комплекс материалов содержит копии архивных документов, с которыми исследователь работал в библиотеках и архивах Сибири, краеведческую литературу, обширный фотофонд, сформированный на основе семейных архивов кузнецан, а также воспоминания почти 400 респондентов, записанные самим В.П. Десятяровым. Источники личного происхождения содержат уникальные сведения о разных аспектах жизни г. Кузнецка в дореволюционную эпоху (опрошены

более 300 жителей г. Кузнецка) и Кузнецкого уезда в целом (эго-тексты объединили сведения жителей других населенных пунктов бывшего Кузнецкого уезда).

Исследовательские задачи, поставленные самим историком, позволяют говорить о комплексном подходе, затрагивающем не только основные события городской истории и встроенность кузнецких сюжетов в сибирский и общероссийский контекст, но и включают в себя интерес к истории повседневности, формам хозяйственной жизни, исторической топографии, строительству и архитектуре, истории кузнецких семей.

Сам В.П. Девятяров в письмах, обращенным к своим респондентам, проживающим уже вне города, так определял цели своих исторических изысканий: «В течение длительного времени я собираю материалы о Старом Кузнецке и его жителях, их занятиях и хозяйственной жизни, их нравах и обычаях». [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д.33. Л. 391–398]. «В течение 15 лет я собираю материал о досоветской истории г. Кузнецка и уезда, о Гражданской войне, колчаковщине, роговщине (анархистская банда, занявшая Кузнецка в 1919 г.), об установлении вторично Советской власти и первых годах Советской власти с 1920 до Отечественной войны. <...> Меня, как исследователя истории Кузнецка, интересует развитие экономики Кузнецка, культуры, различные события, происшествия, занятия людей» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 41].

Итогом своей работы В.П. Девятяров видел издание книги, посвященной жизни города Кузнецка 1900–1920-х гг. Вследствие болезни, планы исследователя не были реализованы, но была проведена большая работа по сбору и систематизации воспоминаний.

Источники личного происхождения из архива В.П. Девятярова вызывают особый интерес в связи с масштабной трансформацией исторического центра г. Кузнецка (сегодня — Кузнецкий район г. Новокузнецка). В 1970-е гг. значительная часть исторических зданий XIX – начала XX в. была утрачена в ходе комплексной многоэтажной застройки Кузнецкого района жилыми и общественными зданиями.

Цель данной публикации — рассмотреть принципы и методы, на которых строилось В.П. Девятяровым изучение и репрезентация утраченного архитектурного наследия г. Кузнецка XIX – начала XX в.

Полученные результаты и их обсуждение. К концу XIX в. г. Кузнецк — небольшой уездный город Томской губернии. Несмотря на несколько периферийное положение, город являлся центром Кузнецкого уезда — обширной территории площадью 92

900 кв. км. Если на территории Кузнецкого уезда проживало 338 тысяч человек (1915), то в самом Кузнецке в это время насчитывалось лишь около 4000 жителей. Однако в городе, учитывая его административное положение, располагались различные управленческие структуры: Кузнецкое уездное полицейское управление, уездный съезд крестьянских начальников, уездное казначейство, камеры судей следственно-мировых участков, почтово-телеграфная контора VI класса, а также Кузнецкая уездная тюрьма. В Кузнецке располагался и ряд учебных заведений (Высшее начальное смешанное училище, приходские мужское и женское училища) [Лизогуб 2018, с. 349-350].

Судьба г. Кузнецка в советское время была предопределена в конце 1920-х гг., когда на противоположном берегу левом берегу р. Томь в 1929 г. начинается строительство Кузнецкого металлургического комбината (КМК) и бурное развитие при новом предприятии уже г. Новокузнецка. Так, 2 марта 1932 г., накануне выпуска КМК своей первой продукции, города Кузнецк и Новокузнецк объединяются в один город с присвоением ему названия «Новокузнецк». 5 мая того же 1932-го Новокузнецк переименовывается в Сталинск. Таким образом, с 1932 г. Кузнецк находится в составе Новокузнецка (в 1932–1961 гг. — Сталинска) как Старокузнецкий, а позже — как Кузнецкий район.

Однако первые заметные трансформации архитектурного облика г. Кузнецка начинаются еще во время Гражданской войны. В декабре 1919 г. в городе пострадали от пожара, учиненном партизанскими отрядами, все четыре православных храма Кузнецка. В 1929–1930 гг. разбираются уже десять лет пустующие храмы — Успенская церковь на городском кладбище Кузнецка и первое каменное здание Кузнецкой земли, построенное в 1775–1780 гг. — Одигитриевская церковь. В середине 1930-х гг. прекращаются богослужения в Спасо-Преображенском соборе (в 1940-е гг. здание собора со снятыми куполами, разобранной колокольной и разрушенными главки занял хлебозавод). Тогда же, в середине 1930-х, Ильинская надвратная церковь на территории Кузнецкой крепости после очередного пожара также была закрыта для богослужений. Эти сведения транслируют непосредственные очевидцы и участники событий, впоследствии — респонденты В.П. Девятярова [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 207–212; НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 5–46].

Капитальное гражданское строительство в советское время на территории Старокузнецкого района начинается в 1940-е гг. благодаря новым металлургическим предприятиям, начавшим свою работу в годы Великой

Отечественной войны — Ферросплавный (1942) и Аллюминиевый заводы (1943). Характерной особенностью послевоенного развития района было отведение территории под застройку у границы бывшего Кузнецка. Селитебная часть в 1940-1950-е гг. развивалась к северо-востоку от дореволюционной застройки, существенно не затронув историческую часть города. К концу 1960-х гг., с развитием массового жилого строительства, начинается активный снос деревянных и кирпичных зданий XIX в. постройки в центральной, «Нагорной» части бывшего Кузнецка. В итоге, в 1970-е гг., облик Кузнецкого района радикально трансформируется. Территория близ Советской площади и начала ул. Ленина оказалась застроена новыми 5-ти и 9-этажными жилыми зданиями, а значительная часть дореволюционных зданий была снесена.

Невзирая на небольшую территорию Кузнецка, городской социокультурный ландшафт досоветского города формировался значительное время — почти 300 лет. К началу XX в. Кузнецк включал в себя 5 районов: Подкамень, Нагорье, Подгорье, Форштадт и Слободку. При относительной однородности застройки, социально-демографического состава и особенностей хозяйственной жизни всех пяти территорий, каждый из районов отличался своей спецификой, обусловленной историческими предпосылками, наличием общественных пространств, производств и географических особенностей.

В первую очередь стоит остановиться на содержании воспоминаний и выделить в мемуарных источниках способы повествования об исторической застройке Кузнецка. Текст каждого воспоминания, записанный В.П. Девятяровым со слов собеседника, представлен в виде единого связного повествования. Общая логика беседы исследователя с респондентами включает в себя последовательные блоки сведений: время и место беседы, сведения о респонденте и его семье, рассказ о доме, в котором проживал респондент в начале XX в., сведения о трудовой деятельности в то время, включенность информанта и его родственников, знакомых и соседей в общественную жизнь и участие в важных исторических событиях, а также воспоминания о других кузнецанах. В рамках нашей темы крайне любопытны сведения, посвященные описанию собственных и соседских жилищ и усадеб, их места в общей географической, хозяйственно-экономической и социокультурной структуре городской среды.

Работа по сбору воспоминаний В.П. Девятяровым пришлась на период утраты исторического облика города (1960–1980-е),

и среди одной из главных задач, которые ставил перед собой краевед, было составление карты досоветского Кузнецка. Составление подробной карты города с указанием всех зданий и их владельцев было обусловлено рядом причин, главная из которых — отсутствие подобного картографического документа, отражающего реалии досоветского Кузнецка. Составление карты определило и специфику содержания архива — сам В.П. Девятяров группировал воспоминания по топографическому признаку, и значительная часть мемуарных источников оказалась распределена по пяти основным разделам, соответствующим районам Кузнецка: «Подкамень», «Нагорье», «Подгорье», «Форштадт» и «Слободка».

Впоследствии накопленный фрагментарный материал, посвященный городской застройке, был оформлен в виде общей подробной карты-схемы Кузнецка на 1918 г., где указаны все район, улицы, переулки, площади и здания с указанием домовладельцев и держателей магазинов, мастерских, заводов и т.д. Значительная часть текстов воспоминаний содержит подробный перечень соседских усадеб с указанием домовладельцев (как правило, это заключительный блок беседы краеведа с респондентом). Приведем фрагмент, записанный В.П. Девятяровым на основе воспоминаний Е.И. Баженовой: «Из жителей по улице Достоевского знала:

1. Хворова Феофана Степановича, у них была дочь Александра (уехала из Кузнецка).
2. Бехтенёв Александр Александрович — плотничал, его жена всю жизнь была прачкой, обстирывая зажиточных. Жили они бедно, было 2 коровы и одна лошадь.
3. Аргуновы (дочь) на Байдаевке), имели кузницу.
4. Ближе к Иванцевке жили Мусохрановы. Мусохранова Василия знаю Миляевы.
5. У Трофимова Александра Павловича была лавочка.
6. Темникова с женою не имели детей. Они взяли приёмша из приюта, звали Серёжей. Моя золовка Мария Ильина за Серёжу Темникова замуж вышла (детей не было)» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 39. Л. 1-5].

Отметим среди немногочисленных работ, посвященных архиву воспоминаний, собранных В.П. Девятяровым, статью Е.В. Майоровой «Формы хозяйственной деятельности жителей г. Кузнецка в конце XIX — нач. XX вв. (по воспоминаниям старожилов)», опубликованную в 1999 г. [Майорова 1999]. В публикации отражен итог анализа хозяйственного уклада жителей Кузнецка начала прошлого столетия. Сведения из мемуарных источников автором публикации систематизированы по роду деятельности: скотоводство, хлебопашество, огородничество, табаководство, пчеловодство, маслоделие, плот-

ничный, столярный, бондарный и экипажный промыслы, каменные и печные работы, кузнечный и слесарный промыслы, мыловарение, кирпичное и гончарное производство, кожевенно-овчинный, шерстобитно-пимокатный и канатно-веревочный промыслы, рыболовство, заготовка строевого леса, хмелеводство, извоз и приисковые работы. В отдельных случаях автор работы рассматривает географию распространения определенных видов хозяйственной деятельности в соответствии с городским районированием, но обобщений, раскрывающих обусловленность способов хозяйствования районом, работа не предлагает. Однако публикация содержит описания каждого из пяти районов, включая их географическую характеристику, краткий исторический обзор, а также перечень улиц и переулков, входящих в состав каждого района.

Районирование г. Кузнецка было неофициальным, но вместе с тем вполне конвенциональным. Рядом респондентов В.П. Девятиярова из числа старожилов описывается каждый район, включая его границы и территориальные особенности: «По своему географическому расположению территория самого города Кузнецка подразделялась на пять районов. Названия районов даны самим населением.

1. Центр, или Нагорье — это часть города, расположенная ниже крепостной горы, куда входили Базарная и Соборная площади и далее жилой район в сторону винзавода и до пивзаводского оврага. В Нагорной части размещались учреждения, магазины, училища, народный дом, аптека, дома жителей прилегающих улиц и переулков» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 35. Л. 205–239].

В отличие от центральной, «Нагорной», части города, где располагались магазины, учреждения и дома купеческих семей, другие районы Кузнецка также имели свою специфику — географическую и социально-экономическую. Так, например, значительную часть Подгорья, границы которого были ограничены Картаским ручьем и речкой Казачьей, занимали многочисленные болота, что позволяло на этих свободных от жилой застройки участках организовывать горожанам небольшие производства. Во-первых, на территории Подгорья располагались кузницы: «...в 1911 году Щуков Игнат стал работать в кузнице Савинцева Василия Семёновича. Кузница его была поставлена на болоте, у Каратасского ручья (теперь переулоч Кузнечный). Здесь же размещались кузницы Цыганкова, Бехтенёва, Власова Гавриила, Капелькина и другие» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 220–221]. Во-вторых, на Подгорье были построены кирпичные сараи: «Рядом с нашим кирпичным сараем стояли

кирпичные сараи Юнишева Степана Антоновича <...>. Были ещё кирпичные сараи Ивана Безбородова, Ивана Куртукова <...>. Был держателем кирпичного сарая и Барабанщиков. Все перечисленные кирпичные сараи стояли за болотом, на Подгорье, у р. Казачьей» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 220–221].

Два наиболее отдаленных от центра района, расположенных на периферии и выходящие к городской границе — Форштадт и Слободка — стали местами активной постройки новых жилых домов, строительство которых продолжалось всю первую треть XX в.

Неформальные границы между районами были вполне четкими демаркационными линиями для самих жителей Кузнецка. Для молодежи появляться в чужом районе было опасно, зачастую случались драки между представителями районов. Жительница Подгорья В.Г. Ушакова вспоминала: «На Слободку не ходили, т.к. между парнями Подгорья и Слободки из-за девчат всегда была вражда» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 33. Л. 476–478]. Драки зачастую были спланированы заранее и привлекали внимание представителей правопорядка: «Между районами часто бывали драки парней из-за девчат. Дрались обычно партиями человек по двадцать с каждой стороны. В таких случаях вмешивались стражники, и не обходилось без каталажки» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 35. Л. 205–239].

Значительное внимание в эго-текстах из архива Девятиярова уделено истории строительства и приобретения жилых домов в Кузнецке самими респондентами или их предками. Например, кузнечанин Ф.И. Антипин сообщал: «Родители <...> жили на улице Казачьей (позднее улица Свободы, рядом со рвом, недалеко от пивоваренного завода). Как свидетельствует документ — проект застройки усадьбы и типовой план строительства дома, начерченный кузнецким мещанином Петром Васильевичем Конюховым 4 июня 1884 года, дом Антипиных выстроен где-то в 1885–1886 годах» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 35. Л. 1–23].

В рамках данного исследования крайне любопытны фрагменты воспоминаний, посвященные описанию собственных и соседских жилищ и усадеб, их места в общей географической, хозяйственно-экономической и социокультурной структуре городской среды. Значительная работа в рамках фиксации воспоминаний коснулась реконструкции отдельных улиц г. Кузнецка. В ходе бесед В.П. Девятияров подробно фиксировал всех домовладельцев и краткие сведения о составе их семей и трудовой занятости. Рассказ

интервьюируемых сопровождался зарисовкой схем улиц. Так, например, кузнецанин Н.Ф. Голев в завершающей части воспоминаний сообщал краеведу: «По улице Солдатской жили:

1. Голев Григорий Герасимович — столяр на винзаводе (жил напротив винзавода), в хозяйстве имел 2 лошади, 10 коров, овцы. Тесть Постоногова Александра Степановича.

2. Голев Федор Григорьевич (отец Голева Николая) — зимой пимокат, летом — тёс, плахи пилили. отец с обозом сходил в Томск, в дер. Бурлаки при обратном пути пьяный что-то натворил, братья дорогой избили его и бросили в кювете. Была осень. Так и умер он в кювете. Деревенские схоронили там же, просто зарыли без гроба (кому чужой нужен?). Позднее мать наша съездила в Бачаты (дер. Бурлаки входила в Бачатскую волость) за разрешением к уряднику, чтобы выкопать покойника, выкопали, вымыли и в гробу похоронили на кладбище в Бурлаках.

3. Дом Утенко Еремея Игнатьевича из Есауловки. Хозяин жил там, в Есауловке, имел хороший дом и пасек большую. <...>

4. Кузнецовы старик со старухой, потом при Советской власти продали дом Варфоломееву Ивану Семеновичу.

5. Шмыков Карп Савватеевич — столяр.

6. Бердников Александр Яковлевич — кровельщик крыш из жести (жестящик), делал купцам железные печи, трубы и т.п. Его жена Ирина Павловна. Сами давно умерли, детей не было.

7. Сундугашев Павел Федорович и старые родители. Старик плотничал, в хозяйстве была лошадь и корова. У Павла Сундугашева было три сестры: Груня, Настенька и Дусенька.

8. Аносов Иннокентий _____, жена (старуха) и сейчас живет под горкой, где Быковы живут.

9. Кудринское старик со старухой. Сын их Евгений рядом выстроил дом. Живы две дочери Кудринские – Раиса и Александра, живут в доме где мебельный магазин напротив винзавода (от продуктового магазина первый подъезд). Сын Кудринский Александр Евгеньевич и сейчас живет на Красной улице.

10. Ганьжин Петр Дмитриевич – печник. раньше служил в местной воинской команде, женился после службы, остался жить в Кузнецке.

11. Бессонов Василилий Федорович (двоюродная сестра Голева Николая была выдана замуж за Бессонова В.Ф. Он держал ямщину, почту возил, в Германскую войну погиб на фронте.

12. Лоншаков Павел Федорович — ничего о нем не знаем.

13. Гаврилов Борис Петрович – был почтальоном, хороший гармонист, помер при

операции. Были две дочери: Степанида и Александра.

14. Корчуганов Матвей Васильевич, печник, хромой.

15. Николаева Евдокия Григорьевна.

16. Гаврилов Петр Григорьевич (отец гармониста Бориса Гаврилова)» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 113–123].

По возможности фиксировалось описание внутренней планировки помещений. В первую очередь это касалось общественных пространств города. Кузнецанин И.Ф. Вилисов, работавший с 1911 г. официантом в Купеческом собрании, расположенном в доме бывшего золотопромышленника С.Е. Шукшина, подробно рассказывает о деятельности Купеческого собрания. Текст воспоминаний И.Ф. Вилисова подкреплен схемой планировки помещения Купеческого собрания: игральная комната в карты, бильярдная, буфет, зал, сцена, гарбероб, орган, лестница [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 73–87].

В.П. Девятияровым на основе воспоминаний кузнецанина Д.А. Быкова, составлена схема расположения зданий тюрьмы на территории Кузнецкой крепости, действовавшей до декабря 1919 г. [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 5–46].

Записанные сведения позволяют установить непосредственных исполнителей работ по строительству и оформлению некоторых зданий Кузнецка: «Со слов отца она [А.К. Шинкаренко] помнит, что был он в Кузнецке бондарем и столяром. Это он делал хозяину пивзавода Красимовичу вырезанные наличники к окнам вновь отстроенного большого дома. Это отец делал большие деревянные чаны под пиво тому же Красимовичу. Отец же рассказывал, что это он делал резные наличники к окнам одному из купцов М.Э. Окулову или Д.И. Шутову» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 33. Л. 560–565].

Будучи непосредственным свидетелем трансформации архитектурного облика бывшего г. Кузнецка, В.П. Девятияров в 1970–1980-е гг. активно пополняет свой архив не только историческими фотоснимками, но и фотографиями еще уцелевших к этому времени досоветских зданий. Так в архиве отложился ряд фотографий, сделанных фотографом М.С. Бугаевым. Фотограф запечатлел здания, большая часть из которых впоследствии была утрачена. Исследователь подкреплял этими фотокадрами тексты воспоминаний. Среди снимков: бывший дом Сычева на ул. Картасской, бывший дом купца Родионова на ул. Водопадной, бывший дом Исаевой на пер. Русинском, дома бывших купцов Хворовых на ул. Картасской и др.

Сохранение сведений об исторических зданиях города производилось и на основе

документального наследия досоветской эпохи. Так в архиве Девятиярова сохранилась почтовая фотокарточка 1915 г. с фотографией Народного дома им. А.С. Пушкина в г. Кузнецке. На обороте оригинала фотокарточки — адресованное кузнецанину Н.А. Майнакову рукописное поздравление с Новым годом от А. Уманского, отправленное из действующей армии в г. Кузнецк [НКМ, КП-7267/62. ИФ-4453]. Параллельно с этим, В.П. Девятияровым сделана копия этого снимка, также отложившаяся в архиве. На обороте пометы исследователя, посвященные зданию, запечатленным фотографом в 1915 г.: «г. Кузнецк. Вид Народного дома и последних трех домов по переулку Одигитриевскому, позднее — улица Народная (в советское время — улица Народная).

1. Народный дом имени А.С. Пушкина.
2. Дом Савельева Григория Савельевича.
3. Флигель Комлева (в 1920-х гг. [здесь] жил Псарёв К.)
4. Дом Комлева (Куртегешева Ивана Ивановича).

Перефотографировано в мае 1989 г. с фотототкрытки, присланной с фронта из действующей армии от 6 декабря 1915 г. Абрамом Уманским в г. Кузнецк другу Н.А. Майнакову.

В.П. Девятияров, 21.05.1989 г.».

Отметим, что фотографии рассматриваются исследователем не только как мемориальные предметы, но и как важные источники, иллюстрирующие состояние жилой застройки. На основе фотоматериалов В.П. Девятияров фиксирует название улиц и переулков, историю трансформации городской топонимики, а также отмечает домовладельцев зданий, попавших в объектив фотоаппарата.

Находя свое место в оформленных исследователем текстах воспоминаний старожилов, исторические фото сопровождаются и историей постройки запечатленных зданий, что уже отмечалось выше. Так в 1966 г. В.К. Шмыков сообщал в письме В.П. Девятиярову: «Отец мой, Карп Саватеевич Шмыков, участвовал в стройке [Народного] дома [им. Пушкина], как десятник, прораб по нынешнему. Он был плотник. <...> Золотопромышленник, городской голова Попов Степан Егорович <...> доверил стройку моему отцу, он руководил плотничьими работами, выдавал по субботам рабочим заработанные деньги. Народный дом строили примерно в 1901-1904 годах <...>. Сосновый лес «сутунки» был приплавлен по Томи на левый берег, где теперь деревообделочный завод» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 329–335].

Часть фотографий побуждали респондентов к более развернутому рассказу о локациях г. Кузнецка: «Показал ряд фотографий

с видами на Кузнецк: фото 1934 г., вид устья Иванцевки и Собор, фото 1937 г. «Вид г. Кузнецка и топольниковой рощи, реки Томи», дом купца Абрамова (фото ≈ 1937–1938 г.) — Агния Васильевна подтвердила, что да, это дом купца П.А. Абрамова, в котором она в детские годы в начале своей учёбы жила и училась в приходском училище. По фотографии «Вид Собора и улицы Набережной» состоялся разговор о торговых лавочках и магазинах, что видны за Собором. Агния Васильевна по памяти назвала, что самой крайней к Собору шла лавка купца Абрамова, а затем, не назвав по порядку, шли лавки Козьмина (торговал мелочёвкой), Куртегешева А.И., Чулошникова (маленькая лавка), были ещё чьи-то, потом деревянная Фонарева» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 35. Л. 130–136].

Вписанный в контекст стремительно развивающегося индустриального Новокузнецка, старый Кузнецк, начиная с первых лет советской власти, переживает ряд значительных изменений, затронувших в первую очередь, общественные здания. Информанты В.П. Девятиярова сообщают сведения об эксплуатации исторических зданий в советское время: «Все девочки приходского училища почему-то обучались тоже в каменном двухэтажном здании — бывшем доме купца Васильева, дом этот стоял в начале улицы Продольной (Пятилетки), напротив магазина купца Шутова. Позднее в этом здании была школа № 21, а перед сносом дома — детский сад № 45» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 35. Л. 183–188]. «В 1929 г. она устроилась в Тельбесский Центральный рабочий кооператив (ЦРК), контора которого размещалась в доме Буханова на Советской площади, где до сноса этого дома долгие годы был хлебный магазин» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 33. Л. 322–328]. «Красулины в Кузнецке жили богато. Это их кирпичный двухэтажный дом, который стоял в начале ул. Грибоедова, в котором после Великой Отечественной войны и вплоть до сноса его размещалось шестое отделение милиции» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 216–219].

Ряд эпизодов, упоминаемых старожилами, посвящен истории сноса общественных зданий Кузнецка: «Дом в клеточку (длинный) в 30-х годах разламывали под снос для тюрьмы. Знает об этом бывший начальник Кузнецкой тюрьмы Волошин, он руководил сносом того дома» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 33. Л. 341]. Отражена в воспоминаниях и история утраты жилых строений: «Где-то в 1934 или 1935 году в связи с намечаемым строительством железной дороги вдоль улицы Пятилетки, был снесён ряд домов этого района, в том числе снесён дом Скобелиных, которые переехали со своей усадьбы на другое место» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1.

Р-8. Д. 37. Л. 274]. «Жила в своём доме родителей до 1964 года, пока эти частные дома не попали под снос для строительства коммунальных домов» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 274].

Благодаря комплексу воспоминаний кузнецчан, можно проследить историю трансформации архитектурного облика ряда зданий. Перестройка зданий осуществлялась как в советское время («Дом тот хозяева [после 1943 г.] перестроили и сделали одноэтажным» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 34. Л. 15]; «Позднее, в 1953 году дом был перестроен, в котором мы живём и поныне» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 265–267]), так и в дореволюционную эпоху («Городская управа находилась в 2-х этажном деревянном здании по ул. Достоевского недалеко от дома Попова. На крыше здания надстроена пожарная вышка» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 34. Л. 28–33]).

В качестве важных топографических маркеров в текстах воспоминаний выступают общественные пространства, в первую очередь, связанные с торговлей (постройки на Базарной площади — магазины и купеческие дома), с производством (Кузнецкий казенный винный склад), с духовной жизнью (Спасо-Преображенский собор и Одигитриевская церковь) и с образованием (училища г. Кузнецка). В этих пространствах разворачивается значительная часть событий, упомянутых в эго-текстах. Именно здесь респондентами переживались не только личные, но и шире — городские, исторические события.

Архив краеведа В.П. Девятиярова на основе источников личного происхождения раскрывает историю трансформации «памятных» пространств Кузнецка, которые впоследствии стали мемориальными зонами. К таким местам можно отнести здания и территории, где происходили знаковые для города исторические события. К этим «местам памяти», которые часто фигурируют в текстах воспоминаний подавляющего большинства кузнецчан, следует отнести Кузнецкую тюрьму на Крепостной горе (в начале декабря 1919 г. в ходе антиколчаковского восстания из тюрьмы были выпущены заключенные, а через несколько дней здесь партизанами был казнен генерал П.Н. Путилов, памятник которому был установлен на территории музея заповедника «Кузнецкая крепость» в 2003 г.), Кузнецкий казенный винный склад (сегодня — Ликеро-водочный завод, где в июле 1914 г. произошли массовые погромы, учиненные мобилизованными на фронт Первой мировой войны), сквер Борцов революции (на территории которого расположена братская могила, где захоронены борцы за установление Советской власти,

а также «камень Талдыкина» — мемориальная плита с места убийства казначея первого Кузнецкого Совдепа К.И. Талдыкина), здание Кузнецкого казначейства (первое каменное жилое здание Кузнецка 1780 г. постройки, где в июне 1918 г. происходило вооруженное столкновение отступающих из города большевиков с «контрреволюционерами»).

Вместе с тем следует упомянуть и места, которые можно отнести к мемориальным городским пространствам, но которые либо не стали, или стали не сразу своеобразными «местами памяти» для кузнецчан. Во-первых, это Поганый Лог — территория поодаль от жилой застройки, куда в декабре 1919 г. свозили тела кузнецчан, погибших от рук членов партизанского отряда Рогова. Во-вторых, городское кладбище, которое в 1935 г. было закрыто в связи с началом постройки Кузнецкого паровозо-вагоностроительного завода. В послевоенное время на месте упраздненного кладбища был разбит Сад алюминщиков. На месте Кузнецкого кладбища, где и сейчас располагается Сад алюминщиков, в 2006 г. была открыта часовня Успения Божией Матери. Факт закрытия городского кладбища в 1935 г. наглядно иллюстрирует серьезные трансформации на месте исторических территорий Кузнецка — это первый большой эпизод «наступления» индустриального молодого города на историческую застройку. В дальнейшем пертурбации коснутся здания Спасо-Преображенского собора, который в 1940-е гг. был переоборудован под хлебозавод, а с 1960-х гг. постепенно разрушался. В конце 1950-х гг. была засыпана Иванцевская протока реки Томи, где с конца XIX в. располагалась городская пристань — на ее месте появилась железная дорога, ведущая к Западно-Сибирскому металлургическому комбинату. В 1970-е гг., как отмечалось выше, историческая застройка Кузнецкого района в некогда центральной, Нагорной части старого города, и вовсе подвергается сносу, уступая место многоэтажной застройке.

Таким образом, г. Кузнецк в советское время во многом был лишен инфраструктуры городской коммеморации («специализированных социальных институтов, призванных хранить фрагменты предшествующей истории города и институционализированные объекты памятования. Это музеи, библиотеки, архивы, архитектурные и пр. памятники» [Дахин 2011]), сперва вследствие своих небольших размеров, а затем, будучи «поглощенным» советским городом-гигантом Новокузнецком, где коммеморационная инфраструктура только формировалась (параллельно с промышленной и градостроительной частью) и была полностью подчинена атмосфере индустриализации во время первых пятилеток. Отметим, например, что

главным музейным пространством города Новокузнецка в 1930-1950-е гг. был Производственно-технический музей (сегодня — Научно-технический музей им. академика И.П. Бардина), открытый по инициативе главного инженера КМК в 1933 г. [Кашанский, Полянская, Самойловский 1933]. На территории бывшего города Кузнецка к началу 1930-х гг. уже существовал Краеведческий музей, но он находился в крайне плачевном состоянии, к тому же, в 1930-е гг. не раз высказывались предложения об объединении двух музеев — Производственно-технического и Краеведческого [Полянская, Чернявский 1934]. В послевоенный период история досоветского города нашла отражение в экспозиции Городского краеведческого музея, но она явно уступала по масштабам истории уже советского индустриального Новокузнецка. Лишь во второй половине 1980-х гг. силами городской общственности актуализируется значимость дореволюционного наследия города. Тогда был подготовлен проект «Историко-мемориальной зоны» на территории Кузнецкого района Новокузнецка, ставящий своей целью «сохранение памятников истории и культуры — предмет давней озабоченности новокузнецчан» [Маслов 1987].

Отметим, что активным участником этой работы во второй половине 1980-х гг. был и В.П. Девятяиров, к тому времени член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Вплоть до конца 1980-х гг. В.П. Девятяиров был не только автором уникального исторического комплекса по истории дореволюционного Кузнецка, но активно участвовал в спасении городских реликвий. По инициативе краеведа, часть его респондентов передавали в Новокузнецкий краеведческий музей мемориальные предметы. Немалая работа велась исследователем и по выявлению утраченных городских реликвий, связанных с архитектурой города. 18 мая 1987 г. в своих записях В.П. Девятяиров сообщал: «В 17–30 часов вечера у собора еще раз сегодня встретился с Василием Жильцовым. Он указал мне приблизительное место заиленного грязью купола колокольни Спасо-Преображенского собора. <...> Обо все этом, и о месте заиленного купола от собора, и о месте кирпичного фундамента собора обшил в районное общество охраны памятников Нине Петровне, а та — архитектору Ключкову» [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 36. Л. 27].

Выводы. История развития строительства и трансформация архитектурного облика г. Кузнецка рубежа XIX–XX вв. не была центральной темой исследовательской практики В.П. Девятяирова, однако городское пространство, ставшее местом разворачивания событий, о которых идет речь в текстах

воспоминаний старожилов, позволило краеведу зафиксировать значимые процессы, сопряженные с историей строительства, с формированием архитектурного облика Кузнецка и с его дальнейшей трансформацией в советскую эпоху.

Одна из основных задач, стоящая перед В.П. Девятяировым — создание подробной карты г. Кузнецка на 1918 г. — позволила исследователю сформировать обширный массив сведений о формировании жилой и общественной застройки, выявить время возведения и имена участников строительства многих зданий Кузнецка, проследить этапы трансформации не только отдельных зданий, но и целых районов Кузнецка.

Масштабный материал, содержащий воспоминания старожилов, черновики бесед, письма, исторические фотографии, копии архивных документов и авторские ремарки самого В.П. Девятяирова, позволил рассмотреть методику и методологию работы советского краеведа, в том числе и при изучении архитектурного наследия.

Обращение к разнообразным источникам (воспоминания, фотографии, архивные документы), собранных краеведом В.П. Девятяировым, позволяет сегодня решать многие исследовательские задачи, от реконструкции историко-культурного ландшафта г. Кузнецка до репрезентации утраченного архитектурного наследия в музейном пространстве. В формате выставочных проектов оказывается возможным комбинирование статичных форм коммуникации с посетителями (репрезентация документы, фотоснимков и эго-текстов) с процессуальными подходами: авторские экскурсии по экспозициям и по улица Кузнецкого района, интерактивные занятия и использование мультимедийных средств. Рассматриваемый материал — это перспективная содержательная основа для экскурсионной и музейно-педагогической деятельности.

Таким образом, обширный иллюстративный материал, подкрепленный мемуарными, вещественными, фотографическими и документальными свидетельствами, а также применение краеведом метода картографирования для составления подробной карты-схемы досоветского Кузнецка, позволяет рассматривать архив В.П. Девятяирова в качестве одного из главных собраний по истории г. Кузнецка конца XIX – начала XX в.

Список литературы

1. Дахин А. В. Город как место памятования // Аналитика культурологии. – 2011. – № 19. – С. 164–172.
2. Кашанский, Полянская, Самойловский Идите в музей завода // Большевицкая сталь. –1933. – 21 июля (№ 165). – С. 2.

3. Лизогуб П. П. Кузнецк на переломе эпох // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. – Томск; Новокузнецк, 2018. – С. 349–370.

4. Майорова Е. В. Формы хозяйственной деятельности жителей г. Кузнецка в конце XIX — нач. XX вв. (по воспоминаниям старожилов) // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1999. – Вып. 3. – С. 68–87.

5. Майорова Е. В., Ульянова И. В. Памяти В. П. Девятиярова // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1999. – Вып. 3. – С. 147–150.

6. Маслов Б. М., Клочков М. Н. Это наша история // Кузнецкий рабочий. – 1987. – 10 марта (№ 48). – С. 4.

7. Полянская, Чернявский Музеи Сталинска и Кузнецка нужно объединить // Большевицкая сталь. – 1934. – 10 ноября (№ 257). – С. 2.

References

1. Dakhin A. V. Gorod kak mesto pamyatovaniya [The city as a place of remembrance]. In: *Analitika kul'turologii*. 2011. № 19. Pp. 164–172. (in Russ.).

2. Kashanskii, Polyanskaya, Samoilovskii Idite v muzei zavoda [Go to the factory museum]. In: *Bol'shevistskaya stal'*. 1933. № 165. P. 2. (in Russ.).

3. Lizogub P. P. Kuznetsk na perelome epokh [Kuznetsk at the turn of the eras]. In: *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk: 400 let v istorii Rossii. Tomsk; Novokuznetsk, 2018. Pp. 349–370. (in Russ.).

4. Maiorova E. V. Formy khozyaistvennoi deyatel'nosti zhitelei g. Kuznetska v kontse XIX — nach. XX vv. (po vospominaniyam starozhilov) [Forms of economic activity of residents of Kuznetsk in the late 19th - early 20th centuries (according to the recollections of old-timers)]. In: *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk, 1999. Iss. 3. Pp. 68–87. (in Russ.).

5. Maiorova E. V., Ul'yanova I. V. Pamyati V. P. Devyatiyarova [In memory of V. P. Devyatiyarov]. In: *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk, 1999. Iss. 3. Pp. 147–150. (in Russ.).

6. Maslov B. M., Klochkov M. N. Eto nasha istoriya [This is our history]. In: *Kuznetskii rabochii*. – 1987. – № 48. P. 4. (in Russ.).

7. Polyanskaya, Chernyavskii Muzei Stalinska i Kuznetska nuzhno ob'edinit' [Stalinsk and Kuznetsk museums need to be merged]. In: *Bol'shevistskaya stal'*. 1934. № 257. P. 2. (in Russ.).

Список литературы

1. НКМ, КП-7267/62. ИФ-4453 .
2. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8.
3. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 34. Л. 15.
4. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 33. Л. 322–328.
5. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 33. Л. 341.
6. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 33. Л. 391–398.
7. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 33. Л. 476–478.
8. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 33. Л. 560–565.
9. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 34. Л. 28–33.
10. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 35. Л. 1–23.
11. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 35. Л. 130–136.
12. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 35. Л. 183–188.
13. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 35. Л. 205–239.
14. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 36. Л. 27.
15. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 113–123.
16. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 207–212.
17. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 216–219.
18. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 220–221.
19. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 265–267.
20. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 274.
21. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 329–335.
22. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 5–46.
23. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 73–87.
24. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 39. Л. 1–5.
25. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 41.

Список сокращений

- ИФ — изобразительный фонд.
КМК — Кузнецкий металлургический комбинат.
КП — книга поступлений (главная инвентарная книга).
НКМ — Новокузнецкий краеведческий музей.
НФ-Д — научно-документальный фонд.

Материал передан в редакцию 03.06.2025

М.А. Целищева

Алтайская региональная краеведческая общественная
организация «Наследие Алтай» (Барнаул)
ул. 80 Гв. дивизии, 14, г. Барнаул, Россия, 656037
c.marina64@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>

**«Театр металлургов» в г. Новокузнецке — первое в Сибири здание,
специально предназначенное для театра, памятник архитектуры,
выполненный в стилистике конструктивизма XX века**

Аннотация

Город Новокузнецк является одним из старейших городов в Сибири. Индустриализация СССР в кон. 1920-х — нач. 1930-х гг. превратила город в важный промышленный центр. В начале 1930-х гг. было принято решение построить новое кирпичное здание театра недалеко от Кузнецкого металлургического комбината. Оно было сооружено по проекту инженера-кузнецкстроевца Г.Аппака и немецкого архитектора Козеля в рекордно сжатые сроки — за семь месяцев 1933 г. За время существования городского театра в нем по очереди работали такие культурные учреждения, как Сталинский драмтеатр им. Р. Эйхе, Сталинский драмтеатр им. С. Орджоникидзе. Во время Великой Отечественной войны-Новосибирский театр «Красный факел», Московский государственный театр оперетты. В 1944 г. в здании вновь открыл театральный сезон Государственный драматический театр им. С. Орджоникидзе, который проработал в нем до 1963 г. В дальнейшем здание городского театра было передано Кузнецкому металлургическому комбинату как Театр металлургов.

Ключевые слова: театр; культурное учреждение; государственный драматический театр; объект культурного наследия

M. Tselishcheva

Altai regional local history non-government organization «Altai Heritage» (Barnaul)
656037, Russia, Barnaul, ul. 80 Gvardeiskoj divizii, 14
c.marina64@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>

**The theater of metallurgists in Novokuznetsk as the first building especially designed
for the theater in Siberia and an architectural monument made in the constructivism
style of the 20th century**

Abstract

The city of Novokuznetsk is one of the oldest cities in Siberia. Industrialization of the USSR in the late 1920s – early 1930s turned the city into an important industrial center. In the early 1930s it was decided to build a new brick building for the theater near the Kuznetsk Metallurgical Plant. The theater was built according to the project of the engineer of the most important all-Union construction site G. Appak and the German architect Kozel in record time — only for seven months of 1933. During the existence of the city theater, the Stalin Drama Theater named after Robert Eikhe, then the Stalin Drama Theater named after Sergo Ordzhonikidze were situated there. During World War II, the Krasnyi Fakel Novosibirsk Theater and the Moscow State Operetta Theater were located here. In 1944, the State Drama Theater of Sergo Ordzhonikidze, which worked in it until 1963, reopened the theater season in the building. Subsequently, the building of the city theater was transferred to the Kuznetsk Metallurgical Plant as the Theater of Metallurgists.

Keywords: theater; cultural institution; state drama theatre; cultural heritage site

Введение. Город Новокузнецк является одним из старейших городов в Сибири. Свое существование Кузнецк начал с острога в начале XVII в. на левом берегу реки Томи. К началу XX в. Кузнецк был небольшим провинциальным городом с населением чуть более 3 тыс. человек. В 1914 г. на левом берегу Томи возник поселок Сад-город. Проект Сад-города при железнодорожной станции Кузнецк Кольчугинской железной дороги был

разработан томским архитектором А.Д. Крячковым, который работал по заказу акционерного общества «Копикуз», которому принадлежала Кольчугинская ж/д. Современный Новокузнецк был образован 3 июля 1931 г. решением Президиума ЦИК СССР из поселка Сад-город (1929) при строящемся металлургическом заводе. Постановлением ВЦИК от 2 марта 1932 г. города Кузнецк и Новокузнецк Западно-Сибирского края, объединены

в один город. Объединенному городу присвоено название «Новокузнецк». Этим же Постановлением в городскую черту г. Новокузнецка были включены прилегающие к нему населенные пункты. В мае 1932 г. город был переименован в г. Сталинск. Индустриализация СССР в кон. 1920-х – нач. 1930-х гг. превратила город в важный промышленный центр. В 1929 г. по проекту американской фирмы «Фрейн», утвержденному Главчерметом 20 апреля 1929 г. и под руководством главного инженера Кузнецкстроя И.П. Бардина было начато строительство Кузнецкого металлургического комбината (КМК) [Сборник Кузнецкстроя 1930]. Первая очередь комбината была сдана в эксплуатацию в 1932 г. Всесоюзная стройка дала толчок развитию города — рабочим нужно было где-то жить. По данным переписи населения 1931 г. в соцгородке уже проживало 45,9 тыс. жителей. В Новокузнецке (Сталинске) ровная площадка, выделенная для проектирования соцгорода, была ограничена: с севера — площадкой металлургического завода и отрогами Кузнецких гор, с восточной стороны — границей разлива реки Томи (так называемым Моховым болотом), с юга — веткой Кольчугинской железной дороги и отрогами Соколовой горы, с западной стороны — Араличевскими угольными копями [ГА РФ, Ф.А-314. Оп. 1. Д. 7879. Л. 8, 10]. В это время иностранные специалисты привлекались как к решению технологических проблем завода, так и к проблемам градостроительства. В качестве специалистов в Россию в 1930 г. прибыла группа немецкого архитектора-конструктивиста Эрнеста Мая. Ими был разработан проект планировки города на 83 тыс. жителей. 13 июня 1930 г. началась постройка первых десяти кирпичных 32-х квартирных домов соцгорода металлургов [Сталинск 1954, С. 25]. В дальнейшем данный проект планировки Сталинска считали скучным — представлял собой скопление каменных одинаковых коробок, построенных без внешних архитектурных украшений. В начале 1933 г. в город прибыла ленинградская группа архитекторов-планировщиков. Обследовав строительство и изучив проект города, эта группа предложила новый эскиз планировки застройки города. Проект предусматривал максимальное и наиболее совершенное обслуживание культурных и бытовых нужд трудящихся. В городе намечалось строительство культурно-просветительских учреждений, школ, детских садов и яслей, сеть коммунальных предприятий, общественного питания и здравоохранения. Пленум Сталинского горкома, состоявшийся в конце февраля 1933 г., высказался за то, чтобы проектировка головных архитектурных узлов, отдельных кварталов и общественных сооружений, таких как Центральная и Вокзальная

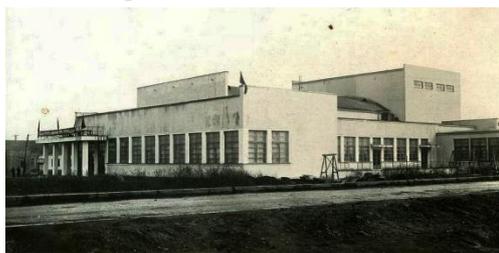
площади, Дом Советов, Дворец Труда, городской театр и др., производилась в порядке общесоюзных конкурсов. В системе управления КМК должна была создана группа, которая бы следила за выполнением работ в соответствии с принятым проектом и за архитектурным оформлением города [Кожевников 1933, с. 3]. Возможности приобщения населения Западной Сибири к драматическому искусству заметно увеличились в годы первых пятилеток, отмеченных стремлением к организации системы театров, функционирующих на постоянной основе. К началу 1930-х гг. в Западной Сибири работало лишь 5 постоянно действующих профессиональных коллективов: первый за Уралом ТЮЗ в Новосибирске; Томский театр драмы и комедии им. А.В. Луначарского; Барнаульский краевой драматический; Омский музыкально-драматический и Бийский драматический театр. Функционировали, правда, и несколько сезонных театральных коллективов, базировавшихся в Кемерове и других западносибирских городах. Еще в 1930 г. Совнарком РСФСР постановлением от 7 октября 1930 г. «Об улучшении театрального дела» предложил Госплану РСФСР «при разработке уточненного пятилетнего и ежегодных планов социально-культурного строительства особо выделить контрольные цифры по массовой театрально-художественной работе начиная с 1931 г.» [Сорокин 1986, с. 53]. В конце 1920-х – нач. 1930-х гг. в большинстве случаев сценической площадкой стационарированных театральных трупп являлись клубные помещения, далеко не всегда приспособленные для театральных постановок. Это заставило Сибирский Край создавать «театральные тресты» с привлечением средств профсоюзов, кооперации и других организаций, дававшие возможность, как отмечалось в справке «О состоянии театрального дела в Сибири», «под театр, как предприятие, подвести более устойчивую материальную базу». В рамках этого процесса в ряде городов региона, в том числе и соседних, таких как Алтайский край — в г. Барнауле [Целищева 2011] и в г. Рубцовске [Целищева 2015] началось строительство специализированных театральных помещений. В это же время был построен и городской театр (в дальнейшем Театра металлургов) в Сталинске.

Полученные результаты, исследование. В 1931 г. Краевое управление зрелищных предприятий, проанализировав положение о художественном обслуживании Кузнецкстроя, пришло к заключению о необходимости стационарировать одну из постоянных театральных трупп. Для работы театра решено было приспособить центральный городской клуб им. Р. Эйхе. Клуб капитально

отремонтировали, расширили фойе, «отеплили», устроили гардеробные, повесили объявление: «Верхнее платье снимать обязательно», при театре начал работать ресторан. В 1931 г. группа актеров из Ленинграда, Москвы, Киева, Одессы приехала на Кузнецкстрой. В деревянном бараке клуба осенью 1931 г. городской театр начал свою работу. Клуб им. Эйхе, где базировалась труппа Сталинского драмтеатра, представлял собой низкий деревянный барак. Тем не менее и в этих условиях были выпущены «Первая конная» В. Вишневского, «На всякого мудреца довольно простоты» и вообще, как писала местная газета, «все лучшее, что имеется в советской драматургии». Но в конце театрального сезона 1931/1932 гг. случился пожар, и очаг культуры — клуб сгорел. Театр какое-то время продолжал еще работать в помещении школы ФЗУ (фабрично-заводского ученичества).

И тогда было принято решение построить новое кирпичное здание театра недалеко от Кузнецкого металлургического комбината. Оно было сооружено по проекту инженера-кузнецкстроевца Г. Аппака и немецкого архитектора Козеля в рекордно сжатые сроки — за семь месяцев. Еще в августе 1933 г. чтобы стимулировать темпы и качество строительства, городские власти объявили о выплате премии ударникам труда. Каменное двухэтажное здание с подвалом выросло на месте болота. Из-за этого пришлось производить более сложные основания и проложить глубокие фундаменты, в здании соорудили конструкцию стальной фермы над партером и вращающуюся сцену. Театр получился очень необычным в архитектурном плане. Архитектура первой версии здания была ярким примером конструктивизма. План здания отличался простотой и логичностью: входной вестибюль, квадратный зрительный зал с кулуаром, сценическая коробка с гримборными для артистов и подсобными помещениями были выделены в отдельные блоки разной формы и величины, располагающиеся друг за другом по продольной оси здания. Представляли интерес и интерьеры вестибюля с нависающим над ним балконом-галереей второго этажа и просторного кулуара, разделенного рядом колонн и освещенного ленточными окнами. Интересна была конструкция перекрытий театра: железобетонные монолитные по металлическим балкам, а крыша над залом — по деревянным арочным фермам пролетом 20 метров. Стены долгое время стояли неоштукатуренными. Вход в театр изначально украшал козырек, опирающийся по своему периметру на строгие и внушительные, не колонны даже, а скорее столбы. Позже вокруг театра был разбит сад. Это было первое в Сибири здание, специально

предназначенное для театра (ил. 1). Артисты вспоминали, что «шли в театр, а у театра еще нет ни одной стены, зрительный зал весь в лесах. Горят большие печи с коксом, от газа кружится голова. Мы репетировали в пальто и валенках. Леса снимали в день премьеры» [Десять лет города, 1939. с. 247]. В ноябре 1933 г. открылся новый городской театр. Вот как описывается это событие в местной газете: «Тысяча двести человек членов горСовета, ударников завода и строительства, инженеров, хозяйственников и колхозников вошли накануне годовщины Октября в ярко освещенный зал нового театра, дивясь колоссальной сцене, которой могут позавидовать в столице» [Есть театр, 1933. с. 4]. Пленум горСовета принял новый театр и присвоил ему имя тов. Эйхе. В другой заметке этого периода сообщили, что «сотни каменных домов, прекрасный театр им. тов. Эйхе, восемь больниц, 35 школ, из которых 12-я является крупнейшей школой в Советском Союзе, сто с лишним яслей, двенадцать библиотек, бани и ванны душевые, паровое отопление большинства домов, водопровод, канализация - таковы подарки Сталинска Октябрю [Победа Сталинска, 1933. с. 1]. Первым спектаклем на новой сцене городского театра была постановка «Интервенция» Л. Славина, в дальнейшем горожанам показали трагедию «Коварство и любовь» Шиллера. В первом театральном сезоне было поставлено восемь пьес, в том числе такие постановки, как «Доходное место», «Беспреданница» и «Таланты и поклонники» по Островскому. Всего за театральный сезон было показано 87 спектаклей, посетило театр 85 тыс. зрителей [Десять лет города, 1939. с. 245–247].

Ил. 1. Театр им. Эйхе, сооружен по проекту инженера Г. Аппака и немецкого архитектора Козеля в 1933 г. г. Новокузнецк (г. Сталинск), Театральный проезд, 6. Из архива Центра по охране памятников

Fig. 1. The theatre named after Robert Eikhe was built according to the project of engineer G. Appak and the German architect Kozel in 1933 in Novokuznetsk (prev. Stalinsk), the address: proyezd Teatralnyi, 6. From the archive of the Center for the Protection of Monuments.

Осенью 1934 г. здание театра поставили на ремонт, в ходе которого обнаружили грибок в подполе из-за отсутствия в нем вентиляции. В зале соорудили леса для отделки

стен. Специалисты долго обсуждали художественное оформление здания театра. 8 октября 1934 г. в местной газете отмечали, что снаружи на здании леса еще не убраны, наружная штукатурка здания театра не закончена, прораб участка Аппак обещал на днях приступить к отделке здания снаружи. Внутри здания уже закончена покраска стен, потолков, вестибюля, осталась лишь отделка панелей. Красиво оформлен зал фойе, заканчиваются работы в помещении буфета. Зрительный зал оштукатурен. Сделаны отдушины в подполе, идет планировка в нижней части здания и просушка. По словам строителей к 26 октября должны быть закончены все малярные и штукатурные работы, а вот работы по отделке здания декоративными элементами задерживались [Бурд 1934, с. 3]. Но к театральному сезону 1934/1935 гг. отделка здания театра так и не была закончена. В этот период на сцене ставили спектакли «Гибель эскадры», «Платон Кречет» и др. В 1935/1936 театральный сезон артисты драматического театра поставили «Борис Годунов» Пушкина, «Женитьба» Гоголя и др. К началу третьей пятилетки в Кузбассе осталось только три профессиональных театра — два в Сталинске (городской и Юного зрителя) и один — в Кемерове [ГАКО, Ф. П-18. Оп. 1. Д. 78. Л. 267]. Несмотря на значительный рост населения города в период активной индустриализации, посещаемость в Сталинском драмтеатре даже регрессировала. Достигнув пика 205 тыс. зрителей в 1935 г., посещаемость в дальнейшем последовательно снижалась от 186,7 тыс. зрителей в 1936 г. до 138,4 в 1937 г., 129,6 тыс. зрителей — в 1938 г. [Зяблищева 2015, с. 181–187]. Возможно, это было связано с тем, что самым массовым видом отдыха у горожан было посещение кино, которое знакомило с событиями, происходившими в мире, создавало образы героев, которым подражали. Передвижная киностанция располагалась и в помещении городского театра. Театральный сезон осенью 1936 г. в городском театре открылся с постановки пьесы Лавренева «Разлом». Кроме спектаклей в городском театре намечено было устраивать два раза в месяц концерты симфонического оркестра [Театральный сезон 1936, с. 4]. В ноябре 1937 г. в городском театре состоялось предвыборное совещание представителей общественных организаций и обществ трудящихся г. Сталинска по выбору депутатов в Верховный Совет.

Скорость строительства здания городского театра сказалась на качестве. Уже через пять лет потребовалась замена перекрытий. За дело взялся архитектор Громов. Но как писал в 1938 г. в газете архитектор из проектного отдела КМК Касюк «работы по

наружному оформлению и замене перекрытий гортеатра вовремя не сделаны». В ходе ремонта предполагалось заменить арки в зрительном зале и кровлю. В архиве проектного отдела КМК сохранились чертежи данных работ. На одном чертеже был нарисован зрительный зал (общий вид), детали арок, план арок зрительного зала в разрезе и геометрическая схема арок. Другой чертеж был посвящен зрительному залу и кровли, в том числе был нарисован план кровли, плиты перекрытия, деталь карниза, оконный переплет слухового окна [Технический архив 1938]. До 1938 г. театр носил имя влиятельного политического деятеля тех лет Роберта Эйхе, впоследствии репрессированного. С мая 1938 г. и практически до конца XX столетия драматический театр назывался именем наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе, лично посетившего стройку в августе 1933 г. В начале 1941 г. в городском театре артисты драмтеатра показывали зрителям такие спектакли, как «Васса Железнова», «Нора», «Горькая судьбина», «Маскарад», «Живой труп» и др. Война кардинальным образом изменила во многом устоявшийся уклад довоенного театрального мира Западной Сибири. Не имея сколько-нибудь серьезных материальных и финансовых ресурсов, местные власти перебрасывали средства из фондов одних театров в фонды других, как это было, к примеру, в случае со Сталинским драмтеатром, помощь которому, в соответствии с решением Новосибирского облисполкома от 25 июля 1941 г., была оказана за счет сокращения ассигнований театру оперы и балета (на 160 тыс. руб.), «Красному факелу» (на 100 тыс.), Томскому театру (на 40 тыс.) и Новосибирскому колхозно-совхозному театру (на 25 тыс.) [ГАНУ, Ф. Р-1376. Оп. 1. Д. 42. Л. 99]. С одной стороны, в дальнейшем сократилось количество сибирских театров, изменился их кадровый состав, с другой — театральная сеть региона значительно расширилась за счет эвакуированных театров, прибывших из Европейской России, Украины и Белоруссии. Местных и эвакуированных в Сибирь театров объединяло в этот период одно — общая репертуарная политика, основанная на одинаковых представлениях о роли драматического искусства в условиях борьбы с врагом. С 26 июня 1941 г. в здании городского театра работала призывная комиссия, где артисты драмтеатра несли постоянные дежурства. Городской драматический театр имени Серго Орджоникидзе в сентябре 1941 г. был эвакуирован в город Ленинск-Кузнецкий, а на сцене городского театра начал свою творческую жизнь Новосибирский театр «Красный факел», который 27 сентября 1941 г. показал премьеру —

спектакль Шекспира «Гамлет». С начала октября 1941 г. на сцене городского театра шли постановки театра «Красный факел» — «Машенька» Афиногорова, пьеса в 4-х действиях, «Мой сын», «Испанцы», пьеса О. Бальзака «Евгения Гранде» [Заметка 1941, с. 4]. В октябре 1941 г. в помещении городского театра состоялись гастроли Государственного ансамбля народного танца Союза ССР под руководством Игоря Моисеева. Ансамбль состоял из 90 артистов [Заметка 1941, с. 4]. 17 октября на этой же сцене состоялась последняя гастроль Государственного ансамбля народного танца Союза ССР для комсомольцев и молодежи города [Заметка 1941, с. 4]. 20 октября 1941 г. театр «Красный факел» предложил провести совещание с театральными уполномоченными всех заводских предприятий и учреждений города в здании городского театра, на котором был заслушан доклад «О работе Новосибирского театра «Красный факел» в городе Сталинске» [Объявление 1941, с. 4]. В апреле 1942 г. спектаклем «Обрыв» театр «Красный факел» закрыл театральный сезон и уступил сцену Московскому государственному театру оперетты, который в апреле 1942 г. приехал в город и приступил к репетициям спектаклей. А сам театр «Красный факел» переехал в Прокопьевск. В репертуаре московской оперетты были классические спектакли: «Сильва», «Летучая мышь», «Роз-Мари», «Свадьба в Малиновке». К 25-летию Октября в театре был показан спектакль «Табачный капитан». 14 декабря 1942 г. в помещении гортеатра состоялось собрание избирателей Орджоникидзевского района, посвященное 5-й годовщине выборов в Верховный Совет СССР. Собрание приняло письмо воинам Центрального фронта, а также обращение к металлургам КМК, ко всем трудящимся города Сталинска об организации сбора средств на строительство танковой колонны «Кузнецкий металлург». 21 декабря 1942 г. свой выходной день коллектив Московского театра оперетты сделал рабочим днем и поставил оперетту «Свадьба в Малиновке». Весь сбор от спектакля был направлен на помощь строительству танковой колонны «Кузнецкий металлург» [Новокузнецк 2020, с. 37–41]. 18 января 1943 г. Московский театр оперетты в помещении городского театра провел костюмированный бал, а 27 марта состоялся концерт, весь сбор от которого был перечислен в фонд вооружения Красной Армии. После отъезда театра оперетты, в декабре 1943 г. в город приехал драматический театр имени М. Заньковецкой. 14 декабря 1943 г. в помещении гортеатра спектаклем «Олеко Дундич» Каца и Ржешевского он начал свою творческую жизнь. 20 июля 1944 г. в помещении гортеатра прошел митинг инженеров и техников треста «Сталинскпромстрой», посвященный

вручению коллективу треста переходящего Красного знамени ГКО (Государственного комитета обороны) за работу в июне. 30 октября и 1 ноября 1944 г. прошли последние спектакли театра имени Заньковецкой перед его отъездом на Украину.

23 ноября 1944 г. постановкой комедии Шекспира «Много шума из ничего» после трехлетнего перерыва открыл зимний театральный сезон 1944/1945 гг. Государственный драматический театр им. Серго Орджоникидзе [Снова в родном городе 1944, с. 2]. В декабре 1944 г. артисты драмтеатра, кроме комедии «Много шума из ничего», поставили на сцене спектакль «Вынужденная посадка», а 30 декабря показали премьеру — пьесу Панова «Труби Герольд». В феврале 1945 г. через местную газету дирекция драмтеатра обратилась к горожанам с просьбой, что им срочно требуются для временного использования на три месяца комнаты (можно с подселением) для студийцев-практикантов. Здесь же было дано объявление, что театр покупает старинные кружева, веера, перчатки, стильную мебель, а также ярко-цветные отрезки на костюмы. В это время на сцене городского театра шла пьеса в трех действиях «Жди меня» К. Симонова, поставленная артистами Государственного драматического театра [Заметка 1945, с. 4]. В марте 1945 г. в помещении городского театра прошло торжественное заседание, посвященное Международному женскому дню 8 марта. 1 июня 1945 г. артисты представили премьеру комедии в четырех актах «Слуга двух господ» К. Гольдони, а с 17 июня на сцене гортеатра шла пьеса К. Симонова «Так и будет». 30 июня был показан закрытый спектакль. В послевоенные годы театр развивался вместе со страной. Постановки были устремлены к светлому будущему. Последние штрихи и оформление площади перед театром были сделаны в 1955 г. В период подъема 1960-х гг. театр стремится отражать актуальные проблемы языком современных выразительных средств.

В 1961–1964 гг. в здании театра прошла реконструкция по проекту архитектора Ю.А. Медведкова. В результате реконструкции внешний облик здания потерял стилистическую ясность и утратил признаки конструктивизма. Переделки фасада коснулись в основном вестибюльной части здания. Был убран козырек над входом, вместо него появился остекленный тамбур. Гладкие стены были расчленены горизонтальными тягами и завершены карнизами, изменена окраска фасадов здания. Полностью реконструированы интерьеры. В архиве проектного отдела КМК сохранились чертежи данных работ. На одном из них показаны северный и западный фасады здания с переделанным входным узлом (на главном западном фасаде), с

показом, где будут находиться витражи в новом тамбуре, выполненные Кемеровгражданпроектом [Технический архив 1961–1964]. 10 августа 1963 г. Новокузнецкий драматический театр переехал в новое, специально построенное здание на театральной площади (архитекторы Анатолий Зайцев и Светлана Чалая).

5 октября 1963 г. здание городского драматического театра было передано Кузнецкому металлургическому комбинату как Театр металлургов. В 1967 г. в здании провели капитальный ремонт. Были выполнены следующие работы: реконструкция сцены, в том числе сделали дымовые люки и подпольные отсеки из кирпича под зрительным залом, ремонт покрытия над сценой, усиление опоры механического поворота вращающего круга, расширили оркестровую яму. Провели усиление опор балок перекрытия и выполнили из железобетона перекрытия в буфете и курилке, укрепили опоры для балок колосяков, выполнили ограждение кровли, а также кирпичную кладку стен фойе, главного входа и подоконные плиты. Сделали металлические колонны, над главным входом — армирование ж/бетонного козырька, отвод воды с витража. В кассовом зале выполнили оформление проемов билетных касс, отремонтировали кинопроекторную, установили новую аппаратуру и экран в зале. Обновили двери со сцены в фойе, отремонтировали балкон для оркестра в фойе, трансформаторную подстанцию и вентиляционную камеру. Обновили кресла в зрительном зале. Выполнили озеленение и благоустройство территории вокруг театра и многое др. [Технический архив 1967]. В 2001 г. проектный отдел КМК выполнил план благоустройства театра металлургов. В техническом архиве проектного отдела КМК сохранился чертеж данных работ, в том числе были указаны места посадки деревьев, таких как тополь, рябина, клен и показана разбивка газонов вокруг здания [Технический архив 2001]. В 2002 г. Новокузнецким бюро технической инвентаризации был выполнен технический паспорт на здание по пр-ду Театральному, 6. В паспорте было отмечено, что у двухэтажного здания Литер Б, 1933 г. постройки фундаменты бетонные, ленточные, глубиной до 2 метров, стены кирпичные, в 2,5 кирпича. Перегородки шлакоблочные, мелкие плиты. Перекрытия ж/бетонные по металлическим балкам. Крыша железная, полы дощатые по лагам, бетонные. Двери двухстворчатые, филенчатые. Внутренняя отделка — оштукатурено, побелено, покрашено [Техпаспорт 2002]. В этом же году был произведен косметический ремонт фасадов, в ходе которого из-за разности материалов отделки здание потеряло свою архитектурную выразительность. Стены на блоке зрительного зала

были оштукатурены улучшенной штукатуркой, а на административной части и стенах сценической коробки штукатурка была выполнена под «шубу». В 2003 г. по договору купли-продажи от 01.12.2003 (№4491008) здание театра было приобретено ОАО «Новокузнецкий металлургический комбинат». В 2006 г. Новокузнецкий металлургический комбинат (предприятие «ЕвразГруп») приступило к ремонту здания театра металлургов. В ходе ремонта обновили зрительный зал — установили новые кресла, заменили напольное покрытие, на потолок установили акустические панели. Во всем здании поставили новые пластиковые окна [«ЕВРА» ремонтирует 2006. с. 1]. В 2007 г. постановлением Коллегии администрации Кемеровской области от 20.12.2007 (№358) здание было поставлено на государственную охрану. В этом же году приказом Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области от 29.12.2007 г. (№467) были утверждены особенности объекта культурного наследия регионального значения «Театр металлургов», подлежащих обязательному сохранению (предмет охраны) и установлению границ его территории. В 2011 г. было выдано Свидетельство о государственной регистрации права собственности на здание Театра металлургов (отдельно стоящее нежилое здание), общей площадью 3828,3 м², расположенное по адресу: Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, пр-д Театральный, 6. Основанием смены собственника послужил передаточный акт от ОАО «Новокузнецкий металлургический комбинат», реорганизуемое в форме присоединения к ОАО «Западно-Сибирский металлургический комбинат». Постановлением Коллегии администрации Кемеровской области от 04.09.2013 (№369) утверждены границы зон охраны объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, расположенных на территории г. Новокузнецка, режимов использования земель и градостроительных регламентов в границах данных зон. 27 февраля 2016 г. в театре металлургов состоялся первый в компании форум Кузбасса. Для приглашенных предоставили зал и балкон на 760 посадочных мест.

В 2018 г. специалистами комитета по охране объектов культурного наследия Кемеровской области был составлен акт технического состояния здания театра (ил. 2). В акте было отмечено, что здание построено на естественном основании, на левом берегу р. Томь. Фундамент — бетонный, ленточный, цоколь выполнен из кирпича, оштукатурен, находится ниже отметки земли, что приводит к постоянным замочаниям стен, наблюдались отвалы штукатурного слоя. Отмостка ас-

фальтовая, совмещенная с тротуаром. Внутренние стены и перегородки выполнены из красного глиняного кирпича, оштукатурены, перегородки кирпичные. Колонны кирпичные, оштукатуренные, образовались при пристройке дополнительного объема (буфет) на юго-западном фасаде в ходе реконструкции в 1961–1964 гг. Перекрытия железобетонные, монолитные по металлическим балкам. В административной части здания перекрытия деревянные. В наружном штукатурном слое с гладкой штукатуркой светло-зеленого цвета на стенах наблюдались отвалы штукатурного слоя, особенно в карнизной части, волосяные трещины, пятна сырости в цокольной части. Стены с декоративной штукатуркой по «шубу» окрашены в серый цвет, состояние окраски в целом было удовлетворительное. Широкие профилированные карнизы по периметру выполнены из кирпича с маленьким выносом. Первоначальные крыльца утрачены. Главный вход в театр расположен со стороны северо-западного фасада в пристроенный остекленный тамбур. Три эвакуационных выхода (из зрительного зала) расположены с северо-восточной стороны здания с крыльцом в две ступени под навесом. Над главным входом размещена надпись «Театр металлургов» и символика «Евраз». Кровля металлическая, стропила деревянные, слуховые окна с жалюзийными решетками. Водосточные трубы – металлические, прямоугольного сечения, окрашенные масляной краской, присутствуют только с кровли со стороны зрительного зала. Парапет отсутствовал. В помещениях полы разнообразные, потолки — штукатурка в большей части помещений. Окна заменены на пластиковые с сохранением конфигурации. Оконные проемы в верхней части стен зрительного зала были заложены кирпичом. Двери в зрительный зал дубовые, филенчатые, лестницы железобетонные, в административной части облицованы керамической плиткой. Ограждение металлическое с деревянными поручнями. Балкон со входом в зрительный зал расположен в гардеробном блоке. Театр расположен на благоустроенном участке, ограниченном пр. Курако, ул. Орджоникидзе и Театральным проездом. Главный фасад здания, перед которым разбит сквер, обращен на пл. Победы [Акт 2018]. В конце мая 2018 г. приказом Комитета по охране объектов культурного наследия Кемеровской области от 25.05.2018 (№ 49) утверждено охранное обязательство собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия регионального значения «Театр металлургов». Сегодня в здании ежегодно проходит свыше 300 мероприятий, театр металлургов является одним из основных учреждений культуры Новокузнецка.

Ил. 2. Театр металлургов. Современный вид. Кемеровская область, г. Новокузнецк, Театральный проезд, 6. Из архива Центра по охране памятников.

Fig. 2. The Theater of Metallurgists, a current guise. Kemerovskaya oblast, Novokuznetsk, proyezd Teatralnyi, 6. From the archive of the Center for the Protection of Monuments.

Ил. 3. Проект реставрации фасадов и ремонта крыши объекта культурного наследия «Театр металлургов», расположенного по адресу: Кемеровская область, г. Новокузнецк, Театральный проезд, 6. Общество с ограниченной ответственностью «Архитектурно-реставрационная мастерская» (ООО «АРМ», г. Барнаул, арх. Е. Шаповаленко). 2020 г.

Fig. 3. Project of the facades' restoration and roof repair of the cultural heritage site "Theater of Metallurgists", the address: Novokuznetsk, proyezd Teatralnyi, 6. Limited Liability Company "Architectural and Restoration Workshop" (LLC ARW, Barnaul, architect Ye. Shapovalenko). 2020

В 2020 г. Общество с ограниченной ответственностью «Архитектурно-реставрационная мастерская» (ООО «АРМ», г. Барнаул, арх. Е. Шаповаленко) выполнило научно-проектную документацию по сохранению объекта культурного наследия регионального значения — «Театр металлургов», по адресу: Кемеровская область, г. Новокузнецк, Театральный проезд, 6 — «Реставрация фасадов, ремонт крыши» (ил. 3). Автор приняла участие в работе данного коллектива в разделе проведение архивно-библиографических изысканий и выполнение исторической записки. Реставрационные и ремонтные работы на объекте культурного наследия направлены на сохранение существующей объемно-планировочной структуры объекта, конструктивных особенностей памятника, декоративных деталей фасадов, с заменой заполнения оконных и дверных

проемов по первоначальному образцу. Архитектурный облик реставрируемого объекта ориентирован на вторую половину XX в., с учетом привнесенных изменений и поздних наслоений. За основу принималось существующее объемно-планировочное решение. В ходе работы был выполнен проект ремонта крыш и покрытий театрального здания и реставрация фасадов. Проектом предусматриваются следующие направления по реставрационным работам на фасадах здания и ремонтным работам крыш, а именно: демонтаж существующего кровельного покрытия на всех объемах здания и обрешетки, за исключением объема зрительного зала; замена существующего утеплителя (шлак) на современный более эффективный; демонтаж всех сетей с фасадов здания; демонтаж крупногабаритных прямоугольных водосточных труб со стороны северо-западного фасада на стене зрительного зала; снятие существующего позднего фактурного штукатурного слоя под «шубу» с объема служебных помещений и сценической коробки; ревизия существующего штукатурного слоя по всему объему здания; снятие слабо держащегося первоначального слоя штукатурки со всего объема здания памятника; понижение уровня культурного слоя вокруг здания в соответствии с проектным решением; ревизия кладки кирпичных стен после очистки штукатурных слоев; докомпановка разрушенных фрагментов кирпичных стен; ревизия парапетных покрытий, ремонт парапетных покрытий; ревизия деревянных стропильных конструкций с частичным ремонтом; устройство обрешетки и покрытия скатных кровель из профнастила; устройство мягких кровель на объеме зрительного зала, участка над лестничной клеткой со стороны северо-западного фасада, участка над поздним объемом зрительского фойе со стороны юго-восточного фасада; устройство козырьков на поздней фасадной стене юго-восточного фасада; устройство крылец с полной заменой облицовки согласно проектному решению; устройство отмостки; устройство штукатурки и отделки фасадных плоскостей в соответствии с проектным решением; проведение благоустройства и мощения территории; замена оконного заполнения в соответствии с первоначальным рисунком расстекловки в современных конструкциях (металлопластик); устройство водосточных труб. Согласно проведенным исследованиям, с учетом неудовлетворительного состояния штукатурного слоя со следами многочисленных ремонтов, плохого качества первоначального, было принято решение о полной замене штукатурного слоя и выполнение новой штукатурки системы «Ceresit». Основные конструктивные решения — ремонт кровли над каждым из объемов, различных по их

геометрическим параметрам. Определено 3 типа покрытия. В 2021 г. был выполнен акт государственной историко-культурной экспертизы научно-проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия «Театр металлургов», расположенного по адресу: Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. Театральный проезд, 6. Эксперты дали положительное заключение, проектная документация соответствует требованиям законодательства Российской Федерации в области государственной охраны объектов культурного наследия и рекомендуется к согласованию государственным органом охраны объектов культурного наследия в порядке, установленном законодательством. Но до настоящего времени реставрация здания так и не была проведена.

Выводы. Здание расположено на участке, ограниченном проспектом Курако, улицей Орджоникидзе и Театральным проездом. Главный фасад театра обращен к площади Победы перед заводоуправлением КМК. В общем решении здания прослеживаются объемно-планировочные принципы конструктивизма с асимметричным сочетанием объемов, которое обусловлено внутренней структурой здания. План здания отличается простотой и логичностью. Входной вестибюль, зрительный зал с кулуаром, сценическая коробка с гримерными комнатами и подсобными помещениями выделены в отдельные блоки разной формы и величины, располагающиеся друг за другом по продольной оси здания. Представляют интерес интерьеры вестибюля с нависающим над ним балконом-галереей второго этажа и просторного кулуара, разделенного рядом колонн и освещенного ленточными окнами. В результате реконструкций внешний облик здания потерял стилистическую ясность и утратил признаки конструктивизма. Переделки фасада коснулись в основном вестибюльной части здания. Убран козырек над входом, опиравшийся по периметру на столбы и придававший масштабность и торжественность главному фасаду. Вместо него пристроен остекленный тамбур. Окна в верхней части стен зрительного зала заложены. Гладкие стены были расчленены горизонтальными тягами и завершены карнизами. Изменена окраска фасадов здания. Полностью реконструированы интерьеры [Захарова, 2005. С. 64–65]. Капитальный ремонт в здании проводили в 1934 г. (внутренняя отделка), 1938 г. (заменили арки в зрительном зале и кровлю), 1961–1964 гг. (реконструкция), 1967 г. (реконструкцию сцены и др.), 2001 г. (благоустройство территории), 2002 г. (покраска фасадов), 2006 г. (пластиковые окна и др.), в 2021 г. (реставрация фасадов, ре-

монт крыши). В течение всего периода эксплуатации здание использовалось по первоначальному назначению. На боковом фасаде здания установлена мемориальная доска с текстом: «Театр металлургов построен в 1933 году за 200 дней коллективом Кузнецкстроя. Первый спектакль «Интервенция» был дан в канун XVI годовщины Великой Октябрьской социалистической революции».

Здание, расположенное по адресу: Кемеровская область, г. Новокузнецк, Театральный проезд, д. 6 является объектом культурного наследия регионального значения «Театр металлургов», 1933 г., согласно постановлению Коллегии администрации Кемеровской области от 20.12.2007 (№358). Здание первого рабочего театра является памятником истории, связанным с начальным периодом строительства города. Театр металлургов, как и большинство первых зданий города, был построен на площади возле заводоуправления Кузнецкого металлургического комбината. В архитектурном решении здания прослеживаются приемы формообразования, характерные для конструктивизма.

Приказом Министерства культуры Российской Федерации Объект был включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему реестрового номера 441210003360005.

Список литературы

1. Акт технического состояния от 03 мая 2018 г. // Приложение к Охранному обязательству, утвержденному приказом комитета по охране ОКН Кемеровской области от 25.05.2018 (№49).
2. Бурд, П. В кратчайший срок закончить ремонт кино «Коммунар» и театра // Большеви́стская сталь. – 1934. – 8 октября (№ 231).
3. Десять лет города угля и металла // Сборник / [Под ред. А. Фурман, Г. Калинина, И. Домницкого, В. Целищева]. — Сталинск: Юбил. комиссия по орг-ции празднования 10-летия Кузнец. металлург. завода им. Сталина и города Сталинска, 1939. — 288 с.
4. «ЕВРАЗ» ремонтирует Театр металлургов // Губернские ведомости. - Кемерово; Новокузнецк, 2006. - 18 февраля (№ 29).
5. Есть театр! // Большеви́стская сталь. – 1933. – 7 ноября (№ 256).
6. Заметка // Большеви́стская сталь. — 1941. - 01 октября (№166).
7. Заметка // Большеви́стская сталь. — 1941. - 17 октября (№ 173).
8. Заметка // Большеви́стская сталь. — 1941. - 19 октября (№174).
9. Заметка // Большеви́стская сталь. — 1945. - 25 февраля (№ 39).
10. Захарова, И. В. Театр Металлургов: первое театральное здание города // Архитектурное наследие Кузбасса 1910-1930-х гг. / И. В. Захарова. - Кемерово, 2005. – 104 с.
11. Зяблицева С.В. Театральный потенциал Западной Сибири в предвоенное десятилетие // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2015. - № 3. - С.181-187.
12. Кожевников С. Каким должен быть город Сталинск? // Советская Сибирь. 1933.- 1 марта.- (№ 47).
13. Новокузнецк. 1941–1945 гг. Хроника. События. Факты // Управление культуры Администрации г. Новокузнецка, Муниципальное бюджетное учреждение «Муниципальная информационно-библиотечная система г. Новокузнецка»; [сост.: Т.Н. Киреева; отв. за вып.: И. В. Можяева]. — Новокузнецк: [б. и.], 2020. — 220 с.
14. Объявление // Большеви́стская сталь. — 1941.- 19 октября (№ 174).
15. Победы Сталинска – победы СССР // Советская Сибирь. -1933.-10 ноября (№246).
16. Сборник Кузнецкстроя 1930 г. // Отв. ред. глав. инж. И. П. Бардин. - Томск: Кузнецкстрой, 1930 (тип. изд. "Красное знамя"). - [2]. - 155 с.
17. Снова в родном городе // Большеви́стская сталь. – 1944. – 24 ноября (№ 233).
18. Сорочкин, Б. О комплексном перспективном планировании творческого, экономического и социального развития театра / Б. О. Сорочкин // Актуальные вопросы экономики и организации театрального дела : сб. науч. тр. — М. : ГИТИС, 1986. — С. 51–60.
19. Сталинск // Б. Е. Светличный, Н. К. Габелко. - Москва: Гос. изд-во лит. по стр-ву и архитектуре, 1954. (Архитектура городов СССР).
20. Театральный сезон в Сталинске // Советская Сибирь. – 1936. – 12 октября (№237).
21. Технический архив проектного отдела КМК. 1938 г.
22. Технический архив проектного отдела КМК. 1961–1964 гг.
23. Технический архив проектного отдела КМК. 1967 г.
24. Технический архив проектного отдела КМК. 2001 г.
25. Техпаспорт Новокузнецкого БТИ. 2002 г.
26. Целищева М.А. 75 лет со времени окончания строительства Дома культуры Барнаульского меланжевого комбината (ДК БМК) // Барнаульский хронограф, 2012 г.: календарь знаменат. и памят. дат.- Барнаул: 2011. - С.54–58.
27. Целищева М.А. Памятник архитектуры «Клуб в честь 12-летия Октября» в г. Рубцовске // Баландинские чтения: сборник

статей научных чтений памяти С.Н. Баландина 15–17 апреля 2015 г. - Новосибирск: Новосиб. гос. архит. - худ. акад., 2015. - Т.Х. - Ч.2. - С.239–243.

References

1. Akt tekhnicheskogo sostoyaniya ot 03 maya 2018 g. [Certificate of technical condition dated May 03, 2018]. Prilozhenie k Okhrannomu obyazatel'stvu, utverzhennomu prikazom komiteta po okhrane OKN Kemerovskoi oblasti ot 25.05.2018 (No 49). (in Russ.)

2. Burd, P. V kratchaishii srok zakonchit' remont kino «Kommunar» i teatra. [Complete the repair of the Kommunar cinema and the theater as soon as possible] Bol'shevistskaya stal'. 1934. 8 oktyabrya (No 231). (in Russ.)

3. Desyat' let goroda uglja i metalla. [Ten years of the city of coal and metal]. In: Sbornik. [Pod red. A. Furman, G. Kalinina, I. Domnitskogo, V. Tselishcheva]. Stalinsk: Yubil. komissiya po org-tsii prazdnovaniya 10-letiya Kuznets. metallurg. zavoda im. Stalina i goroda Stalinska, 1939. 288 p. (in Russ.)

4. «EVRAZ» remontiruet Teatr metallurgov. [EVRAZ repairs the Metallurgists Theater] Gubernskie vedomosti. Kemerovo; Novokuznetsk, 2006. 18 fevralya (No 29). (in Russ.)

5. Est' teatr! [This is a theater!] Bol'shevistskaya stal'. 1933. 7 noyabrya (No 256). (in Russ.)

6. Kozhevnikov S. Kakim dolzhen byt' gorod Stalinsk? [What should the city of Stalinsk be like?] Sovetskaya Sibir'. 1933. 1 marta. (No 47). (in Russ.)

7. Novokuznetsk. 1941-1945 gg. Khronika. Sobytiya. Fakty. [Novokuznetsk. 1941-1945. Chronicle. Events. Facts] Upravlenie kul'tury Administratsii g. Novokuznetska, Munitsipal'noe byudzhethnoe uchrezhdenie «Munitsipal'naya informatsionno-bibliotchnaya sistema g. Novokuznetska»; [sost.: T.N. Kireeva; otv. za vyp.: I. V. Mozhaeva]. Novokuznetsk: [b. i.], 2020. 220 p. (in Russ.)

8. Ob'yavlenie. [An advert] Bol'shevistskaya stal'. 1941. 19 oktyabrya (No 174). (in Russ.)

9. Pobedy Stalinska – pobedy SSSR. [Victories of Stalinsk are victories of the USSR] Sovetskaya Sibir'. 1933. 10 noyabrya (No 246). (in Russ.)

10. Sbornik Kuznetskstroya 1930 g. [Kuznetskstroy collection 1930] Otv. red. glav. inzh. I. P. Bardin. - Tomsk: Kuznetskstroj, 1930 (tip. izd. "Krasnoe znamya"). [2]. 155 p. (in Russ.)

11. Snova v rodnom gorode. [Back in hometown] Bol'shevistskaya stal'. 1944. 24 noyabrya (No 233). (in Russ.)

12. Sorochkin, B. O kompleksnom perspektivnom planirovanii tvorcheskogo, ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya teatra. [About a comprehensive and perspective planning of creative, economic and social development of the

theater] B. O. Sorochkin. Aktual'nye voprosy ekonomiki i organizatsii teatral'nogo dela: sb. nauch. tr. Moscow : GITIS, 1986. P. 51-60. (in Russ.)

13. Stalinsk. [Stalinsk] B. E. Svetlichnyi, N. K. Gabelko. Moscow: Gos. izd-vo lit. po str-vu i arkhitekture, 1954. (Arkhitektura gorodov SSSR). (in Russ.)

14. Teatral'nyi sezon v Stalinske. [Theater season in Stalinsk] Sovetskaya Sibir'. 1936. 12 oktyabrya (No 237). (in Russ.)

15. Tekhnicheskii arkhiv proektnogo otdela KMK. [Technical archive of the design department of the Mechanical Design Complex] 1938. (in Russ.)

16. Tekhnicheskii arkhiv proektnogo otdela KMK. [Technical archive of the design department of the Mechanical Design Complex] 1961-1964. (in Russ.)

17. Tekhnicheskii arkhiv proektnogo otdela KMK. [Technical archive of the design department of the Mechanical Design Complex] 1967. (in Russ.)

18. Tekhnicheskii arkhiv proektnogo otdela KMK. [Technical archive of the design department of the Mechanical Design Complex] 2001. (in Russ.)

19. Tekhpasport Novokuznetskogo BTI. [Technical passport of Novokuznetsk Technical Inventory Bureau] 2002. (in Russ.)

20. Tselishcheva M.A. Pamyatnik arkhitektury «Klub v chest' 12-letiya Oktyabrya» v g. Rubtsovsk. ["The club-house in honor of the 12th anniversary of the October Revolution" as an architectural monument in Rubtsovsk] Balandinskie chteniya: sbornik statei nauchnykh chtenii pamyati S.N. Balandina 15-17 aprelya 2015. Novosibirsk: Novosib. gos. arkh. - khud. akad., 2015. - Vol. 10 – Pt.2. - P. 239-243. (in Russ.)

21. Tselishcheva M.A. 75 let so vremeni okonchaniya stroitel'stva Doma kul'tury Barnaul'skogo melanzhevogo kombinata (DK BMK). [75th anniversary of the end of the construction of the Barnaul Melange Plant's House of Culture] Barnaul'skii khronograf, 2012: kalendar' znamenat. i pamyat. dat. Barnaul: 2011. P.54-58. (in Russ.)

22. Zakharova, I. V. Teatr Metallurgov: pervoe teatral'noe zdanie goroda. [The Theater of Metallurgists: the first theater building in the city] Arkhitekturnoe nasledie Kuzbassa 1910-1930. I. V. Zakharova. Kemerovo, 2005. P. 104. (in Russ.)

23. Zametka. [A note] Bol'shevistskaya stal'. 1941. 01 oktyabrya (No166). (in Russ.)

24. Zametka. [A note] Bol'shevistskaya stal'. 1941. 17 oktyabrya (No 173). (in Russ.)

25. Zametka. [A note] Bol'shevistskaya stal'. 1941. 19 oktyabrya (No 174). (in Russ.)

26. Zametka. [A note] Bol'shevistskaya stal'. 1945. 25 fevralya (No 39). (in Russ.)

27. Zyablitseva S.V. Teatral'nyi potentsial

Zapadnoi Sibiri v predvoennoe desyatiletie. [The potential of Western Siberia theatres in the pre-war decade] Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2015. No 3. P.181-187. (in Russ.)

Список источников

1. ГА РФ, Ф.А-314. Оп.1. Д.7879.
2. ГАКО, Ф.П-18. Оп.1. Д.78.
3. ГАНО, Ф. Р-1376. Оп.1. Д.42.

Список сокращений

ГАКО — Государственный архив Кемеровской области
ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
КМК — Кузнецкий металлургический комбинат.

Материал передан в редакцию 30.06.2025

Проектная стратегия локального брендинга культурного наследия на примере «Музея-усадьбы П.И. Чайковского» в городе Воткинске

Аннотация

В статье рассматривается анализ возможностей формирования устойчивого локального бренда на базе культурного наследия «Музея-усадьбы П.И. Чайковского». В работе изучается современный комплексный подход к интеграции коммуникационных стратегий, включая несколько уровней взаимодействия с аудиторией в контексте продвижения культурного наследия как сильного бренда. Проводится детальная типологизация контента по тематическим направлениям, которые используются в различных событиях и мероприятиях музея-усадьбы. Предлагается прогнозирование развития локальных брендов продукции от «Музея-усадьбы П.И. Чайковского». Результаты работы могут быть применены не только для совершенствования деятельности конкретного музея, но и для разработки типовых решений брендинга других объектов культурного наследия усадебного типа.

Ключевые слова: локальное брендинг; культурное наследие; Музей-усадьба П.И. Чайковского; проектная стратегия культурного наследия

K. Ivshin¹, K. Jurina²
Udmurt State University (Izhevsk)
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, Russia, 426034
²yurksenia@mail.ru
¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6841-8505>

Project strategy for local branding of cultural heritage on the example of the "Museum-Estate of P.I. Tchaikovsky" in Воткинск

Abstract

The article examines the analysis of the possibilities of forming a sustainable local brand based on the cultural heritage of the Museum-Estate of P.I. Tchaikovsky. The work examines a modern, comprehensive approach to integrating communication strategies, including multiple levels of audience engagement in the context of promoting cultural heritage as a strong brand. A detailed typology of content is carried out in thematic areas that are used in various events and events of the museum-estate. It is proposed to predict the development of local product brands from the "Museum-Estate P.I. Tchaikovsky." The results of the work can be applied not only to improve the activities of a particular museum, but also to develop standard branding solutions for other objects of cultural heritage of the manor type.

Keywords: local branding; cultural heritage; Museum-estate P.I. Tchaikovsky; project strategy of cultural heritage

Введение. В контексте реализации государственной политики по развитию регионов Российской Федерации особенно актуальными становятся вопросы эффективного использования культурного потенциала территорий. Современные стратегии пространственного развития предполагают комплексный подход, где культурное наследие выступает важным ресурсом создания уникальных образов.

Особое значение в данном процессе играют мемориальные музеи-усадьбы, которые, несмотря на обширную историко-культурную базу, зачастую лишены узнаваемого

визуального языка. Музей-усадьба П.И. Чайковского в г. Воткинске представляет собой пример подобного объекта, где сохраняется заметный дисбаланс между богатым культурным наследием и его представлением в коммуникационном пространстве. Эту проблему можно решить с помощью устойчивого локального бренда.

И. Каварацис, давая определение территориальному брендингу, выделяет несколько ключевых составляющих коммуникации, через которые раскрывается своеобразие определенной территории: визуальное, поведенческое, словесное. Благодаря согласован-

ности этих трех элементов у целевой аудитории формируется позитивная ассоциация, а у бренда — целостность [Шафранская 2011, с. 6–15]. Для усадебного брендинга необходим еще один важный компонент: индивидуальный. Именно он демонстрирует личность владельца, отражает его характер и является смысловым ядром, на основе которого создается «очеловеченный» образ мемориального комплекса.

Таким образом, для создания эффективной стратегии локального бренда на базе культурного наследия «Музея-усадьбы П.И. Чайковского» необходимо учитывать:

- аутентичность исторического контекста комплекса;
- целостность смысловой основы;
- позитивную коннотацию позиционирования;
- индивидуальный компонент (личность композитора).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки научно-обоснованной проектной стратегии, которая позволит максимально реализовать культурный потенциал музея-усадьбы, создать устойчивую систему ее позиционирования, обеспечить экономическую эффективность деятельности и будет способствовать формированию положительного имиджа территории. Особую значимость также приобретает вопрос интеграции коммуникационных стратегий музея в общие тенденции развития культурного туризма в Удмуртии.

Полученные результаты и их обсуждения. Современные тенденции культурного брендинга демонстрируют переход от фрагментарных маркетинговых решений к созданию целостной коммуникационной экосистемы, которая объединяет стратегию продвижения и индивидуальный визуальный язык. [Кусраева 2017, с. 80–82] Для его создания необходимо определить смысловое ядро бренда, в концептуальной основе которого лежит личность Петра Ильича Чайковского и его детство, проведенное на территории усадьбы, и архитектурные, садово-парковые элементы, которые там располагаются: мемориальный дом, липовый парк, центр культурных инициатив, кафе и сувенирный магазин, дополнительные строения.

«Воткинск — колыбель музыкального гения» — идея, объединяющая территориальную принадлежность с уникальным вкладом места в становление творческой личности композитора. Она формирует ключевые смысловые оси: «генезис таланта» — усадьба как пространство первичного эмоционально-музыкального опыта; «аутентичность места» — сохранение подлинного контекста детских лет П.И. Чайковского; «живая традиция» — преемственность музыкальной культуры XIX века и настоящего времени.

Каждая из них, в свою очередь, оказывает влияние на интеграцию коммуникаций и структурные элементы бренда.

Концептуальные основы интеграции коммуникаций. Каждую из основ можно рассматривать в качестве системы каналов связи, в которой элементы отвечают за свою специфическую функцию.

Институциональный уровень обеспечивает нормативно-правовую и ресурсную поддержку. Реализация этого канала связи предполагает выстраивание партнерских отношений с ключевыми стейкхолдерами: органами власти, образовательными учреждениями и туристическими операторами. Взаимодействие с органами власти может включать в себя разработку совместных программ развития и региональных туристических проектов, а также поможет продвигать и поддерживать интересы объекта. Сотрудничество с образовательными учреждениями может предполагать создание образовательных программ, включающих в себя посещение комплекса для прослушивания лекций, организацию практик и стажировок как для реализации ландшафтных проектов, так и для проведения концертов, а также проведение совместных исследований со школьниками и студентами. Работа с туристическими операторами поможет разработать специализированные маршруты и создать пакетные предложения для групповых посещений комплекса; усадьба, в свою очередь, может обучать гидов для проведения тематических экскурсий на территории.

Медийный уровень строится на традиционном и цифровом каналах связи. Традиционный канал содержит пресс-релизы и медиакиты (комплекты, содержащие текстовую и визуальную информацию в фирменном стиле), печатную продукцию (каталоги, буклеты, журналы) и форму участия в профильных выставках. Цифровой канал включает в себя официальный сайт, социальные сети (разные платформы для разных аудиторий) и мобильное приложение с расширенным функционалом, которое позволит узнавать больше об усадебном комплексе за его пределами и взаимодействовать с экспозиционными элементами непосредственно на территории. В этот уровень входит контент-стратегия: редакционный календарь, система тематических рубрик, политика визуального представления.

Опытно-ориентировочный уровень формирует посетительский опыт. В иммерсивные практики можно включить исторические реконструкции событий, театрализованные экскурсии и интерактивные инсталляции, которые могут входить в образовательные программы. Они, в свою очередь, могут быть представлены в формате мастер-классов,

лекционных циклов или творческих лабораторий. Событийные форматы могут предполагать камерные концерты, тематические фестивали и сезонные мероприятия.

В данной системе нужно уделять особое внимание поддержанию равновесия между исторической аутентичностью, современными технологиями и коммерческой эффективностью.

Типологизация контента, который используется в различных событиях и мероприятиях музея-усадьбы. Ее можно осуществлять с помощью ключевых смысловых осей, трансформируя их в конкретные брендинговые решения и программные взаимодействия.

Ось «Генезис таланта». Включает в себя преимущественно просветительные и образовательные элементы. Главная цель — настроить взаимодействие с самыми маленькими посетителями и их родителями, мягко интегрируя их в процессы, события и мероприятия, а также дать детям возможность почувствовать себя на месте Петра Чайковского.

Визуальная идентификация этой оси может включать в себя графические формы, которые отражают эволюцию, рост и развитие Чайковского, как композитора: от «детских каракулей» к первым нотным записям, от любительских рисунков к профессиональным эскизам. На ее основе можно разработать серию мастер-классов по камерному музицированию в усадебных интерьерах, на которых участники будут использовать наборы письменных принадлежностей в фирменном стиле. Например, «Детская нотная тетрадь», представляющая из себя дневник с интерактивными заданиями.

Событие предполагает реконструкцию детских музыкальных упражнений и занятий, через которые проходил сам Чайковский. В событийный календарь могут быть включены ежегодные фестивали «Первые аккорды» и «Новый звук» с реконструкцией музыкальных впечатлений детства для участников разных возрастов; «Методики воспитания композитора» и «Талант под микроскопом» - практикумы для родителей и педагогов, включающие музыкальные тесты и лекторий. Научно-популярные форматы могут быть представлены в виде циклов подкастов с анализом сохранившихся детских сочинений и экспертных комментариев музыковедов, интерактивных станций, а также AR-проекта, на котором дети обсуждают с виртуальным образом юного Чайковского музыку и узнают от него об усадебном быте и о детстве композитора в целом.

В эту систему может войти уже существующий бренд «Кошка у окошка» [«Музей-

усадьба П.И. Чайковского»: новости]. Это образовательный бренд музея, созданный для детей. Его ключевые элементы — 4 персонажа-маскота: маленький Петя Чайковский, щенок, котенок и птичка-синичка, которые сопровождают детей в игровом процессе. Четыре героя были созданы, чтобы быть проводниками в мир детского творчества, вдохновленного наследием Петра Ильича Чайковского. Каждый из них — верный друг Пети, помогающий ему (и маленьким посетителям музея) раскрываться в творчестве. Котик — вдохновение для слов и рифм. Он является символом литературной мастерской, поэзии и любви к чтению. Птичка-синичка — маленький маэстро. Символизирует музыкальную мастерскую, ритмы, мелодии. Щенок — мастер красок и форм. Символизирует арт-мастерскую, живопись и рукоделие. Петя Чайковский — это главный мечтатель, который олицетворяет связь между всеми видами искусства. Герои отражают четыре направления детских мастерских в музее: театральную, музыкальную, литературную и арт-мастерскую. Основная идея проекта — превратить пространство музея в место, где дети открывают для себя Чайковского, развивают свою фантазию и таланты (ил. 1).

В рамках бренда можно продолжать развивать циклы тематических и сезонных мероприятий, а также интерактивные зоны.

Ил. 1. Пример интерактивной зоны, созданный в фирменном стиле бренда «Кошка у окошка» (графический макет, А. Прошунина)
Fig. 1. An example of an interactive zone created in the corporate style of the Cat by the Window brand [graphic layout, A. Proshunina]

Ось «Аутентичность места». Выстраивает культурный диалог между посетителями и территорией. Цель – погрузить их в атмосферу места, сформировать «эффект машины времени», познакомить с характерной атрибутикой.

Может включать в себя пространственные реконструкции: интерактивные планы, точные 3D-модели усадебного комплекса 1840-х гг., систему маркировки подлинных элементов здания. В ландшафтном атласе может быть представлена дендрологическая реконструкция сада и акустическая карта территории, воспроизводящая звуки, которые слышал когда-то сам Чайковский, находясь на территории усадьбы (колокола, птицы, природные шумы). Предметный мир усадьбы можно представить в каталоге артефактов: оцифрованная коллекция подлинных вещей семьи, сопровождающаяся системой «История одного предмета» с тактильными копиями для незрячих посетителей. Реконструкция интервьюеров может быть дополнена системой «Запахи эпохи», которая будет включать индивидуальные ароматы, усиливающие впечатление посетителей. Интеграция документальных проектов — например «Усадебный архив» и «Свидетели эпохи» — дополнят опыт зрителей устными историями потомков современников Чайковского, реконструкциями диалектной речи.

Проекты аутентичного опыта могут включать в себя реконструкции усадебного распорядка и кулинарные мастер-классы по семейным рецептам. В рамках реализации «доступной среды» можно спроектировать тактильные карты для незрячих, звуковые маршруты и ароматические станции. Все эти элементы можно включить в событийный календарь. В его рамках также есть возможность реализовать мероприятия и события, связанные с Днем науки, научно-практическими конференциями, Днем музыки и локальными тематическими фестивалями, посвященными науке, музыке и Чайковскому. В качестве примера может быть представлен проект «Окно в 1843 год» — точная реконструкция одного дня из жизни усадьбы с синхронизацией естественного освещения, звукового фона, запахов и расписания занятий семьи. Эта практика обеспечит посетителям не только новый эмпирический опыт, но и наполнит их атмосферой места, знаниями и впечатлениями.

Ось «Живая традиция». Отражает преемственность между историческим контекстом усадьбы и современной культурой, подчеркивая актуальность наследия Чайковского.

Цель – установить «диалог эпох» между посетителями, художниками, музыкантами и территорией мемориального комплекса. Эта ось позволяет музею оставаться хранителем наследия и избежать «музейной застылости».

В рамках комплекса можно реализовать образовательные инициативы: «Школу Чайковского» — лабораторию для юных композиторов, включающую в себя мастер-классы по созданию современных произведений под влиянием тем и приемов Чайковского, и открытый лекторий «Не только Чайковский», на котором ребята будут исследовать влияние усадебной культуры на других русских композиторов (Рахманинов, Скрябин), а также проводить сравнительный анализ нотных записей с их современными интерпретациями. Окончание проекта — ежегодный фестиваль детских музыкальных сочинений «Продолжая традицию».

Художественная интервенция добавит элемент мультимедийности. Проект «Усадьба: перезагрузка» в сотрудничестве с современными художниками не только наполнит усадебный комплекс новым инсталляциями, но и продемонстрирует, как наследие вдохновляет актуальное искусство. Дальнейшее развитие может получить уже сложившаяся традиция тесного взаимодействия музея-усадьбы и студентов Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета. В рамках этой традиции молодые дизайнеры в мае каждого года разрабатывают, а потом воплощают в материале тематические арт-объекты на определенную тему. В них ребята переосмысливают усадебный быт, наделяют музыкальные произведения цветом и раскрывают жизнь Чайковского через художественные образы (ил. 2, 3).

Ил. 2. Арт-инсталляция на тему «Чайковский как наставник»¹

Fig. 2. Art installation on the theme "Tchaikovsky as a mentor"²

¹ Интернет-ресурс «Музей-усадьба П.И. Чайковского». URL: <https://vk.com/tchaikovskyhome>

² Internet resource "Museum-estate P.I. Tchaikovsky". URL: <https://vk.com/tchaikovskyhome>

Ил. 3. Процесс создания арт-инсталляция на тему «Друг о друге»

Fig. 3. The process of creating an art installation on the theme "About each other"

В событийный календарь могут войти «Усадебные сезоны» — цикл мероприятий, связанный с природными и историческими циклами: весной — «Птичий концерт», который является результатом работы музыкальной лаборатории, а зимой — «Бал в Воткинске» — реконструкция зимних тематических мероприятий с мастер-классами по бальному этикету.

В качестве цифрового проекта, который поможет популяризировать объект и рассказать о нем, может выступать «Чайковский в VK видео»: пользователи создают короткие видеоролики, где исполняют фрагменты произведений Чайковского в неожиданных местах (например, в метро или на природе).

Прогнозирование локальных брендов. Локальные бренды усадьбы должны не только обеспечивать доход, но и создавать устойчивую эмоциональную связь с посетителями и продвигать наследие Чайковского за пределами музея. Их можно поделить на несколько категорий: гастрономические, ремесленные и авторские, цифровые, образовательные и интерактивные, а также событийные и туристические.

Среди гастрономических брендов могут быть представлены: «Усадебная кондитерская», воссоздающая десерты по рецептам семьи Чайковских, «Чайковский & Кофе» — линейка кофейных смесей с разными вкусами (например, с нотами ванили и цитруса — любимыми ароматами композитора) и медовые наборы, созданные в партнерстве

с местными пасеками и содержащие наборы для чая из растений усадебного сада, а также письма Чайковского о природе. Кондитерские и кофейные изделия могут быть созданы в сотрудничестве с такими производителями как Воткинский пищекомбинат и Tasty coffee.

В категории ремесленных и авторских брендов можно выделить несколько категорий: музыкальные сувениры, посуда, предметы гардероба и коллекции ароматов. В качестве музыкальных сувениров могут быть представлены деревянные свистульки, нотные блокноты или сборная модель шкатулки в формате конструктора. Посуда может представлять собой наборы — из фарфора или из стекла — с репродукциями детских рисунков Чайковского. Предметы гардероба — шелковые платки, пояса и рубашки, декорированные узорами из нотных листов «Детского альбома» Петра Ильича Чайковского. В категории коллекций ароматов могут быть представлены ароматические свечи, дублирующие характерные запахи «атмосферы и настроения» жилых помещений усадьбы, а также парфюмерные коллекции, созданные в коллаборации с производителем «Библиотека Ароматов». Парфюмерные коллекции могут быть тематическими (например, посвящены периодам жизни Чайковского или его произведениям) и реализовываться как в дорожных форматах, так и в полноразмерных — подарочных. Сотрудничество с местными мастерами также поможет укрепить региональную идентичность.

Цифровые и виртуальные бренды могут представлять собой коллекции и виртуальные концерты с элементами интерактива и геймификации. С анимированными партитурами музыканты смогут освоить произведения Чайковского, а прямые эфиры камерных выступлений из усадьбы позволят «посетить» комплекс даже из другой страны. Все это можно разместить в фирменном мобильном приложении, которое может быть дополнено интерактивным гидом для персональных экскурсий, а также игровыми квестами.

Образовательные и интерактивные бренды для разных возрастных категорий: «Маленький Чайковский» — для самых маленьких и «Чайковский пишет» — формат подкаста про письма композитора для тех, кто хочет узнать о нем немного больше. Объединить категории зрителей можно через «Усадебный театр» — кукольные спектакли по мотивам детства композитора. Этот формат можно реализовать в сотрудничестве с «Кукольным театром Удмуртской Республики» или на базе локальной театральной лаборатории.

Событийные и туристические бренды имеют возможность реализации как в партнерстве с туристическими агрегаторами, такими как «Открывая Удмуртию» и «Путешествуй по Удмуртии», так и только с использованием ресурсов усадебного комплекса. «Музыкальные выходные» - фестивали камерной музыки в парке усадьбы. «Зимний бал» — исторические реконструкции с обучением танцам XIX века. Тематические гастрономы — дегустация блюд эпохи Чайковского с рассказами о кулинарных привычках семьи. Также существует возможность создания абонементов (например, «Времена года»), которые позволят посещать циклы тематических музыкальных вечеров.

Выводы. Музей-Усадьба П.И. Чайковского обладает значительным потенциалом для создания сильного локального бренда благодаря уникальному сочетанию исторической аутентичности, музыкального наследия и возможности современных интерпретаций. Основой брендинга может стать идея «Воткинск — колыбель гения», а девизом может стать «Воткинск — место, где родилась музыка» — оба слогана включают территорию и личность композитора в культурный контекст. Развитие бренда должно придерживаться трех направлений: истоков таланта Чайковского (его детства), сохранения подлинности места и создания культурного диалога между прошлым и настоящим через интерактивные технологии и событийные форматы.

Для реализации этой стратегии можно использовать образовательные проекты, такие как «Школа Чайковского», внедрять иммерсивные технологии вроде AR-гидов, а также организовывать фестивали, концерты и лектории. Помимо этого, важно развивать линейку уникальных сувениров и цифровых продуктов, чтобы привлекать новых посетителей и увеличивать доходы.

Для успеха реализации важно сотрудничать с вузами, музыкальными учреждениями и местными производителями.

Данная стратегия брендинга музея-усадьбы может стать успешным примером для многих других подобных проектов, показывая, что историко-культурное наследие можно превратить в живой, экономически устойчивый и эмоционально значимый бренд.

Список литературы

1. Кусраева Ольга Анатольевна Современная теория брендинга: разделение подходов на основе функциональной составляющей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. — 2017. — №1. — С. 69–91.
2. Шафранская И. Стратегии брендинга в территориальном маркетинге // Город меняющийся: траектории развития и культурные пространства. — Пермь: Перм. филиал НИУ ВШЭ, 2011. — С. 1–20.

References

1. Kusraeva Ol'ga Anatol'evna Sovremennaja teorija brendinga: razdelenie podhodov na osnove funkcional'noj sostavljajushhej [Modern branding theory: separation of approaches based on functional component]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment. 2017. No 1. — Pp. 69–91. (In Russ.).
2. Shafranskaja I. Strategii brendinga v territorial'nom marketinge [Branding strategies in territorial marketing]. In: Gorod menjajushijsja: traektorii razvitija i kul'turnye prostranstva. Perm': Perm. filial NIU VShJe, 2011. Pp. 1–20. (In Russ.).

Список литературы

1. «Музей-усадьба П.И. Чайковского»: новости // Музей-усадьба П.И. Чайковского. — URL: <https://tchaikovskyhome.ru/news/sections/photoreport?page=1> (Дата обращения: 1.05.2025)

Материал передан в редакцию 30.05.2025

Сведения об авторах

Авдеева Екатерина Дмитриевна, магистрант кафедры архитектуры Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д.Крячкова

Виноградова Лилия Сергеевна, доцент кафедры теории и истории архитектуры Алтайского государственного технического университета имени И.И. Ползунова, кандидат искусствоведения (Барнаул)

Журин Николай Петрович, заведующий кафедрой теории и истории архитектуры и градостроительства Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, кандидат архитектуры

Загваздин Евгений Петрович, научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук

Ившин Константин Сергеевич, профессор кафедры дизайна Удмуртского государственного университета, доктор технических наук (Ижевск)

Косинова Елена Владимировна, преподаватель кафедры архитектуры Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова

Майничева Анна Юрьевна, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, доктор исторических наук (Новосибирск)

Смирнов Дмитрий Андреевич, архитектор ООО «Первый Проектный», магистр архитектуры (Омск)

Сорокин Алексей Евгеньевич, старший научный сотрудник Новокузнецкого краеведческого музея

Филонов Сергей Владимирович, хранитель фондов Музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина при НГУАДИ

Целищева Марина Александровна, историк Алтайской региональной краеведческой общественной организации «Наследие Алтая» (Барнаул)

Юрина Ксения Денисовна, студент Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета (Ижевск)

Научное издание

Баландинские чтения:
сборник статей научных чтений памяти
Сергея Николаевича Баландина
Том XIX

Корректор А.Е. Гашенко
Вёрстка М.П. Зейбель
Фото на обложке А.Е. Гашенко
